

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

СИНИЦЫН ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ

**РОССИЙСКИЕ ИСТОРИКИ
XX века:
историографические
очерки**

Казань

2022

УДК 94
ББК 63
С 38

*Печатается по рекомендации
кафедры исторического и обществоведческого
образования (на базе Института всеобщей истории РАН)
Казанского федерального университета*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязева **Г.П. Мягков**

доктор исторических наук, профессор Казанского федерального университета **Р.Р. Фахрутдинов**

С 38 Российские историки XX века: историографические очерки. /
О.В. Сеницын. – Казань: ООО «45», 2022. – 186 с.

ISBN 978-5-6048266-6-9

Научное издание доктора исторических наук профессора Института международных отношений Казанского федерального университета О.В. Сеницына посвящено истории отечественной исторической науки в XX веке и состоит из историографических очерков автора разных лет, посвященных российским историкам - представителям ведущих отечественных исторических школ – *московской, петербургской, казанской, томской*. Статьи, вошедшие в книгу, объединяет антропологический подход, позволяющий уделить первостепенное внимание движению исторической мысли избранных репрезентантов этих школ.

ISBN 978-5-6048266-6-9

© О.В. Сеницын, 2022
ООО «45», оформление, 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга состоит из статей автора разных лет, которые объединяет одна общая идея, **цель** которой создание историографических очерков творческой деятельности российских историков XX века.

Задачи:

- охарактеризовать научные исследования ведущих российских историографических школ: *московской, петербургской, казанской, томской*;
- первостепенное внимание уделить теоретико-методологической и историографической проблематике в творчестве представителей этих школ;
- показать преемственность традиций в исторических исследованиях этого научного сообщества ученых;
- высветить вклад в развитие исторической науки историков Казанского университета и Казанского педагогического института/университета.

Большинство из статей стали результатом выступлений автора на различных международных и всероссийских научных конференциях, приуроченных к юбилейным датам со дня рождения российских историков, проходивших в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Томске, Пензе, Чебоксарах или написанных для специальных юбилейных сборников моих современников, учителей и коллег.

Выражаю глубокую благодарность своим учителям, коллегам и друзьям профессорам Владимиру Ароновичу Дунаевскому, Алексею Николаевичу Цамутали, Борису Георгиевичу Могльницкому, Николаю Ивановичу Смоленскому, Исмаилу Ибрагимовичу Шарифжанову, Владимиру Васильевичу Иванову, Марине Федоровне Румянцевой, Сергею Павловичу Рамазанову, Алле Ервандовне Шикло, Николаю Петровичу Мунькову, Герману Пантелеймоновичу Мягкову, Наталье Петровне Берляковой, которые способствовали моим размышлениям и написанию этих историографических очерков и их дальнейшей публикации.

Ключевский Василий Осипович

Методологические поиски В.О. Ключевского в условиях смены парадигм в исторической науке в конце XIX-начале XX в.¹

30 сентября 1911 года один из учеников Василия Осиповича Ключевского М.М. Богословский в речи, посвященной памяти учителя сказал: «Глубокий и тонкий исследователь исторических явлений, он сам стал теперь законченным историческим явлением, крупным историческим фактом нашей умственной жизни. Этот факт ждет и требует исследования, объяснения и изучения. Вспоминая его сегодня, мы делаем первую слабую попытку его объяснить, - попытку, за которую должно последовать обстоятельное, подробное и всесторонне его изучение» [1]. Эти слова, сказанные ровно 105 лет назад, могут быть лейтмотивом международной научной конференции в Пензе, посвященной 175-летию со дня рождения В.О. Ключевского.

Жизнь и научно-педагогическая деятельность Василия Осиповича Ключевского проходила во второй половине XIX - начале XX в., в

---

¹ Статья опубликована в Материалах VI Международной научной конференции, посвященной 175-летию со дня рождения В.О. Ключевского, проходившей в Пензе в 2016 году «Творческое наследие В.О. Ключевского в истории, культуре и литературе»: *Синицын О.В. Методологические поиски В.О. Ключевского в условиях смены парадигм в исторической науке в конце XIX-начале XX в. // Творческое наследие В.О. Ключевского в истории, культуре и литературе: Материалы VI Международной научной конференции, посвященной 175-летию со дня рождения выдающегося историка В.О. Ключевского / под общ. ред. Н.П. Берляковой. - Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. - С. 173-178.*

пореформенный период российской истории, когда произошли большие перемены во всех сферах жизни российского общества. Эти перемены в немалой степени затронули и историческую науку, для которой был характерен процесс теоретического перевооружения науки, с антипозитивистской реакцией и в форме становления методологии истории как специальной исторической дисциплины.

При этом, В.О. Ключевский одним из первых среди отечественных историков осознал необходимость разработки методологических основ исторической науки как условие ее дальнейшего прогрессивного развития и постепенно формировал свою «ключевсковскую методологию истории». В этой связи известный российский историк-методолог А.С. Лаппо-Данилевский в статье «Исторические взгляды В.О. Ключевского» специально подчеркивал; «В образованных кругах московского общества шестидесятых годов Ключевский уже не застал ни прежнего интереса к немецкому идеализму, ни той борьбы, которую западники вели с «верными славянофилами». Благодаря изменившимся условиям, молодой ученый мог свободно пользоваться взглядами и выводами разных школ и направлений и вырабатывал свои собственные воззрения не без влияния тех впечатлений, какие он вынес из эпохи великих реформ и социального переустройства нашей жизни» [2]. Можно согласиться с такой характеристикой особенностей исторических взглядов В.О. Ключевского, как и со схожими современными оценками, например, Н.Н. Алеврас, которая видит в нем ученого «сделавшего не только важный шаг от господствовавших во времена Соловьева гегельянских идей к более многосторонней и живописной позитивистской картине истории, но и наметившего выход за пределы этой методологической модели» [3].

Развивая эти ценные наблюдения важным представляется вопрос о методологических поисках В.О. Ключевского в условиях кризиса

позитивистской парадигмы и появления иного осмысления природы исторического познания.

Как известно, в концентрированном виде взгляды В.О. Ключевского по методологическим вопросам исторической науки изложены им в специальном курсе для студентов «Методология русской истории», впервые прочитанном им в 1884/85 академическом году, но как подчеркивала в послесловии к курсу Р.А. Киреева «над методологическими вопросами Ключевский задумывался давно и с первых же, еще доуниверситетских, лекций обращал на них внимание своих слушателей» [4]. Действительно, данный спецкурс стал читаться, когда общий курс русской истории был в основном уже создан, когда разнообразный научный запас был переработан в цельное мировоззрение.

Необходимость разработки методологических вопросов В.О. Ключевский видел в том, что историческая наука «не знает, что делать с обработанным ею материалом; она даже не знает, хорошо ли его обработала» [5]. Причины этого, по Ключевскому, возникли из «недостатка контроля» и «слабости ответственности» исследователей нашей истории, которые «не задаются достаточно серьезными вопросами, не чувствуют себя достаточно обязанными глубоко разрабатывать ее» [6]. Сам В.О. Ключевский приучил себя задумываться над этими вопросами. В одном из своих известных афоризмов он специально подчеркивал: «Науку часто смешивают со знанием. Это грубое недоразумение. Наука есть не только знание, но и сознание, то есть умение пользоваться знанием как следует». Для него «умение пользоваться», значило не «успокаиваться на первых результатах», на наиболее доступном, на том, что лежит «наверху явлений», а необходимо исследовать свой предмет так, «чтобы не отстать от того уровня, на котором стоит наука», а главное «сказать что-нибудь новое, и притом основательное». Под основательным и понималась глубокая разработка серьезных вопросов, которые стоят перед исторической наукой своего времени.

Безусловно, центральным вопросом любой науки является ее предмет и специфика в соотношении с другими науками. Для исторической науки в конце XIX-начале XX в. важнейшим стал вопрос о границах между историческим и естественнонаучным знанием, а также о своеобразии истории в сравнении с другими общественными науками, что связывалось в первую очередь с особенностями методов исследования. Все эти вопросы стали главными и для методологических размышлений В.О. Ключевского.

В первой лекции своего спецкурса В.О. Ключевский предварительно замечает, что его сообщения могут показаться «очень элементарными», но их цель «не пополнение сведений», а приведение их в порядок, а поэтому начинает «с самого начала, именно с определения предмета исторического изучения» [7]. Отвечая на свой вопрос, он начинает с формулировки цели исторического изучения, которая, по Ключевскому, состоит в познании «происхождения, хода, условий, форм и природы человеческого общежития». Формами этого общежития являются союзы, поэтому конкретным предметом исторического изучения является «происхождение, развитие и свойства людских союзов». Соединяют людей в союзы исторические силы, которые создают и направляют общежитие, а их по определению В.О. Ключевского четыре: 1) природа страны; 2) физическая природа человека; 3) личность и 4) общество [8]. Каждой из этих сил В. О. Ключевский отводил особую, специфическую, по его мнению, роль: «можно сказать, что природа страны направляет хозяйственную жизнь; физическая природа человека завязывает и направляет жизнь частную, домашнюю; личность есть сила творческая в умственной и нравственной жизни, а обществом создается жизнь политическая и социальная». Каждая из этих сил имеет свои свойства и жизнь человечества складывается из комбинации этих свойств, из взаимодействия которых и складывается исторический процесс, то есть развитие, взаимодействие и смена людских союзов.

Итак, по мысли В.О. Ключевского, предмет исторического изучения - исторический процесс, то есть ряд явлений, которыми он обнаруживается. Под ними он разумел «процесс изменения общежития, завязавшегося на известном месте под влиянием союзов, сложившихся на другом месте под другими условиями, следовательно, на других началах. Союз, завязанный местным процессом, изменяется с течением времени, под действием других союзов, завязавшихся на другом месте. Новая форма общежития, вышедшая из этого изменения, в свою очередь, сталкивается с четвертым, и т.д. Эта цепь столкновений, изменений общежития и составляет общий процесс» [9]. Таким образом, особенностью предмета исторического изучения является то, что он развивается во времени и пространстве. Это предполагает применение при его изучении исторического подхода. Идея развития требовала рассмотрения всякого общежития в его генезисе, в показе взаимосвязи одного союза с другими. Исходя из этого, история трактовалась как непрерывный поток развивающихся и взаимодействующих форм общежитий. Это и есть историзм как способ мышления и как принцип познания.

Следующий важный методологический вопрос В.О. Ключевского о возможности научного познания этого общего исторического процесса. Действительно даже понимая предмет исторического изучения одинаково, исследователи ставят различные задачи его изучения и по свойству этих задач разнообразят совокупность приемов изучения, то есть то, что в общем смысле Ключевский называет методом. Но задачи, которые ставятся историческому изучению, чрезвычайно разнообразны, поэтому разнообразны и методы изучения, а главное, результаты этого изучения. Чтобы объяснить суть этого разнообразия В.О. Ключевский обратился к выяснению отношений между «историческим и физическим», между историческим и естественнонаучным познанием. «Определение этого отношения - говорил слушателям В.О. Ключевский, - поможет нам войти в разбор исторического процесса» [10]. Жизнь человечества есть ряд явлений, параллельный жизни

природы, или процессу физическому. Это два параллельных процесса, но следуют ли явления в жизни природы в таком же или подобном порядке, в каком следуют явления в жизни человечества? Отвечая на свой же вопрос Ключевский в качестве примера из жизни природы берет нашу планету, также имевшую свою историю, которая рассказывается в геологии, и геологические процессы не прекратились до сих пор. В «естественной истории» физические явления через известные периоды времени повторяются, они сменяют друг друга так что смены эти представляют повторение прежде пройденного ряда, Ключевский при этом имел в виду явления, связанные с двояким обращением Земли. В истории человечества нет таких периодов; там явления никогда не повторяются в той же совокупности и связи, в какой они имели в ней место. Если физический процесс вследствие повторения замыкается в известные круги, то исторический процесс представляет полную линию, концы которой не смыкаются. То есть первое существенное различие между обоими процессами, по Ключевскому: «физический процесс представляет собой повторение явлений в одном определенном порядке, исторический – бесконечное их видоизменение» [11].

Другое существенное отличие связано с природой исторического творчества, с особенностями субъектно-объектных отношений в познании. Как отмечал В.О. Ключевский в физическом процессе «наблюдатель видит связь достаточных причин и их следствий», но в историческом процессе, кроме этого он «видит еще и цели человеческих деяний»: стремление человека исправлять природу, окружающую действительность, исходя из своих потребностей [12]. Поэтому главной отличительной особенностью объекта исторического изучения является то, что исторический процесс представляет из себя продукт сознательной целеполагающей деятельности человека. Историческая наука, как продукт деятельности человека, также есть часть некоей системы, принадлежащей истории. Сам исследователь выступает как член определенного сообщества, т. е. он историчен. В этом

смысле историческое познание оказывается самопознанием, в котором общество является субъектом и объектом одновременно.

Выявление этих отличительных черт двух процессов понадобились В.О. Ключевскому для определения методов исторического изучения. Он указывал, что в историческом изучении можно различать, по крайней мере при настоящем состоянии историографии, только два метода, за которыми можно признать научное значение – субъективный и объективный, которые отличаются друг от друга задачами и приемами изучения.

Характеризуя субъективный метод, В.О. Ключевский считал, что его суть в задаче «исторического изучения происхождения и постепенного образования» современного состояния человечества, а «точное и полное понимание современного состояния человечества невозможно без знания того, как оно сложилось», и что «лучшее средство понять содержание современной культуры – это проследить ход ее развития». Согласно этой задаче определяются и «приемы исторического изучения: подбор явлений, оценка их и связь». При такой задаче и при таких приемах историческое изучение по Ключевскому «превращается в рассказ о происхождении, развитии и накоплении всех тех учреждений, отношений, интересов, средств, удобств, обычаев, чувств, верований, знаний и идей – всего того культурного запаса, которым живет современное человечество» [13]. Но методологическая ограниченность субъективного метода заключается не столько в простом рассказе, сколько в различных интерпретациях: «...Так как историческое изучение должно воспроизвести генезис известной культуры, а культур в современном человечестве несколько и все они существенно различаются между собою, то и выбор, и самая оценка исторических явлений неизбежно будут различны у историков, принадлежащих к различным культурам. Выбор и оценка явлений у историка-магометанина необходимо должны быть не те, какие встречаем у историка-христианина, приемы изучения историографии азиатской

непрерывно должны отличаться от приемов изучения историографии европейской» [14]. Культурно-историческая обусловленность исторического знания в какой-то мере превосходит, в интерпретации Ключевского, цивилизационный подход - в том виде, как его стали трактовать историки и философы в XX веке. Такой подход к историческому процессу нередко объясняет и субъективизм исторического познания, давая основания методу, который Ключевский называет «субъективным»: «...Так как предмет исторического изучения служит происхождение и накопление известного культурного запаса, а этот запас по частям рассеян в отдельных умах и редко соединяется, даже едва ли когда соединяется весь в одном уме, то, следовательно, полнота исторического изучения неизбежно зависит от широты личного кругозора историка, который обыкновенно рассказывает, да и может рассказать, только то, что знает и понимает сам. Таким образом, историческое изучение превращается в историю индивидуальных мирозерцаний, становится чем-то похожим на культурную автобиографию самого историка, который воспроизводит генезис не всего содержания известной культуры, а только тех ее элементов, которые могли поместиться в его сознании» [15]. Такое историческое изучение отправляется не от исторического явления, а от личного кругозора изучающего, т.е. не от изучаемого объекта, а от изучающего субъекта, и, следовательно, исходным пунктом становится точка зрения изучающего.

Второй метод в интерпретации В.О. Ключевского – объективный, так им названный, поскольку точкой отправления в изучении истории может стать не изучающий субъект, а изучаемый объект. Из-за этого меняется и задача изучения: «в исторической действительности нет ни прошедшего, ни настоящего, а есть только непрерывное течение», отсюда в историческом процессе перед изучающим «останется как проблема, требующая его разрешения, не генезис известных исторических состояний, или формаций общежития, а самое историческое движение, последовательно создающее и разрушающее различные состояния, или различные формации, общежития»

[16]. Данное понимание сущности исторического процесса напоминает формационный подход, хотя и не в том разрезе как в марксистском обосновании. Для изучения всего этого, по Ключевскому, не годятся приемы субъективного метода, так как «изучающему нет нужды подбирать явления», «нет нужды и в сравнительной оценке явлений по отношению к современному состоянию человечества», теряет свою важность даже хронологическая последовательность явлений, так как «важно не то, что после чего следует, а то, что из чего следует». Для такого изучения необходимы «другие приемы изучения; этих приемов также три: наблюдение явлений, сопоставление явлений и обобщение явлений» [17].

Так как затем В.О. Ключевский характеризовал эти приемы изучения «действия сил», «свойств людских союзов», он фактически говорил о принципах их изучения, то что теперь вкладывается в понятие методологии истории как учения о природе, принципах и методах исторического познания. Поскольку цель всякого познания - получение объективно-истинных знаний, то историческое познание обязательно должно соответствовать по своему содержанию принципу объективности. История как наука требует эффективной стратегии исследования своих проблем, в чем ей оказывает существенную помощь системный подход. Особенностью предмета исторического изучения является то, что он развивается во времени и пространстве. Это предполагает применение при его изучении исторического подхода. Наконец, в историческом познании существует специфика субъектно-объектных отношений, накладывающая несводимый отпечаток на весь познавательный процесс. Последнее обстоятельство обуславливает существование в исторической науке ценностного подхода. Так и в «ключевской методологии истории» необходимо диалектическое сочетание объективного и субъективного методов, их приемов, с помощью которых словами Василия Осиповича «историческое изучение углубляется в сокровенные струи исторического процесса» [18].

Примечания

1. Богословский М.М. В. О. Ключевский, как ученый // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. – М.: Научное слово, 1912. – С.26.
2. Лаппо-Данилевский А.С. Исторические взгляды В.О. Ключевского. – Там же. - С.100.
3. Алеврас Н.Н. В.О. Ключевский и его школа // Вестник Челябинского государственного университета. Серия История. Выпуск 20. – 2007. - № 11. - С.134.
4. Киреева Р.А. Послесловие // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. VI. Специальные курсы / Под ред. В.Л. Янина. – М.: Мысль, 1989. – С.437.
5. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. VI. Специальные курсы. Методология русской истории. М.: Мысль, 1989. – С.5.
6. Там же. – С.6.
7. Там же. – С.9.
8. Там же. – С.23.
9. Там же. – С.52.
10. Там же. – С.29.
11. Там же. – С.30.
12. Там же. – С.31.
13. Там же. – С.71.
14. Там же. – С.71-72.
15. Там же. – С.72.
16. Там же. – С.73.
17. Там же. – С.74.
18. Там же. – С.75.

Творческое наследие В.О. Ключевского и методология исторического образования в высшей и средней школе²

Василий Осипович Ключевский (1841-1911) занимает особенное место в интеллектуальной и культурной жизни нашего отечества. Он необыкновенно сочетал в себе лучшие качества профессионального историка, теоретика, краеведа, литератора, педагога и оратора, просветителя и общественного деятеля и многими гранями своего удивительного таланта по-прежнему привлекает пристальное внимание современных научных и читательских кругов. На пресс-конференции для российских и иностранных журналистов 31 января 2006 года Владимир Владимирович Путин, высоко оценивая полезность аудиотехники, сказал: «Очень хорошая форма – это аудиолитература. Я сейчас слушаю лекции Ключевского по русской истории». Эти слова главы Российского правительства наглядно демонстрируют, что В.О. Ключевский по праву является гордостью страны, а его творческое наследие по-прежнему актуально и современно. «Главные биографические факты – книги, важнейшие события – мысли» Так в афоризме В.О. Ключевский определил жизненное кредо ученого и всегда следовал ему. В 1871 г. В.О. Ключевский впервые вступил на преподавательскую кафедру, начав читать лекции по русской истории на церковно-историческом отделении Московской духовной академии (расстался с ней только в 1906 г.). С 1879 по 1911 гг., сменив на кафедре своего учителя С.М. Соловьева, В.О. Ключевский читал курс русской истории в Московском университете. Кроме того, он 16 лет читал лекции в Александровском военном училище, столько же лет – на Высших женских курсах Герье и 10 лет – в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Какая разная аудитория. Читая курсы надо было постоянно учитывать разные профессиональные интересы будущих историков, будущих

---

² Статья опубликована в сборнике научных статей Всероссийской научной конференции в Пензе, приуроченной к 170-летию со дня рождения В.О. Ключевского в 2010 году: *Синицын О.В. Творческое наследие В.О. Ключевского и методология исторического образования в высшей и средней школе// Историк и история. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 170-летию В.О. Ключевского. Пенза, 2010. - С. 211-219.*

военных, будущих деятелей культуры и искусства, будущих служителей религиозного культа. За этим стоял ежедневный напряженный труд преподавателя.

29 октября 1910 г. В.О. Ключевский прочел свою последнюю лекцию. Если суммировать общее время, проведенное за кафедрой всех учебных заведений, то общий педагогический стаж Василия Осиповича составит 108 лет. Подобного потолка не достигал ни один его современник. «Я так и умру как моллюск, приросший к кафедре» - говорил Ключевский. Безусловно, успехи В.О. Ключевского в науке и лекторском мастерстве во многом определялись напряженной, строго расписанной ежедневной работой. Колоссальная работоспособность была присуща ему в течение всей жизни. Важно и другое. Все, предшествующие исследователи, включая С.М. Соловьева придерживались проблемно-фактографического изложения российской истории. Василий Осипович Ключевский порвал с этой традицией. Он уделил первостепенное внимание не истории государства, а истории народного общежития. Его читатели и слушатели находили не только систематическое изложение событий, но и раскрытие основных, с точки зрения автора, социологических обобщений, характеризующих исторический процесс. Такой методологический и методический прием побуждал слушателей к самостоятельному мышлению. В своей статье «Памяти В.О. Ключевского» от 14 мая 1911 г. известный казанский историк профессор Николай Николаевич Фирсов писал: «Уже несколько десятилетий его имя дорого нашей учащейся молодежи: она учится русской истории по книгам Ключевского. Это имя стало дорогим и всему русскому обществу, среди коего получил весьма широкое распространение недавно изданный, но давно известный всей интеллигентной России «Курс» Ключевского» Слава снизошла на покойного при жизни, его заслуги и значение признаны не только учениками, последователями и почитателями, но и людьми, не принадлежащими к его школе. Необыкновенная исследовательская пронизательность и даже иногда какая-то интуитивная проникновенность,

опирающаяся, однако, на обширную эрудицию, тонкое остроумие, логичность общих построений, художественность изображения, всегда яркого, а местами освещенного саркастическим юмором, и наконец, редкий блеск оригинального стиля – таковы чарующие свойства таланта Ключевского. Они в значительной степени характеризуют его личность, во всяком случае, личность ученого и писателя и дают ему право навсегда встать в первые ряды тех выдающихся «великих», как их называют, людей, которые служат самым надежным мерилom даровитости родного им народа»¹.

Всемирную известность В.О. Ключевскому принес «Курс русской истории», однако этот курс не в полном объеме характеризует В.О. Ключевского как ученого и как профессора русской истории. О широте и полноте научно-педагогической деятельности историка нельзя судить без созданной им серии специальных курсов, каждый из которых имеет самостоятельное значение и в то же время ценна их совокупность. Все они непосредственно связаны с лекциями по русской истории, на что сам Ключевский обращал внимание с первых слов первой лекции специального курса «Методология русской истории»: «Занятия этого года будут иметь связь с занятиями прошлого года»².

Первоначально В.О. Ключевский предполагал за один учебный год провести занятия по всем трем намеченным частям, назвав их 1) Методология русской истории, 2) Терминология русской истории и 3) Основные источники русской истории. Из трех предполагаемых частей занятий одного года выросли три самостоятельных курса, а вскоре к ним прибавились еще два – «История сословий в России» и «Лекции по русской историографии». В практике высшего образования тогдашней России специальные курсы были сравнительно новой и редкой формой преподавания, хотя потребность в углубленном проведении занятий по истории в форме специальных курсов ощущалась давно. Специальные курсы

читались студентам III и IV курсов, т.е. уже имевшим определенную подготовку. С третьего курса считал Ключевский студент «уже перестает блуждать по аудиториям с бездонным вниманием и вечно раскрытым ртом, вбирающим все, что попадает к нему, уже начинает понимать удовольствие свое суждение иметь»³. Другими словами курсы Ключевского были рассчитаны на думающую молодежь, а слушатели этих курсов выносили углубленные знания по истории России. В.О. Ключевский, естественно, опирался на опыт предшественников, в первую очередь С.М. Соловьева. Его комплекс специальных лекций сочетал тяжесть взятой им на себя задачи – он должен исследовать так, чтобы не отстать от общего научного уровня и при этом сказать что-либо новое и основательное. Недостаток разработки русской истории приводит к тому, что легко сделать открытие и сказать что-либо новое, найдя давно всем известный, но лежащий в углу нетронутый материал. Таким образом, Ключевский прежде всего выступал за повышение научного уровня исторического исследования, то есть профессионализм.

Цель своего курса по «Методологии русской истории» Ключевский определял, как простое приведение в порядок *общих* исторических наблюдений и выведение метода изучения *местной* (в данном случае *русской*) истории, Методом он называл совокупность приемов изучения, которые разнообразятся в зависимости от характера поставленных задач, а задачи определяются предметом изучения. В течении всего курса Ключевский многократно повторял, что предметом исторического изучения является исторический процесс, то есть «ряд явлений которыми он обнаруживается»⁴. Почему же так постоянно повторял Ключевский это? Ответ можно найти в одном из его выступлений, произнесенных десять лет спустя по прочтении методологического спецкурса: «Вы думаете, легкое дело растолковывать сидящему на школьной скамье понятие об основах людского общежития, об историческом процессе, о закономерностях исторической жизни! Я встречал взрослых и по-своему умных людей, которым никак не удавалось усвоить себе самую идею исторического

процесса»⁵. Как опытный педагог, Ключевский считал, что общие идеи, которые могут показаться элементарными, необходимо продумывать на университетской скамье, только тогда эти идеи станут действительно элементарными.

Нет необходимости сжато пересказывать конкретное содержание курса «Методологии русской истории» - любой читатель сам может прочитать подлинный текст. Мне представляется важным выделить и обратить внимание на следующих новых для исторической науки позициях ученого. Ключевский пришел к выводу, что «теории, с одной стороны, шире, а с другой – уже истории, они не совпадают с историей. Теории показывают, *откуда* идет история и *куда* она направляется. Но для историка важно не это, историк изучает процесс, само движение, поэтому для него важно, как совершается это движение». Что это за движение Ключевский объяснял студентам так: «Это географическое изменение хронологических сочетаний элементов общежития»⁶. Другими словами, Ключевский полагал, что методологией истории является познание происхождения, хода, условий и природы человеческого (и конкретно) русского общежития. Последовательно проводя идею исторического процесса, исторического движения, Ключевский советовал не останавливаться на современном состоянии как на нечто твердом, как на застывшем последнем историческом моменте. Настоящее время, убеждал он, это также субъективное представление. В исторической действительности есть только непрерывное течение. «Едва наблюдатель успеет схватить своим наблюдением бегущую минуту, известные текущие явления, как схваченное им представление становится уже анахронизмом, т.е. не то что идет, а то что прошло»⁷. Вследствие такого подхода история получает значение пояснительного приложения, историческое изучение становится нравственно-педагогическим средством и руководством к практической деятельности.

Отсюда понятие исторического закона в «Методологии русской истории» определено автором предельно абстрактно: «исторические законы надобно понимать как законы взаимодействия исторических сил»⁸, т.е. природы страны, физической природы человека, личности и общества. Впоследствии Ключевский вообще отказался от возможности определения исторических законов. В дневниковых записях он отмечал, что законы возможны только в естественных науках, «явления же человеческого общежития регулируются законом достаточного основания, допускающим и так, и этак, и по -третьему, то есть случайно»⁹. Такую вариативность при анализе общества он связывал со скудностью познавательных возможностей науки: «в исторической жизни, как и во всем мироздании, должна быть своя закономерность, необходимая связь причин и следствия. Просто при наличных средствах исторической науки наша мысль не в состоянии уловить эту связь, проникнуть в эту логику жизни и довольствуется наблюдением преемственности этих процессов»¹⁰. Сомнение ученого в возможности выведения исторических законов прежде всего в нашей историографии трактовалась как ограниченность его идеалистических взглядов, а теперь – как осмысление передовых достижений гуманитарных наук конца XIX – начала XX в.: «Ключевский в большей степени, чем другие ученые его времени исходил из идеи об уникальности и неповторимости исторического факта»¹¹. Итак, мы видим, что Ключевский выступал за необходимость статично анализировать структурные элементы каждого «общежития» и динамично рассматривать взаимодействие этих элементов и несводимость прошлого к абстрактным схемам.

Подводя итог, замечу, что для методологии современного исторического образования в высшей и средней школе в творческом наследии В.О. Ключевского можно выделить следующие положения: 1) полнота исторического изложения зависит от личных познаний преподавателя, который может рассказать только то, что знает и понимает сам; 2) невозможно обогатить обучающихся всей сумме исторических знаний

, фактов, событий и явлений, основное для педагога научить методу, то есть упорной изыскательной работе над источниками, исторической литературой и приемами изучения местной и всеобщей истории; 3) разработка методологии должна способствовать главному – изучению общего процесса развития исторических явлений, выполнению тем самым одного из требований исторического метода к изучению нашей истории.

11 октября 2008 года в Пензе был установлен первый в России памятник В.О. Ключевскому. «Мы любим своих знаменитостей и гордимся тем, что у нас есть и Ключевский, и Лермонтов, и Белинский, и Радищев – у нас много тех, прославлял великую Россию и маленькую Пензенскую губернию», - так прокомментировал это событие Василий Бочкарев, губернатор Пензенской области. Необходимо не только присоединиться к этим словам, но и восхитится такими великими талантами нашего Отечества, которыми славится не только Земля, но и космос, где есть планета, названная именем Василия Осиповича Ключевского.

Примечания

1. Фирсов Н.Н. Памяти В.О. Ключевского // Исторические характеристики и эскизы. 1890—1920. Т.2. Казань, 1922. С.116.
2. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т.VI. Специальные курсы / Под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1989. С.5.
3. Ключевский В.О. Сочинения. Т. VIII. М., 1959. С.255.
4. Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т.VI. Специальные курсы. С.70.
5. Киреева Р.А. Послесловие. Т. VI. Специальные курсы. С.435.
6. Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т.VI. Специальные курсы. С.58.
7. Ключевский В.О. Сочинения. Т. VIII. С.260.
8. Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т.VI. Специальные курсы. С.83
9. Ключевский В.О. Сочинения. Т.IX. С.325.
10. Там же.
11. Медушевский А.Н. История русской социологии. М., 1993. С.173.

История историков: культурный диалог В.О. Ключевского и А.С. Лаппо-Данилевского³

Аннотация: в статье рассматриваются взаимоотношения и взаимовлияние московской и петербургской исторических школ в лице наиболее видных его представителей конца XIX – начала XX вв. В.О. Ключевского и А.С. Лаппо-Данилевского как культурный диалог разных исследовательских методологических традиций, обогащавший друг друга и поставивший российскую историческую науку в число ведущих мировых гуманитарных научных школ того времени.

Ключевые слова: методология истории, университеты, курсы лекций, русская история, источниковедение, принципы познания, методы познания, генерализация, индивидуализация.

Оба историка были современниками и, хотя В.О. Ключевский был на 18 лет старше А.С. Лаппо-Данилевского, их жизнь и творчество приходится на пореформенный период, оба были по происхождению из провинциальных губерний Российской империи, оба были историками России, оба были ведущими историками-профессионалами двух столичных университетов Московского и Санкт - Петербургского и их наиболее активная научная и преподавательская деятельность приходится на последнюю треть XIX – начало XX вв.

А.С. Лаппо-Данилевский стал фактически продолжателем новаторского спецкурса лекций В.О. Ключевского «Методология русской истории», впервые прочитанный им в Московском университете в 1884/85 академическом году. До этого такие курсы читались только в университетах Германии. Приступая к чтению этого курса, Василий Осипович Ключевский особо подчеркнул его цель: «Приведению в порядок накопившегося у вас запаса обобщений я и помогу, направляя этот запас к одной специальной цели, близко связанной с изучением нашей истории. Цель эта вытекает из одного существенного недостатка, каким отличается изучение нашей истории. *Недостаток этот - отсутствие метода*». [1, с. 5] А.С. Лаппо-

---

³ Статья опубликована по материалам доклада на Международной научной конференции в Казанском государственном архитектурно-строительном университете в 2015 году: *Синицын О.В. История историков: культурный диалог В.О. Ключевского и А.С. Лаппо-Данилевского // Духовная жизнь российских региональных сообществ: история, традиции, современность. Сборник докладов IV Международной научной конференции. - Казань: Изд-во Казанского государственного архитектурно-строительного университета, 2015. - С.173-178.*

Данилевский и занялся одним из первых в России исправлением этого недостатка.

Мне представляется, в связи с вышесказанным, актуальным и научно важным вопрос о взаимоотношениях В.О. Ключевского и А.С. Лаппо-Данилевского как представителей двух ведущих российских исторических школ – московской и петербургской. Для сравнения теоретических воззрений двух историков небезынтересно сопоставить две работы (два курса лекций): “Методологию русской истории” В.О. Ключевского и “Методологию истории” А.С. Лаппо-Данилевского. Неизвестно, читали ли их авторы работы друг друга (первоначально методологические курсы обоих историков были изданы литографическим способом, и лишь за год до смерти В.О. Ключевского первая часть труда А.С. Лаппо-Данилевского появилась в печати). Для теоретических взглядов В.О. Ключевского А.С. Лаппо-Данилевский ссылается только на введение в его “Курс русской истории”.

Методологическая система В.О. Ключевского была ориентирована прежде всего на решение задачи синтеза русской истории, выявление законов ее развития, определение ее общей схемы. В основе взгляда В.О. Ключевского на методологию был исследовательский прагматизм, но он не ограничивался (как у С.Ф. Платонова) решением задачи восстановления факта, а шел дальше - к решению проблемы синтеза “местной истории” в рамках позитивистской модели теории истории. Историческая методология понималась как совокупность приемов изучения, которые разнообразны в зависимости от поставленных задач, а задачи определяются предметом изучения. Предмет же исторической науки, согласно В.О. Ключевскому, - “происхождение, развитие и свойства людских союзов”. “Объективный метод” исторического изучения поэтому заключается, по определению ученого, в том, чтобы все исторические явления представить, как часть этого движения. По мысли лидера “московской школы” изучение исторических явлений должно строиться “сверху вниз”, т.е. от верховной власти к низшим слоям населения. В.О. Ключевский утверждал, что такой порядок изучения

дает возможность сводить явления того или другого разряда (т.е. явления политические, юридические и экономические) “в особую обобщающую формулу”, а из отдельных формул можно вывести “общую схему нашей истории”. В курсе русской истории этот метод изучения В.О. Ключевский называл “социологическим” и прямо связывал с общей задачей выведения законов функционирования общества. Примечательно, что и задачи исторической критики В.О. Ключевский полностью подчинял “объективному методу”, считая критику источников (о методике которой речь шла выше) лишь первой ступенью исторической критики, верхняя ступень которой (так называемая высшая историческая критика) как раз и связана с выявлением исторической закономерности явлений.

Методологическая система А.С. Лаппо-Данилевского явилась своеобразным обобщением исследовательского опыта “петербургской школы” и была связана с решением задач источниковедения и была связана с решением задач источниковедения и исторического построения, задачи синтеза уходили на второй план. Ведущий принцип исторического исследования, предлагаемый А.С. Лаппо-Данилевским, - идиографический, понимаемый им как восхождение от единичного к общему. Эту иерархию исследовательских процедур А.С. Лаппо-Данилевский относил как к теории истории (“общая методология истории”), так и к методам исторического изучения (“специальная методология истории”). Согласно А.С. Лаппо-Данилевскому, “под историческим фактом в наиболее характерном, специфическом его смысле, следует преимущественно разуметь воздействие сознания данной индивидуальности на среду, в особенности на общественную среду”, при этом данное воздействие выступает как индивидуальное. С этих позиций строилась и выдвигаемая А.С. Лаппо-Данилевским последующая группировка исторических фактов, в том числе “состояния культуры”, “исторических рядов”, “систематического” и “эволюционного” целого, и, наконец, “исторического целого”. В результате

мировая история виделась А.С. Лаппо-Данилевскому как “великая индивидуальность человечества”.

Таким образом, сравнивая теоретические позиции В.О. Ключевского и А.С. Лаппо-Данилевского, можно заключить, что в их основе были противоположные подходы к историческому познанию: в терминологии того времени их можно охарактеризовать как “генерализирующий” (у В.О. Ключевского) и “индивидуализирующий” (у А.С. Лаппо-Данилевского).

В своем “Курсе русской истории” (читавшемся в 1890-е годы в Историко-филологическом институте) А.С. Лаппо-Данилевский ограничивается лишь кратким изложением “теории колонизации” В.О. Ключевского, воздерживаясь от того, чтобы давать ей оценку. В курсе историографии А.С. Лаппо-Данилевского В.О. Ключевский, наряду с С.М. Соловьевым, характеризуется как “представитель последнего - современного нам - направления”, которое “рассматривает русскую народность как организм, развивающийся путем перерождения частных норм в общие (государственные)”.

Познакомились ученые, по-видимому, вначале 1890-х годов и, по всей вероятности, их отношения всегда носили только официальный характер [4, с. 346]. Общие научные интересы и задачи В.О. Ключевского и А.С. Лаппо-Данилевского были, прежде всего, связаны с совместной деятельностью историков в Академии наук. Возможно, это связано с началом сотрудничества в составе Историко-филологического отделения Академии наук (ИФО) А.С. Лаппо-Данилевского и В.О. Ключевского. В Академию наук историки были избраны почти одновременно. А.С. Лаппо-Данилевский в 1899 г. был избран адъюнктом, В.О. Ключевский - в конце 1900 г. ординарным академиком ИФО вне штата (а в 1908 г. - еще и почетным академиком разряда изящной словесности Академии наук).

Характером сотрудничества ученых в составе Академии стала попытка А.С. Лаппо-Данилевского привлечь В.О. Ключевского к своему основному проекту в Академии - изданию грамот Коллегии экономии. Однако В.О.

Ключевский предложил печатать акты не по уездам (в отличие от А.С. Лаппо-Данилевского), а в общем хронологическом порядке: “Расположение актов Коллегии экономии в архиве юстиции по уездам было вызвано, можно думать, - писал В.О. Ключевский А.С. Лаппо-Данилевскому, - специальными практическими нуждами учреждения... В целях общего научного изучения представляется наиболее пригодным издание всех актов коллегии, древнейших и позднейших в хронологическом порядке без дальнейшего их подразделения”[2, с.192]. Одновременно В.О. Ключевский предлагал составить к изданию географический указатель с распределением актов по уездам. Для А.С. Лаппо-Данилевского этот прагматический подход не был приемлем, - с позиций его методологии, грамоты следовало расположить в “систематическом целом”, т.е. печатать их по уездам в хронологической последовательности. После этого эпизода В.О. Ключевский фактически отстранился от деятельности Отделения. Так, в 1906 г. он отказался от поручения Комиссии Академии по присуждению премий гр. Уварова от рецензирования сочинения М.С. Грушевского “Очерк истории украинского народа”[2, с.205]. Сам по себе формальный отказ от выполнения поручения Академии под предлогом занятости другими делами (в университете) со стороны ее действительного члена - случай беспрецедентный. Следует иметь в виду, что комиссиями по присуждению премий гр. Уварова по сочинениям по русской истории фактически руководил А.С. Лаппо-Данилевский (кстати, симпатизировавший М.С. Грушевскому). По-видимому, В.О. Ключевский не хотел играть “вторую скрипку” в ИФО, следуя политике А.С. Лаппо-Данилевского, что и давал недвусмысленно понять. Тем не менее, вряд ли обоснованно говорить о каком-то формальном “разрыве” в отношениях В.О. Ключевского с А.С. Лаппо-Данилевским. Отношения между учеными при всей их отдаленности друг от друга оставались корректными и даже учтивыми. Последний раз А.С. Лаппо-Данилевский и В.О. Ключевский, по-видимому, встречались в 1909 г. в Москве - в дневнике В.О. Ключевского

сохранилась запись о разговоре по теме, в изучении которой их научные интересы смыкались - история сословий.

У А.С. Лаппо-Данилевского есть несколько специальных очерков, посвященных В.О.Ключевскому. Первый из них относится к 1900 г. Это “Записка об ученых трудах профессора Императорского Московского университета В.О. Ключевского”, составленная А.С. Лаппо-Данилевским от имени ряда академиков и, явившаяся формальной рекомендацией для избрания В.О. Ключевского в состав Академии наук. В “Записке” деятельность В.О. Ключевского рассматривается, прежде всего, как ученика С.М. Соловьева и сторонника “органической теории”. Интересно, что среди достоинств кандидата А.С. Лаппо-Данилевский выделял, однако, иные стороны профессиональной деятельности и научного метода В.О. Ключевского, - те, которые были близки ему самому. Так, особое внимание А.С. Лаппо-Данилевский уделил работе В.О. Ключевского над древнерусскими житиями (“Древнерусские жития святых как исторический источник”). По словам А.С. Лаппо-Данилевского, В.О. Ключевский “обратился к изучению житий не столько как источника, сколько как явления” и “мастерски пользовался обломками старины для воспроизведения целого”. Примечательно, как отметил А.С. Лаппо-Данилевский, что самого Ключевского как раз это исследование и не удовлетворило, поскольку не дало ожидаемого материала для разработки теории “колонизации”. Импонировали А.С. Лаппо-Данилевскому и иные специально-исторические изыскания кандидата, которые, конечно, для самого В.О. Ключевского носили периферийный характер, например, выяснение вопроса о “ценности рубля”. А.С. Лаппо-Данилевский подчеркнул ценность работ ученого, посвященных истории XVII—XVIII вв., где, по его словам, В.О. Ключевский обратился к анализу западных влияний на русскую культуру, к исследованию религиозных представлений людей Московской Руси и выявил “значение идеи, возникшей у некоторых из русских людей того времени под влиянием падения Константинополя”, рассмотрел вопрос о роли церкви в обществе.

А.С. Лаппо-Данилевский как бы подчеркивал своим изложением, что исследование сознания народа и “истории идей” оказалось более продуктивным в научной деятельности В.О. Ключевского, нежели социально-экономическая проблематика и тема “колонизации”.

После смерти В.О. Ключевского А.С. Лаппо-Данилевский принял участие в ряде мероприятий, посвященных памяти покойного ученого. Так, в 1911 г. А.С. Лаппо-Данилевский выступил с речами, посвященными В.О. Ключевскому на заседаниях секции русской истории Исторического общества при Петербургском университете и XV Археологического съезда. В последнем выступлении А.С. Лаппо-Данилевский особо остановился на роли В.О. Ключевского как главы “московской исторической школы”, к которой он отнес П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера, В.Н. Сторожева, Я.Л. Барскова, М.М. Богословского, Н.А. Рожкова и М.Н. Покровского, и, что примечательно, подчеркнул влияние В.О. Ключевского на труды своих петербургских коллег - М.А. Дьяконова и С.Ф. Платонова. А.С. Лаппо-Данилевский также явился автором двух публикаций, посвященных памяти В.О. Ключевского. Статья “Памяти Ключевского” публиковалась дважды: сначала в журнале “Вестник Европы”, затем в сборнике “В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания” под названием “Исторические взгляды В.О. Ключевского”; другая публикация - некролог, читанный в Общем собрании Академии и помещенный в ее “Известиях” (ИАН) (1911).

Особо импонировал А.С. Лаппо-Данилевскому сам принцип целостного синтетического взгляда на историю, сочетание разработки теории и конкретно-исторических исследований. А.С. Лаппо-Данилевский отмечал как достоинство схемы В.О. Ключевского (в сравнении с С.М. Соловьевым), что он стремится показать “индивидуальный” характер русской истории, т.е. в решении этой задачи становится на близкую А.С. Лаппо-Данилевскому “индивидуализирующую” точку зрения. В некрологе, помещенном в ИАН, А.С. Лаппо-Данилевский подчеркивает достоинства конкретно-исторических работ В.О. Ключевского. В частности, он отмечает, что

последний хотел “понять наше прошлое с собственно исторической точки зрения, в значительной степени соподчиняя ей ту социологическую схему, с которой он приступил к своим исследованиям”. Высоко ценил А.С. Лаппо-Данилевский и “редкий дар слова”, присущий покойному ученому, его способность к художественному воскрешению истории.

Таким образом, хотя А.С. Лаппо-Данилевскому были близки вопросы теории истории, и он готов был принять те конкретно-исторические выводы В.О. Ключевского, которые подчиняли общую «социологическую схему».

Наиболее подробно А.С. Лаппо-Данилевский охарактеризовал ученого в статье «Исторические взгляды В.О. Ключевского». Не буду подробно излагать содержание этой статьи, но не могу не привести несколько характеристик, данных в этой статье В.О. Ключевскому как историку России и его роли для истории России, высказанных очень образно и очень точно таким незэмоциональным, а напротив достаточно сухим и академичным ученым как А.С. Лаппо-Данилевский. Начинает он свою статью словами: «В лице Василия Осиповича Ключевского Россия лишилась человека с ярко выраженной индивидуальностью и крупным талантом: Своеобразный творческий ум и научная пытливость соединились в нем с глубоким чутьем исторической действительности и с редким даром ее художественного воспроизведения. Русская историческая наука многим обязана Ключевскому, и, конечно, не замедлить надлежащим образом оценить его заслуги и разобраться в той массе мыслей, наблюдений и выводов, которые он расточал на своих лекциях и в своих научных трудах, всегда возбуждая умственную деятельность слушателей и читателей, часто очаровывая их яркостью образов и оживленностью своей речи» [3, с.100].

В другом месте А.С. Лаппо-Данилевский еще раз подчеркнул ценность наблюдений и выводов, которые Ключевский «высказывает чуть ли не на каждой странице своих трудов, всегда освещенных творческой мыслью и богатым свежим фактическим содержанием...», что его «научная деятельность составляет целую эпоху в нашей историографии» [3, с.104].

А заключительные оценки А.С. Лаппо-Данилевского могут стать образцом оценки научного творчества выдающегося российского историка Василия Осиповича Ключевского: «Своими трудами Ключевский хотел содействовать тому, чтобы каждый из нас был «хоть немного историком» и мог стать «сознательно и добросовестно действующим гражданином». И едва ли можно сомневаться в том, что Ключевский в значительной мере достиг своей цели: читая его историю русской народности, каждый из нас чувствует, что он живет не только в ее прошлом, но и для ее будущего» [3, с. 106].

Литература

1. Ключевский В.О. Методология русской истории // В.О. Ключевский. Соч. в 9 т. – М, 1989. Т. VI. С.5-93.
2. Ключевский В.О. Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. - М., 1968. 528 с.
3. Лаппо-Данилевский А.С. Исторические взгляды В.О. Ключевского // Ключевский В.О. Характеристики и и воспоминания. – М.: Научное слово, 1912. С. 100-116.
4. Ростовцев Е.А. В.О. Ключевский и историки «петербургской школы» (С.Ф. Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский, Е.А. Пресняков)// В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии. – М.: Наука, 2005. С.340-370.
5. Ростовцев Е.А. Деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в Российской академии наук // Источник. Историк. История. - СПб., 2001. Вып. 1. С. 218-224.

Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич

Кареев Николай Иванович

Историк среди историков: теоретико-методологические труды А.С. Лаппо-Данилевского в оценке Н.И. Кареева⁴

Николай Иванович Кареев и Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский были из числа тех немногих отечественных историков конца XIX - начала XX в., которые одинаково плодотворно разрабатывали теоретико-методологические проблемы исторического познания, хотя по философско-исторической направленности векторы их воззрений и расходились. А.С. Лаппо-Данилевский был сторонником неокантианской методологии истории, Н.И. Кареев же в вопросах теории истории в целом находился в пределах позитивистской парадигмы, но по целому ряду вопросов их взгляды, как будет далее показано, были близки.

Н.И. Кареев первым из российских историков в 80-х годах XIX в. создал обобщающую работу по философии истории и «значительно раньше неокантианцев стал выяснять особенности обобщения в исторической сфере и других сферах бытия (предваряя знаменитый спор о “номотетических” и “идиографических” методах)» [1].

---

⁴ Статья опубликована в сборнике научных статей к 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского на Санкт-Петербургских чтениях по теории, методологии и философии истории в 2002 году: *Синицын О.В. Историк среди историков: теоретико-методологические труды А.С. Лаппо-Данилевского в оценке Н.И. Кареева // Историческая наука и методология истории в России XX века. – СПб., 2003. - С. 143-148.*

В «Основных вопросах философии истории» история определялась ученым как наука конкретная, имеющая в виду не общее, а единичное, с собственным именем, с обозначением места и времени, других обстоятельств, как наука, которую интересуется все индивидуальное: личность, народ, событие, процесс, то есть то, что «отмечено собственным топографическим и хронологическим указанием» [2].

В более поздней работе Кареев, уточняя свою прежнюю мысль, указывал, что «задача истории не в том, чтобы открывать какие-либо законы (на это есть социология, а в том, чтобы изучать конкретное прошлое, без какого-либо поспешного предсказания будущего» [3]. На основании этого Кареев и выделял феноменологическую науку — историю и номологические науки: философию, социологию, психологию. «История и социология, — писал он, — изучают одно и то же, но только различными способами. Первая воспроизводит прошлое, вторая - открывает общие законы» [4].

Совершенно очевидно, что эти суждения Кареева близки к некоторым постулатам неокантианской методологии, в том числе к ряду важнейших положений «Методологии истории» Лаппо-Данилевского.

В этой связи показательна статья Н.И. Кареева «Историко-теоретические труды А.С. Лаппо-Данилевского» [5]. Она опубликована в 1920 г. в сборнике статей, посвященной памяти безвременно ушедшего из жизни академика, в ней содержится краткий анализ трех сочинений Лаппо-Данилевского: «Основные принципы социологической доктрины О. Конта», «Методология истории» и «Материалы для плана общеобразовательного курса по истории человечества».

В статье Кареев справедливо подчеркнул, что Лаппо-Данилевский принадлежал к очень небольшому числу историков, энциклопедически и глубоко философски образованных и имеющих вкус к теоретическим вопросам в области исторической науки. Дав общую оценку историко-теоретическим взглядам Лаппо-Данилевского, Кареев отметил далее, что в

философском отношении его коллег «примыкал к кантианскому критицизму, а из представителей последнего на него оказали наибольшее влияние Виндельбанд и Риккерт»[6], и это доказывается тем, что «основную роль в построении исторической методологии Лаппо-Данилевского играло различие между номотетическим и идиографическим знанием, мысль о том, что все высказываемые нами положения являются или теоретическими суждениями, или оценивающими». Таким образом, Кареев неокантианство отождествлял с резким разграничением между двумя группами наук и связывал это разделение с указанием на разницу между генерализирующим пониманием действительности как теоретическим и индивидуализирующим - как ценностным. При этом он особо оговорил, что Лаппо-Данилевский не был пассивным последователем немецких неокантианцев, а, напротив, отнесся к ним с известной критикой, а в вопросах логики примкнул к Вундту и Зигварту.

В основном оценки рецензируемых Кареевым работ Лаппо-Данилевского были положительными. Так, характеризуя большую статью о Конте, Кареев отметил, что «в ней на первом месте... не простое изложение взглядов Конта, а их тщательный анализ», выполненный «с большой ученостью и с большим беспристрастием» [7].

«Методологию истории» Лаппо-Данилевского Кареев назвал работой «очень цельной, *очень стройной и очень полной*, отличающейся, кроме того, и большою, в общем, *точностью как отдельных научных понятий*, так и *всех высказываемых суждений*» [8] (курсив наш. - О.С.).

В трудах Лаппо-Данилевского Кареева привлекало то, что, несмотря на то важное значение, какое в ней принадлежит различению номотетической и идиографической точек зрения на историю, автор не принадлежал к числу тех историков, которые признают правильность только одной из них.

По словам Кареева, для Лаппо-Данилевского «приемлемы были и та, и другая, но каждая из них, в отдельности взятая, не в состоянии вполне

упорядочить и систематизировать данные нашего опыта, и отсюда необходимость сочетания обеих как дополняющих одна другую, как изучающих одно и то же, только взятое с разных сторон» [9].

Нетрудно заметить, что методологические воззрения Лаппо-Данилевского и Кареева совпадали в главном: оба мыслителя указывали на разделенность идиографометода и номотетометода только в теории, а в практике исторического исследования для них они переплетались: «Каждый прагматический процесс, — писал Кареев, — складывающийся из единичных событий... может быть представлен историком в более конкретном и детальном виде и, наоборот, в виде более абстрактном и общем» [10].

Кареев, однако, оговаривает, что для Лаппо-Данилевского в истории как специальной науке «идиографическая точка зрения получает самодовлеющее значение, номотетическая - как бы служебное» [11].

Здесь необходимо заметить, что и сам Кареев высказывал аналогичные суждения: «Что историку по времени приходится прибегать к дедукции.....не может быть никакого сомнения, но для историка дедукция - лишь одно из вспомогательных средств, а не главный путь, по которому он должен идти» [12].

Таким образом, по данному дискуссионному методологическому вопросу воззрения Кареева и Лаппо-Данилевского во многом были схожи, что объясняется, на мой взгляд, тем влиянием, которое оказывала на интеллектуальный процесс в России собственная философско-историческая традиция. Во всяком случае, несомненно влияние идей русских философов-идеалистов на принципы «единства человеческого сознания», «мирового целого», интерпретацию прогресса как «интеграцию человечества в «великую индивидуальность», включение в историческую науку категорий долга и свободы воли как у Лаппо-Данилевского, так и у Кареева.

Хотя сам Кареев прямо заявлял, что «по многим пунктам наши взгляды не совпадали» [13]. Правда, Кареев конкретно не указал на эти несовпадения, ограничившись лишь уклончивой фразой, что, дескать, с методологической системой Лаппо-Данилевского можно и не соглашаться, но «критика того, с чем, по моему мнению, нельзя было бы соглашаться, потребовала бы слишком много места... пришлось бы идти за рассуждениями автора шаг за шагом, причем, может быть, часто в результате получились бы *поправки и разъяснения, а не опровержения*» [14] (курсив наш. - О.С.).

Например, Кареев обосновал бы необходимость идиографичности в истории не на том, что все индивидуальное является отдельной неповторяющейся частью известного целого, как это делал Лаппо-Данилевский. Всякое индивидуальное в идиографических целях заключается не только в выделении чего-нибудь единичного из однородного, но и в обособлении какой-нибудь отдельной части от того целого, в состав которого она входит. В частности, то общее, которое мы называем человечеством, в большей части своей истории не было чем-то целым, хотя взятое в своих разрозненных частях и является единым и единственным, что и делает возможным идиографическое его изучение.

Как видно, Кареев, не соглашаясь с теорией познания немецких неокантианцев, к методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского относился лояльно-критически. Возможно, это объясняется и «рационалистическим прошлым» русского неокантианца, и тем, что, по словам самого Кареева, с Лаппо-Данилевским «оба мы не были сторонниками до прений» [15].

Примечания

1. *Голосенко И. А.* Историко-социологические взгляды Н.И. Кареева / Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб., 1996. С. 5.
2. *Кареев Н.И.* Основные вопросы философии истории. Т. 1. М., 1883. С. 288.
3. *Кареев Н.И.* Теория исторического знания. СПб., 1913. С. 72.
4. *Кареев Н.И.* Введение в изучение социологии. СПб., 1897. С. 135.
5. Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 112-130.

6. Там же. С. 121.
7. Там же. С. 113, 118.
8. Там же. С. 128.
9. Там же. С. 124.
10. *Кареев Н.И.* Теория исторического знания. С. 181.
11. *Кареев Н.И.* Историко-теоретические труды А.С. Лаппо-Данилевского / / Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.
12. *Кареев Н.И.* Теория исторического знания. С.80-81.
13. *Кареев Н.И.* Историко-теоретические труды А.С. Лаппо-Данилевского. С. 112.
14. Там же.
15. Там же.

Неокантианство немецкое и русское: от метода "наук о культуре" к специфике исторического познания⁵

В статье характеризуются общие черты и особенности двух вариантов неокантианской методологии в немецкой и русской исторической мысли конца XIX–начала XX в. Особое внимание уделяется концепциям специфики исторического познания Г. Риккерта и А.С. Лаппо-Данилевского.

Ключевые слова: неокантианство, методология, историческое познание, идиографический метод, номотетический метод, идеализм, субъективизм, историзм.

Тема и название данной статьи обусловлены прошедшей 29-31 мая 2008 г. в Москве первой в России международной научной конференции, специально посвященной неокантианству, – «Неокантианство немецкое и русское: от логики познания к "социальной педагогике"», и вышедшей по ее итогам одноименной монографии¹.

Во введении этого издания обосновано отмечается, что «долгое время неокантианство считалось перевернутой страницей истории философии, вызывающей в лучшем случае «архивный» интерес. Поэтому, когда современная философия столкнулась с *фактом* свершившегося в конце XX века «переоткрытия» и возрождения неокантианской мысли, перед исследователями возникла проблема, состоящая не только в теоретическом обосновании этого факта, но и в определении дальнейших теоретико-методологических перспектив исторического опыта этого философского течения»². В дополнение к этому можно присоединится к мнению авторов одной из рецензий на эту монографию В.Н. Белову и В.А. Дудышкину: «наличие такого «сегмента» общего неокантианского направления, как русское неокантианство, предоставляет отечественным философам шанс на достойное участие в начавшемся процессе систематического исследования неокантианства»².

---

⁵ Статья опубликована в журнале РОИИ «Диалог со временем» в 2014 г. к 150-летию со дня рождения А.С. Лаппо-Данилевского: Синуцын О.В. Неокантианство немецкое и русское: от метода "наук о культуре" к специфике исторического познания // Диалог со временем. - М.: ИВИ РАН, 2014. № 46. С.17-27.

Исторически все школы неокантианства в своих построениях находились в зависимости от той или иной интерпретации Канта, того или иного понимания его системы. Условность наименований скрывается под приставкой *нео* – что в принципе должно истолковываться с тем смыслом, который имеет отрицательная частица *не-*: неокантианство – это по философской сути *некантианство*. Вот с этих позиций и нужно подходить как к общему, так и к особенному в немецком и русском неокантианстве.

Возникновение русского неокантианства, так же, как и неокантианства немецкого обусловлено рядом общеевропейских и мировых социокультурных процессов. Вторая половина XIX века была ознаменована быстрым развитием естественных наук, что требовало мировоззренческого осмысления. Первыми на это откликнулись позитивизм и материализм, влияние которых на общее мировоззрение в России было повсеместным. Им отдали дань такие в будущем их противники как В.С.Соловьев, Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, А.К.Богданов, Л.П.Карсавин, Д.М.Петрушевский, и др. Однако ограниченности позитивистских и материалистических объяснений прогресса естественных наук были очевидными; неокантианство возникает как одна из идеалистических альтернатив.

Но для объяснения причин возникновения неокантианства необходимо иметь в виду и специфически российское основание, которое опосредовалось русской религиозной философией, самой представительной и авторитетной школой русской философии, которая также как и неокантианство с идеалистических позиций объясняла происходящее в жизни человека и человечества. Неокантианство в России оказалось между позитивистско-материалистическим и религиозным философским объяснением объективной реальности. Материализм и позитивизм, абсолютизовавшие действительность, - вера в себя, в вещь – и религиозная философия, - вера в потустороннее, в Бога – были одинаково неприемлемы критическому духу неокантианства, которое направляло свои усилия на действительную трансцендентность, на априорные, разумные, рациональные основания

человеческого бытия. В русской истории философии отсутствовало глубокая традиция гносеологического обсуждения философских проблем, не было своих классиков типа Декарта, Фейрбаха, Канта и Гегеля, поэтому, если в Германии распространение неокантианского гносеологизма воспринималось как попытка отстаивания самостоятельности и самобытности философии, то в России такая «редукция» мировоззренческого осмысления к гносеологической проблематике оценивалась не иначе, как постановка новых философских задач.

По словам Гегеля, новые философские системы не уничтожают принципов старых, а только показывают, что эти принципы не были последними, не были абсолютным определением, все обнаруживают бедность по сравнению с богатством вселенной.

Так, и неокантианство, лишь по-другому поставило и решило важнейшие для научного знания вопросы, примыкающие в основном к учению И. Канта. В то же время, в неокантианстве мы имеем собственно говоря, не одного. Канта, а двух, - именно, Канта "Критики чистого разума" и Канта "Критики практического разума", которых можно или соединить, или противопоставить. Поэтому в неокантианстве встречаются представители, порой, противоположных взглядов. Лозунг Ф. Ланге и О. Либмана "Назад к Канту" В. Виндельбанд трактовал так, что "чем больше понимаешь антагонизм между различными мотивами его мышления, тем больше находишь в них средств для обработки тех проблем, которые Кант создал своими ответами. Понять Канта, значит выйти за его пределы"⁴.

Этот выход "за пределы Канта" в неокантианстве был различным, а поэтому до конца XIX - начала XX вв., в период кризиса позитивизма и подъема материализма, марксизма, он был **многовариантным** и пестрым, несмотря на гносеологическую общность.

Рассмотрим основные черты немецкой Баденской школы неокантианства.

Предметом познания, согласно В. Виндельбанду, является не действительность, а лишь определенные правила соединения между собой представлений, которые люди должны произвести для того, чтобы мыслить правильно. При этом, в качестве высшего критерия выносятся истина как высшая ценность. Высшие ценности - истина, благо, красота и святость - являются надвременными, внеисторическими принципами, определяющими общий характер человеческой деятельности. Эти ценности субъективно осознаются как нормы безусловного долженствования.

Генрих Риккерт в своей теории познания исходил из принципов, выдвинутых В. Виндельбандом. Он правильно ставит основную проблему теории познания. К понятию познания, указывал Г.Риккерт, принадлежит, кроме субъекта, который познает, предмет, который познается. Под предметом понимается то, что противостоит субъекту как нечто независимое от него и именно в том смысле, что познание должно направляться на него, если оно хочет достигнуть своей цели"; цель же познания заключается в том, чтобы быть объективным. Источником объективности и критерием истинности познания выступают, по Г.Риккерту", идеальные нормы и ценности, трансцендентное долженствование (независимое от сознания - О.С.), признание и осуществление которых в суждении и составляет сущность познавательного процесса"⁵. Г.Риккерт, как и В.Виндельбанд, специально критикует теорию отражения. Познание, по его мнению, не может быть представлением отражающим действительность, так как действительность - "необозримое многообразие", которое невозможно отобразить представлением. Всякое познание выделяет из "необозримого многообразия" только малую часть воспринятого - что, конечно, нельзя считать отражением.

В теории познания Г.Риккерта (как и В. Виндельбанда) видно влияние идей Фихте. Он признает только одну действительность, одно бытие, эмпирическую действительность имманентную сознанию как единство формы и содержания, содержание охвачено формой - в содержании. Отсюда

же отождествление истинности и ценности. Не ценность или долженствование обуславливают истину, наоборот, **истинность** суждений имеет для нас **ценность**. Теория познания пролагает путь к миру ценностей, как к целому, поскольку он устанавливает это понятие. Для того, чтобы вскрыть все многообразие ценностей, теория познания должна обратиться к той науке, которая изучает культуру как действительность, выявляя ее богатство и многообразие. наука эта – **история** ⁶.

Итак, все проблемы теории познания, поднятые в рассуждениях Г.Риккерта привели его к проблемам исторических наук. Если, теория познания Баденской школы неокантианства пользовалась влиянием в среде философов (в России - это проф. А.И. Введенский), то теория и методология истории, созданная представителями этой школы получила настолько широкое распространение и поддержку среди историков, философов, социологов, юристов, что позволяет нам говорить о возникновении **неокантианского течения** в методологии истории и даже шире в **методологии гуманитарных, обществоведческих наук**. Чтобы выяснить сущность и ценность исторических наук, Г. Риккерт и приступил к исследованию границ естествознания. Он начинает свое исследование с обычного понятия телесной действительности, которая противостоит человеку и, на которую направляется его познание. Эта действительность дается нам как необозримое множество образований в пространстве и во времени, образований, отличающихся друг от друга и количественно и качественно. Поскольку познание направлено на целое действительности, оно представляется нам как экстенсивное многообразие, поскольку же оно направлено на своеобразие каждого отдельного образования оно представляется интенсивным образованием.

Познание действительности возможно только в том случае, если это экстенсивное и интенсивное многообразие будет каким-либо образом преодолено. В этом преодолении многообразия и заключается задача и функция естественнонаучного понятия в целях познания телесного мира.

Метод естествознания - метод создания общих понятий, в этих понятиях уже не предусматривается экстенсивное и интенсивное многообразие эмпирической действительности. Метод естествознания – это метод генерализирующего образования понятий. Поэтому понятия, полученные методом естественных наук, совершенно отличаются от той действительности..., чем дальше идет такое образование понятий, тем дальше отходит естествознание от действительности, так как эмпирическая действительность только единична, в ней нет ничего общего. Таким образом, действительность, согласно Г. Риккерт, существует только как совокупность единичных явлений. Общее, как совокупность естественно-научного понятия не отражает и не может отражать действительности, так как общего вообще нет в действительности. Но в общем, как в продукте генерализирующего метода, для Г. Риккерта выражен закон природы. Но закон природы, не является законом действительности, он только "значит" и обусловлен трансцендентным должествованием. Индивидуальное, единичное во всем своем своеобразии, считал Г. Риккерт, представляет собой предмет особой науки: "исторической науки. История как наука начинается там, где прекращается естествознание. Двигаясь далее в русле В.Виндельбанда, Г.Риккерт писал, что принципиальное различие между науками о природе и историческими науками обусловлено различием *методологическим*. Эмпирическая действительность одна: "Она становится природой, если мы рассматриваем ее, имея в виду общее, она становится историей, если мы рассматриваем ее, имея в виду особенное, индивидуальное"⁷. Основное различие в методах этих двух наук, нужно искать в том, что делают различные понятия с этой действительностью, именно ищут ли они общее и во всех отношениях недействительное, или индивидуальное в действительности? У естествознания одна задача, у истории – вторая.

По мнению Г. Риккерта, наряду с генерализирующими науками о природе существуют научные дисциплины, рассматривающие объекты природы индивидуализирующим способом через косвенное отнесение к

ценностям (геология, география и т.д.). И, напротив, явления культуры можно рассматривать генерализирующим способом (юриспруденция, языкознание и т.д.), что в терминологии Р.Дж. Коллингвуда носит название - квазиисторические науки о природе и квазинаучные исторические дисциплины. Но тут же противореча себе, Г.Риккерт категорично заявил: "... история, которая трактует о людях, их учреждениях и деяниях может быть названа лишь **индивидуализирующей наукой**, если мы будем иметь в виду ее последние цели. Целью ее всегда является изображение единичного более или менее обширного хода развития во всей его единичности и объекты ее либо сами суть явления культуры, либо находятся в каком-нибудь отношении к культурным ценностям. Тем самым, заключал Г. Риккерт в научной обработке действительности история принципиально отличается от естественных наук. Профессиональный историк стремится понять предмет как единое целое, в его индивидуальности, единственности и неповторимости. Но, если история должна излагать только единичное, индивидуальное, то она должна ограничиться **частью** действительности, так как она не может охватить все необходимое многообразие единичностей исторических явлений. Каков же критерий отбора? Г. Риккерт решал проблему следующим образом: нужно выделить существенное и отбросить несущественное. Что же является существенным индивидуального, которое выделяется как отличающееся от других индивидуальностей? Этим, существенным, по Г. Риккерту, чем индивидуальное выделяется как предмет истории, оно обязано **ценности**. Единство исторического индивидуума покоится на **отношении к ценности**: "Мы выделяем, при образовании исторических понятий, из необозримого многообразия эмпирической действительности только то, что имеет отношение к ценности". Поэтому образование исторических понятий есть "телеологическое образование понятий"⁸. Итак, науки делятся (классифицируются) с точки зрения познавательных приемов (образования понятий) на науки об общем – номотетические и на науки о единичном, индивидуальном -

идиографические, на науки о природе и науки о культуре⁹. В целом, эта классификация сугубо методологического характера.

В самом начале 1900-х гг. неокантианство в России оказало уже заметное воздействие на умонастроения и теоретические построения философов, историков, политологов, юристов, экономистов и т.д. Большую роль в этом процессе сыграл журнал Московского психологического общества "Вопросы философии и психологии". Хотя он представлял свои страницы представителям различных теоретико-методологических ориентаций, в конце XIX - начале XX вв. кантианская и неокантианская проблематика становилась все более определяющей. Не случайно главный редактор журнала Н.Я. Грот, оценивая заслуги Канта и, возрождавшийся на глазах интерес к его идеям, отмечал еще в 1894 г.: "Кант открыл новую эпоху в истории философии, продолжающуюся и поныне"¹⁰. Из номера в номер на страницах журнала "Вопросы философии и психологии" Ю. Айхенвальд, С. Аскольдов, Н. Бердяев, А. Богданов, Е. Боричевский, С. Булгаков, А. Введенский, А. Дживелегов, М. Каринский, Б. Кистяковский, Д. Койген, Г. Шпет, Б. Яковенко и другие признавали неокантианство ведущим философским течением в российской науке конца XIX - начала XX вв. Так, известный философ Л. Лопатин в 1906 г. в статье "Типические системы философии" отмечал, что "в наши дни, благодаря широкому распространению теории познания Канта, его, пожалуй, нужно считать господствующим философским воззрением, хотя это и не всеми сознается"¹¹, а С. Булгаков с убеждением и удовлетворением подчеркивал, что то "течение философской мысли, которое носит название неокантианства . . . оказало и оказывает уже благодетельное влияние"¹².

Эти настроения российских историков, философов, юристов ярко проявились при подготовке и создании сборника научных статей под красноречивым названием "Проблемы идеализма", вышедшего из печати в

1902 г. в Москве в издательстве Московского психологического общества. В предисловии к сборнику его редактор П.И. Новгородцев прямо заявил, что "позитивные построения не выдержали и не могли выдержать испытаний возросшей мысли: перед лицом сложных и неустранимых проблем нравственного сознания, философской любознательности и жизненного творчества они оказались недостаточными. Необходим свет философского идеализма, чтобы удовлетворить эти новые запросы"¹³.

Все авторы сборника "Проблемы идеализма" единодушно заявили о приверженности идеализму. Их кредо становится теоретико-познавательный критицизм. Как отмечал в рецензии на этот сборник Н. Рожков "имена Виндельбанда и Риккерта окружаются в "Проблемах идеализма" особым ореолом, а их выводы объявляются каким-то откровением истины, новым светом, воссиявшим в общественной философии и теории исторического познания"¹⁴.

Почти все российские интеллектуалы, собравшиеся в сборнике "Проблемы идеализма" находились под "обаянием" философии Канта. С. Франк писал, что вся "современная философская мысль опирается на Канта", Н. Бердяев утверждал, что всю историю "можно построить, только опираясь на Канта", поскольку только "Кант признаёт абсолютную ценность за человеком."¹⁵, а А.С. Лаппо-Данилевский отдавал ему должное за то, что Кант "озарил ярким светом . . . демаркационную линию, отделявшую самопроизвольную деятельность нашей души от испытываемых нами ощущений"¹⁶.

Российские последователи Канта всемерно подчёркивали огромное значение той работы, которую провели и проводят их немецкие единомышленники по возрождению критической философии кенигсбергского мыслителя. Так, Н. Бердяев, назвав превосходной книгу В. Виндельбанда "Прелюдии" писал: "Виндельбанд даёт самое классическое и изящное

истолкование кантианства в духе теологического критицизма," П. Новгородцев высоко оценил работы Зиммеля, Ксенополя и, в особенности, Риккерта, "недавно закончившего своё замечательное сочинение по теории исторического познания". По его же словам "... Виндельбанд и Риккерт **блистательно** разрешили задачу размежевания истории и естествознания" и теперь уже невозможно говорить "о способности истории в каком бы усовершенствованном виде она не предлагалась предсказывать будущее"¹⁷. Эти же настроения разделяли Б.А. Кистяковский, С.А. Аскольдов, С. Трубецкой, А.С. Лаппо-Данилевский.

Судьба неокантианства в России была довольно противоречивой. С одной стороны, оно стояло в центре методологических дискуссий первой четверти XX в. и в большой мере определяло ведущее место неокантианских идей в методологическом перевооружении; с другой, вряд ли можно найти – особенно в среде отечественных историков – явных сторонников неокантианской методологии истории риккертского типа. Обнаружив определенное влияние немецкого неокантианства, российские историки и философы заняли по отношению к ряду его положений критическую позицию. В результате в отечественной историко-философской мысли сложилась своеобразная ситуация: пересматривая теоретические установки позитивистской историографии и марксизма, русские мыслители подвергали критике и некоторые основополагающие принципы немецкого идиографизма.

Активная дискуссия развернулась вокруг вопроса о методе гуманитарных наук, в первую очередь, исторической науки. Если немецкие теоретики отстаивали строгое разграничение наук о природе (естественных) и наук о культуре (гуманитарных), то российские ученые вносили коррективы (уточняли) это разграничение. Их интересовала, главным образом, специфика познания в истории. А.С.Лаппо-Данилевский не раз отмечал, что науки, имеющие различное содержание, не должны вследствие

этого различаться и по своим методам, ибо дело не в содержании наук, как думали Виндельбанд и Риккерт, а в том, с какими методологическими установками исследователь подойдет к этому содержанию. По его убеждению, и в развитии человеческих обществ есть однообразные и повторяющиеся моменты, поддающиеся номотетическому изучению: «резко различая «естествознание от исторической науки, основатели идиографического построения забывают, что некоторые отрасли «естествознания» пользуются принципами общими с теми, которые употребляются историками, не говоря о том, что вышеуказанная терминология представляется во многих отношениях искусственной»...Принимая во внимание фактическое содержание наук, можно сказать, что история, подобно естествознанию, в сущности, может иметь дело с относительными обобщениями, хотя бы потому, что историк, за отсутствием нужных ему относительных понятий сам вырабатывает их применительно к изучаемым им объектам и в зависимости от тех именно познавательных средств, которые он преследует»¹⁸.

Здесь А.С. Лаппо-Данилевский подошел к центральной для "критической философии истории" проблеме (особенно немецкого неокантианства) - роли категории ценности в историческом знании. Как известно, категория ценности пронизывала всю философию Г.Риккерта. Посредством этой категории он пытался осмыслить весь комплекс философско-исторических проблем - классификацию наук, интерес историка к индивидуальному, возможности и принципы достижения объективной истины в исторической науке. Разделяя ряд положений неокантианской теории ценностей, А.С.Лаппо-Данилевский выступил с критикой риккертского ценностного подхода к истории, предложив свое осмысление этого важнейшего принципа, определяющего специфику исторического познания. Он связал категорию ценностей с понятиями об исторической связи и об историческом целом.

С точки зрения Г.Риккерта, над миром действительного бытия надстраивается высшая сфера самодовлеющих и свободных от какого бы то ни было отношения к бытию ценностей, образующих царство трансцендентного смысла. Но если ценность надисторична, то и критерий отбора фактов лежит вне самой истории, а значит концепция риккертианской методологии истории носит антиисторический характер.

В "Методологии истории" А.С.Лаппо-Данилевский выступил против антиисторизма неокантианской теории ценностей. Он видел недостаток аксиологического учения Г.Риккерта в том, что немецкий философ относил все факты прошлого лишь к абсолютной трансцендентной ценности и понятие исторического значения устанавливал в зависимости от одной только ценности индивидуального. А.С.Лаппо-Данилевский, глубже осмыслив место категории ценности в теории исторического познания, предлагал различать абсолютную ценность (обоснованную) и общепризнанную (относительную). Два типа ценностей различаются, с его точки зрения, тем, что "отнесение к обоснованной ценности требует обоснование той производной ценности, в отношении к которой отдельным фактам приписывается известное значение, а отнесение к общепризнанной данным обществом ценности предполагает только наличие ее признания в той самой общественной группе, которая изучается историком"¹⁹. Отнесение к общепризнанной ценности необходимо, согласно А.С. Лаппо-Данилевскому, для выяснения, в какой мере обоснованные ценности стали исторической действительностью, т.е. в какой мере они действительно признавались той общественной группой, которую изучает историк. Поправляя Г. Риккерта в его одностороннем установлении понятия исторического значения только в зависимости от ценности индивидуального, А.С. Лаппо-Данилевский писал, что "собственно-историческое значение ценной своеобразной единичности тесно связано и с понятием о действительности индивидуального в его реальном отношении как части к историческому целому". Отсюда, А.С. Лаппо-Данилевский выводил новые

принципы идиографии - **ценности и действительности** исторических фактов. Ценность в учении российского неокантианца тем полнее реализуется, чем больше имеет последствий факт, в котором она воплотилась. "Лишь в том случае, если факт окажет реальное действие на развитие человечества, - писал он, - и его последствия (путем отнесения к данной культурной ценности) будут признаны имеющими некоторую ценность, он получит и собственно историческое значение"²⁰. Таким образом, историк судит об историческом значении индивидуального не только по ценному его содержанию, но и по его действительности, т.е. по объему его влияния, принимая во внимание реализацию ценности в действительности, он получает возможность рассматривать вневременную ценность в данных условия пространства и времени.

Аналогичной точки зрения придерживались Н.И. Кареев, Д.М. Петрушевский, М.М. Хвостов и другие российские историки. В одной исторической работе перевесят теоретические обобщения, в другой – чисто фактический материал. Но этот перевес индивидуализирующего или генерализирующего элемента не создает между ними принципиального различия, не проводит между ними методологической границы. Такова была позиция отечественных историков методологов, позиция, отвергавшая позитивистский сциентизм и немецкий неокантианский идиографизм, своеобразно решая проблему специфики исторического познания. Осознав особенность, но в тоже время единство описания и объяснения, повествования и обобщения в науках о культуре, российские ученые предлагали такой путь исторического познания, в котором выражается формирование специфических свойств и связей вещей, определяющих их сущность и своеобразие.

Суммируя особенности в развитии отечественной историко-теоретической мысли в начале XX в., можно это движение определить как *русский идеалистический историзм*, подчеркивая этим как

антипозитивистскую реакцию, так и критицизм в отношении материалистического понимания истории и как этап эволюции в сравнении с немецким неокантианством и его Баденской школой.

Примечания

1. Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры /под ред. И.Н. Грифцовой, Н.А. Дмитриевой. – М.: РОССПЭН, 2010. 565 с.
2. Там же. С.7.
3. Вопросы философии. 2012. № 5. С.180.
4. Виндельбанд В. Прелюдии. Философские статьи и речи. - Спб.,1904 /перевод С. Франка/.374 с.- Предисловие автора.
5. Риккерт Г. Введение в трансцендентную философию. предмет познания. - Киев,1904. 260 с.
6. Риккерт Г. Понятие философии // Логос,1910. Кн. 1.
7. Там же. С. 273.
8. Там же. С. 274.
9. Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. СПб.,1903. 615 с.
10. Грот Н.Я. Основные моменты в развитии новой философии. М., 1894. С. 233.
11. Лопатин Л. Типические системы философии. Научное мировоззрение и философия. //Вопросы философии и психологии.1906. №83. С. 273.
12. Булгаков С.Н. Под знаменем университета. Вступительная лекция в Московском университете. //Вопросы философии и психологии.1906. №85. С. 461.
13. Предисловие // Проблемы идеализма: сб. статей / Под ред. П.И.Новгородцева. Изд. Московского психологического общества. М., 1902.С.IX.
14. Рожков Н.О. О «Проблемах идеализма» // Вопросы философии и психологии.1903. № 67. С.315.
15. Бердяев Н.А. Этическая проблема в свете философского идеализма // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 94.
16. Лаппо-Данилевский А.С. Основные принципы социологической доктрины О. Конта // Проблемы идеализма. М., 1902. С.405.
17. Новгородцев П.И. Нравственный идеал в философии права // Проблемы идеализма. М., 1902.С.239,261.
18. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. – СПб. Вып. 1. 1910. 289-290.
19. Там же. С. 245-246.
20. Там же. С. 254.

«Заметки о преподавании истории в средней школе» Н.И. Кареева и современные модели исторического образования⁶

Аннотация: Характеризуются основные проблемы концепции школьного исторического образования Н.И.Кареева, его структура, принципы построения учебника, методика преподавания и изучения всеобщей и отечественной истории в средней школе и актуальность этих идей в современных условиях.

Ключевые слова: всемирная история, средняя школа, школьный учебник, методика преподавания, концепция, стандарт, традиция, новация.

"NOTES on TEACHING HISTORY in HIGH SCHOOL" by N.I. KAREEV and MODERN MODELS of HISTORICAL EDUCATION

Resume: The main problems of N.I. Kareev's concept of school history education, its structure, the principles of building a textbook, the methods of teaching and studying general and national history in secondary school and the relevance of these ideas in modern conditions are characterized.

Key words: world history, secondary school, school textbook, teaching methods, concept, standard, tradition, innovation.

В научном наследии Н.И.Кареева свое достойное место занимают проблемы современного ему исторического образования в средней и высшей школе¹. Он являлся автором учебников, учебных пособий, разработок по теории и методике преподавания истории². Его учебники по всеобщей истории и в современных условиях пользуются популярностью у специалистов, в качестве примера можно назвать «Учебную книгу по новой истории»³, которая выдержала 16 изданий. Этому способствовал большой педагогический опыт автора: работа учителем в московских гимназиях (1873—1878) и Александровском лицее (1884—1907). Прекрасно понимая значение профессиональной подготовки учителя, Кареев немало внимания уделил и этой проблеме, публикуя на страницах периодической печати статьи о преподавании истории в средней школе. Именно Николай Иванович впервые стал читать лекции по методике преподавания истории. Он являлся создателем, а позднее и председателем Исторического общества при Санкт-Петербургском университете, на заседаниях которого рассматривались и вопросы преподавания истории в средних учебных заведениях. Кареев принимал активное участие в организации и работе Педагогической

---

⁶ Статья написана по материалам доклада на Международной научно-образовательной конференции «Николай Иванович Кареев: жизненный путь и научное наследие в трансдисциплинарном контексте современного историознания» (Казань, 19-21 ноября 2020 г.). Статья не была опубликована в сборнике статей и сообщений по ее итогам и в данном издании публикуется впервые.

Академии, поставившей своей задачей подготовку высококвалифицированных специалистов. В 1900 г. им была опубликована отдельным изданием работа «Заметки о преподавании истории в современной школе»⁴ в которой он затронул наиболее актуальные с его точки зрения проблемы концепции школьного исторического образования, его структуры, принципам построения учебника, методики преподавания и изучения всеобщей и отечественной истории в средней школе. Остановимся на ее характеристике специально.

Структурно разработка построена на нескольких проблемах, связанных в первую очередь со школьным учебником истории: а) место учебника в школьном преподавании истории и выбор материала для учебника; б) классификация и систематизация исторического материала для составления содержания учебника; в) всемирно-историческая точка зрения в преподавании истории; г) примерная программа учебника по новой истории; д) методика изложения и использования учебника по истории в классе.

Позиция Н.И. Кареева основывалась на новых подходах к изучению истории. Начиная свои заметки с общих вступительных замечаний о состоянии исторического образования в средней школе России на рубеже XIX-XX вв. Признавая «громкую важность исторического образования в жизни и в общественной деятельности, он полагал, что «средняя школа должна дать каждому оканчивающему в ней курс более или менее солидный фундамент исторического образования, должна посеять в нем прочный интерес к истории и развить в нем способность к научному её пониманию»⁵. Кареев при этом сожалел, что из средней школы слишком часто выходят молодые люди, почти совершенно лишенные исторических знаний, если не считать за таковыми «разных обрывков и анекдотов, собственных имен и хронологических дат»⁶ Бывает, по его мнению, еще и хуже – «не только отсутствие интереса к истории, но и прямое к ней отвращение или полное непонимание ее образовательного значения». Правда, жизнь потом открывает многим глаза на недостатки их школьного образования и люди начинают восполнять свои знания путем самообразовательного чтения, но так и остаются при своем историческом невежестве»⁷. Но то, что упущено в школе не всегда может быть восполнено самообразованием (по недостатку времени или некомпетентном руководстве). Но сама успешность самообразования зависит от предварительной подготовки в «смысле знаний и умственных навыков». Звучит актуально и в плане аналогичной ситуации в современном российском историческом образовании.

По мнению Н.И. Кареева, причины такого довольно печального состояния преподавания истории в средней школе различны. И прежде всего – это положение истории среди других предметов преподавания. В основном

типе школ классической гимназии официально главными предметами признаются древние языки, математика и родной язык, а история вместе с остальными предметами обречена на роль второстепенного предмета, на который меньше уделяется времени и внимания. Поэтому некогда большей частью ни углубиться в отдельные части предмета, ни основательно повторить его в его целом по программе годового курса»⁸. Далее, при системе отметок, которые оказывают влияние на получение стипендии, освобождение от платы и т. п. даже за пределами средней школы (на первом курсе высших учебных заведений), хороший балл, полученный по истории, не имеет такого значения, какое принадлежит баллам по «главным предметам» и у учеников создается взгляд на историю, как на предмет, которым можно заниматься спустя рукава. К тому же, с той же официальной точки зрения, не все составные части истории как учебной дисциплины обладают равноправностью. По убеждению Кареева, история родной страны должна изучаться обстоятельнее и основательнее, чем история других народов, но и всеобщая история не должна находиться в пренебрежении. Между тем гимназические программы создают особую привилегию для истории греков и римлян, в ущерб истории древнего Востока и далее истории средних веков и нового времени. Обозначенные Кареевым некоторые причины неудовлетворительного состояния исторического образования в российском среднем образовании привели к тому, что история не занимает в системе школьного образования то центральное место, которое она должна занимать в деле гуманитарного образования, а могла бы в понимании Кареева сделаться центральным предметом гуманитарного образования. Это как известно и сейчас одно из проблемных мест современного российского исторического образования.

Следующие причины низкого качества исторического образования в представлении Н.И. Кареева связаны с методикой преподавания истории, подготовкой педагогов и бюрократическими регламентациями государственных образовательных органов. «Трудность и сложность самого предмета, - писал Н.И. Кареев, - привела и к невыработанности приемов преподавания истории», к отсутствию такой определенности и точности, какая существует в преподавании математики. К тому же «преподавание истории слишком регламентировалось разными примерными программами и объяснительными записками, что в результате не могло не получиться царство рутины»⁹, которое губит живые образовательные процессы. Обозначив еще одну неудовлетворительную позицию в преподавании истории – сам процесс подготовки педагогических кадров – отсутствие специальных отделений для подготовки учителей на историко-филологических факультетах университетов, которые имелись в первой половине 70-х гг. XIX в., но были закрыты во второй половине

восьмидесятых годов и из-за этого на должность учителя назначают классиков или славистов, а не прямых специалистов дела, Н.И. Кареев перешел к главному вопросу которому он и посвятил свои «Заметки» - каков должен быть учебник истории и как им следует пользоваться.

Начинает Кареев с вопроса о роли и месте учебника истории, который, по его словам, не может быть единственным источником, из которого ученики должны получать свои знания. В истории, как и в математике важное значение должно принадлежать разъяснениям преподавателя, который должен заниматься растолкованием текста учебника, но в истории кроме того нужны еще и дополнения к учебнику, то есть сообщение ученикам сведений, не содержащихся в тексте учебника. Дело в том, что материал исторической науки, даже в том его объеме, в каком он может быть сообщен ученикам средней школы, слишком обширен, чтобы быть полностью включенным в учебник и в то же время ограничить преподавание истории лишь таким количеством материала, которое укладывается в рамки учебника, в соответствии программой и количеством уроков в неделю, значит сделать историческое образование «сухим и безжизненным». Поэтому дополнительные сведения об исторических фактах, их причинно-следственных связях с важными фактами, изложенными в учебнике, обстоятельные исторические описания, характеризующие личности или эпоху должны сообщаться в рассказе преподавателя или извлекаться учениками из книг для классного и внеклассного чтения. Кроме того, преподавание истории не может, конечно, вестись без исторических карт, иллюстраций, таблиц и справочных пособий. Но учебник истории «не должен быть обременяем» (словами Кареева) всем этим объемным материалом, который найдет свое место в рассказе учителя и в дополнительных книгах, которые могут использоваться в классе или читаться учениками дома. И здесь Н.И. Кареев делает важный вывод: «Учебник должен быть только своего рода остовом здания исторического преподавания второстепенные части этого здания, легкие пристройки, разные украшения не должны заслонять этого остова»⁹. Это понимание Н.И.Кареевым сущности учебника по истории созвучно современной модели исторического образования по Историко-культурному стандарту по отечественной истории определяющего учебник как навигатор – «современный учебник должен стимулировать учащихся к получению исторических знаний из других источников, а учитель – способствовать овладению учениками исследовательскими приемами, развитию их критического мышления, обучая анализу текстов, способам поиска и отбора информации»¹⁰. Реализация Стандарта предполагает подготовку учебно-методического комплекса, который включает в себя: учебник, хрестоматию или сборник документов, исторический атлас, рабочую тетрадь или сборник

заданий, книгу для чтения. Таким образом, идея своеобразного УМК по истории проэцировалась Николаем Ивановичем Кареев уже в 1900 г.

Следующий важный вопрос, который рассматривал Кареев в своих «Заметках» - это концептуальная содержательная сторона школьного учебника истории. «Главным содержанием учебника, - писал Кареев, - должно быть то, что необходимо заучить, но и такое требование не может быть безусловным». Уходят в прошлое времена, когда на историю смотрели лишь как на простое заучивание, как на проверку и тренировку памяти, а учебники загромождались излишними фактами, датами и описанием массы увлекательных, но малозначащих событий. Теперь, - писал Кареев, - когда теория исторического процесса пришла к понятию истории как сложного процесса, состоящего из совокупности многих частных но длящихся процессов, в которых участвуют некоторые постоянно действующие силы, явилась возможность порвать и в преподавании истории с историей как делом памяти, чтобы превратить ее в предмет понимания»¹¹. От учеников начинают требовать не только пересказа содержания школьной литературы, но также понимания явлений, объяснения хода исторического развития. Педагогика развития одерживает верх над педагогикой зубрежки, а это приводит к изменению содержания курса истории.

В основу содержания учебника истории по Карееву должны быть положены постоянно действующие силы в истории и длящиеся процессы, которые в ней совершаются. Детальным рассмотрением этих сил и процессов определяется выбор материала для учебника истории и его классификация. В данном случае, продолжал Кареев, этими силами являются народы или вернее государства. Фактически речь идет о закономерностях исторического движения, поэтому при обучении истории у учащихся следует формировать представление о том, «как человечество развивалось и как достигло той высоты, на которой находятся современные европейцы... какую роль сыграли в этом развитии отдельные народы». Основной целью признавалась выработка у учеников исторического подхода к прошлому и настоящему, понимания многосложного процесса исторического развития, а средством – всемирно-исторический подход, предусматривающий отбор фактов по степени их значимости для мировой истории человечества. Важно было добиться, чтобы учащиеся понимали причинно-следственные связи между фактами истории. Поскольку для понимания современной жизни важна не абсолютная ценность всех явлений исторического процесса, то из содержания считалось возможным исключить все лишние явления, без которых можно достичь этого понимания. По мнению Н. И. Кареева, применение всемирно-исторического подхода к изложению курсов истории позволяло показать полную картину процесса исторического развития всего человечества, преимущественно освещая историю тех народов и государств,

которые внесли наибольший вклад в прогрессивное развитие цивилизации и духовной культуры человечества. К таким народам он причислил греков и римлян в древности, а также французов, немцев, англичан в средние века и Новое время. Вместе с тем в едином всемирно-историческом процессе наиболее известными сторонами и в различной степени участвовали почти все европейские и даже внеевропейские страны и народы. В курсах истории важно раскрыть, чем данный народ отличается от других, что делает его своеобразным, оригинальным. Наряду с особенным в истории отдельных народов следует также учитывать то, что имеет универсальный характер. Всемирно-исторический подход позволяет показать ученикам то общее, что есть во всякой цивилизации, с тем особенным, что каждая нация дала человечеству, что объединяет элементы в единый процесс истории. Во всемирно-историческом процессе Н. И. Кареев видел своеобразные ступени роста, сменявшие одна другую: «дикость, варварство и цивилизация, суть как общие ступени, через которые проходит человечество в своем развитии».

Всемирно-историческая точка зрения предполагает по словам Кареева, три категории фактов, которые должны иметь свое место в учебнике истории: это, во-первых, международные отношения, во-вторых, внутренняя социальная и политическая история отдельных стран, в-третьих, духовная культура народов¹². Последней категории исторических фактов Н.И. Кареев уделил особое внимание - «религиозные верования народов, их теоретические представления о мире и человеке, их нравственные и общественные идеалы, их научные знания и т.п., - вот целый мир исторических явлений, в научное понимание которого должно ввести преподавание истории и на который в поэтому в учебнике должно быть обращено особое внимание»¹³. Современные модели исторического образования также включают в требования историко-культурного стандарта эти и другие положения образовательной программы Н.И. Кареева – «концептуально важно сформировать у учащихся представление о процессе исторического развития как многофакторном явлении», «необходимо увеличить число часов (параграфов) по истории культуры, имея в виду в первую очередь социокультурный материал, историю повседневности», «история религий должна излагаться системно и пронизывать собой все содержание учебника»¹⁴.

23 октября 2020 года коллегия Министерства просвещения России приняла Концепцию преподавания истории в средней школе и один из ключевых ее компонентов – синхронизация курсов и основных тем по истории России и всеобщей истории в условиях перехода на линейную систему изучения истории¹⁵. Идея синхронизации была присуща и принципам построения учебных книг по истории средних веков и новой истории Н.И. Кареева, которые создавались «по системе эпох», с выделением

в содержании определенных этапов и периодов. Как полагал автор, материал по периодам позволяет ученикам лучше понимать взаимную связь событий, происходивших одновременно в разных государствах. Работа по учебникам Н. И. Кареева предусматривала повторение сначала по отдельным странам, потом повторение международных отношений и лишь затем повторение по этапам (периодам). Это повторение проходило в порядке, обратном тому, в котором написаны учебники. Такая перегруппировка содержания нужна была для того, чтобы ученики все изученное воспроизводили в новых связях. Рассмотрение знакомого факта в иной связи, полагал Н. И. Кареев, приведет к лучшему пониманию событий, поможет более разносторонне понять его значение.

В заключительной части своих «Заметок» Н.И. Кареев рассмотрел принципы построения учебника по всеобщей истории профессором П.Г. Виноградовым, который, по его мнению, своими «научными достоинствами превосходит все другие учебники» (например учебник Виталия Яковлевича Шульгина)¹⁶ и предложил план-проспект своего учебника по новой истории. Сначала предполагалось дать в учебнике общую характеристику событий и явлений, например, охарактеризовать реформацию, указав причины, направления и следствия по всем странам, где она проходила. Затем включить раздел международных отношений эпохи, войн. Лишь после таких обобщений следовало давать основные события из истории отдельных стран и народов. Реализуя этот план, Н.И. Кареев подготовил и издал учебную книгу по Новой истории, которая была составлена по образцу университетских курсов, и поддержанная Министерством народного просвещения была допущена в классические гимназии. Несмотря на некоторые недостатки и большой объем она получила высокую положительную оценку общественности, специалистов, учителей и, как уже отмечалось, многократно переиздавалась до октября 1917 г. и переиздается в наши дни.

«Заметки о преподавании истории в средней школе» - это лишь одна из многочисленных публикаций Н.И. Кареева о состоянии и задачах исторического образования в России в конце XIX – начале XX вв., в которой он открыто, убежденно и развернуто отстаивал свое новое понимание задач обновления методики преподавания истории в средней школе и научно-педагогические основы концептуального содержания школьных курсов всеобщей и отечественной истории.

Примечания

1. Лыскова И.Е. Научно-педагогические взгляды Николая Ивановича Кареева. Сыктывкар, 2010.180 с.
2. Соболева Н.А. Учебники по всеобщей истории Н.И. Кареева: культурологический аспект// Образование в пространстве культуры. Сборник научных трудов / Под ред. Э.Ю. Майковой. Тверь, 2019.С.157-162.
3. Кареев Н.И. Учебная книга новой истории. С историческими картами. Издание 5-е. СПб, 1904. 350 с.
4. Кареев Н.И. Заметки о преподавании истории в средней школе. – СПб. 1900.78 с.
5. Кареев Н.И. Заметки о преподавании истории в средней школе. С.2.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же. С. 3
9. Кареев Н.И. Заметки о преподавании истории в средней школе. С.4.
10. Там же. С.6
11. Историко-культурный стандарт по отечественной истории. - URL: http://knmc.centerstart.ru/sites/knmc.centerstart.ru/files/istoriko-kulturnyy_standart.pdf
12. Кареев Н.И. Заметки о преподавании истории в средней школе. С. 9.
13. Кареев Н.И. Заметки о преподавании истории в средней школе. С. 14.
14. Там же. С.16.
15. Концепция преподавания истории России в школах: традиции и инновации. - URL: <https://rosuchebnik.ru/material/kontseptsiya-prepodavaniya-istorii-rossii-v-shkolakh/>
16. Кареев Н.И. Заметки о преподавании истории в средней школе. – С. 47.

Виппер Роберт Юрьевич

Р. Ю. Виппер о мировой войне, революции и кризисе исторической науки⁷

Крупнейший отечественный историк, социолог, педагог **Роберт Юрьевич Виппер** (1859-1954), известнейший специалист по истории древнего мира и средних веков, с начала XX века активно и плодотворно разрабатывал теоретико-методологические проблемы исторического познания. Критикуя «ортодоксальный позитивизм» и не принимая концептуальные тезисы «теоретико-познавательного критицизма», он в начале XX столетия предлагал рассматривать историческое познание по типу общенаучного: «Всякое историческое явление невольно превращается в тип, затем расширяется до степени группового или видового, но в свою очередь со всяким типом соединяется в определенное конкретное представление» [1].

Но дуалистический подход в теории исторического познания Р.Ю. Виппера был поколеблен последующими конкретно-историческими событиями: мировой войной, российскими революциями 1917 г., гражданской войной 1918-1920 гг.

Теперь для него история из наставницы стала ученицей жизни. Так Р.Ю. Виппер сформулировал своё восприятие состояния исторической науки в начале 1920-х годов во вступительной лекции к курсу «Международная и политическая история новейшего времени», прочитанной в Москве 16 ноября 1920 г. Перефразирование выражения Цицерона в речи маститого историка

---

⁷ Статья опубликована в сборнике научных статей по материалам Пятой научной конференции в Брянске «Общественная мысль, движения и партии в России XIX - начала XXI вв. 17 декабря 2002 г.: Синуцын О.В. Р.Ю. Виппер о войне и кризисе исторической науки // *Общественная мысль, движения и партии в России. Сборник научных статей. Часть 1.* - Брянск: изд-во БГУ: «Курсив», 2002. - С.130-132.

связывалось с современной ему эпохой, когда не история учит понимать и строить жизнь, а жизнь учит толковать историю [2]. В этих условиях приходится вновь пересматривать исторические мнения и суждения о прошлом, что неизбежно меняет «толкование исторической науки». Изменение взглядов Р.Ю. Виппера на методологию исторического познания под влиянием названных выше судьбоносных исторических событий достаточно показательно.

Главным недостатком прежней исторической науки, по убеждению российского историка, был неверный взгляд на предмет исторической науки. Историки занимались внутренней, социальной, культурной историей, но мало внимания уделяли истории внешней, политической, дипломатической, военной; поэтому не придавали большого значения личности и все сводили к действиям масс, наконец, историки описывали преимущественно различные состояния и мало рассказывали о событиях, происшествиях. Таким образом, кризис исторической науки в начале XX в. Р.Ю. Виппер усматривал в кризисе традиционного для российской историографии метода исследования, а его преодоление мыслил в коренном пересмотре гносеологических и онтологических оснований «исторического толкования»: «Мы еще недавно спрашивали о состояниях, о жизни масс, о направлении интересов. Мы теперь хотим прежде всего, знать события, роль личностей, сцепление идей [3]. Это была, безусловно, перемена точки зрения самого Виппера, на что тогда обратил внимание в своей рецензии на эту книгу Н.И. Кареев: «Кризис, о котором говорил автор произошел скорее в его собственном настроении, нежели в самой исторической науке» [4]. В то же время, Виппер ясно определил основную тенденцию развития исторической мысли – перемещение в исторических исследованиях акцента на индивидуальное, конкретное, уникальное. И эта тенденция напрямую связывалась им с поиском верного пути в познании, «чтобы найти более прочные научные выводы, чтобы сделать более правильные научные заключения». Однако, монизм в теории истории был не свойственен для Р.Ю. Виппера. Для него нет исключительных решений, нет альтернативы, нет вопроса «или одно или другое», поскольку каждый в отдельности взгляд (и прежний, и новый) недостаточен, односторонен, неполон [5].

Учёный убеждал своих слушателей, что идеальным было бы действовать в науке одновременно и согласовано и тем, и другим методом,

смотреть и с той, и с другой точки зрения. Но это, по словам Р.Ю. Виппера, недостижимо, так как «все мы отличаемся односторонностью» [6].

Р.Ю. Виппер в сущности был прав, что подтверждается всей историей исторической науки. И все же, не отрицая полностью правомерность «традиционного» исторического метода, он неоднократно подчеркивал необходимость методологического перевооружения, не сомневаясь в целесообразности изучения «истории состояний», но под влиянием впечатлений современности акцентировал особую актуальность исследования «истории событий».

Осмысливая характер и причины значимых перемен в современной ему истории, Роберт Юрьевич Виппер обратился к тому комплексу проблем, которые волновали и продолжают волновать историческое сознание российского общества.

Примечания

1. *Vipper P.Ю.* Очерки теории исторического познания. – М., 1911. – С.73.
2. *Vipper P.Ю.* Кризис исторической науки. – Казань, 1921. – С.3.
3. Там же. – С. 13.
4. *Кареев Н.И.* Рец. на кн.: *Vipper P.Ю.* Кризис исторической науки. Казань, 1921 // Педагогическая мысль, 1922. № 1/2. – С.81.
5. *Vipper P.Ю.* Кризис исторической науки. – С. 14.
6. Там же.

Хвостов Михаил Михайлович

Михаил Михайлович Хвостов как методолог⁸

Михаил Михайлович Хвостов (1872 – 1920) – выдающийся российский историк античности конца XIX – начала XX вв., активно исследовал и важнейшие теоретико-методологические вопросы исторической науки. Большая часть его творческой жизни приходится на работу в Казанском университете (1901-1918 гг.) [Шофман, 1979].

Кроме плодотворной научно-педагогической деятельности в Казанском университете важной была доля участия М.М. Хвостова в открытии в 1906 году в Казани высших женских курсов и активная работа в Обществе археологии, истории и этнографии. На общем собрании этого общества 19 марта 1914 г. он был избран председателем Общества и выполнял его обязанности до отъезда из Казани в Томск в 1918 г.

Свои взгляды по теории и методологии истории М.М. Хвостов в печати впервые изложил в 1909 г. в сборнике статей, посвященных В.О. Ключевскому в статье «К вопросу о задачах истории». Системно они прослеживаются в его лекциях по методологии и философии истории, преподаваемых в Казанском университете и на Казанских высших женских

---

⁸ Статья написана по докладу на конференции, посвященной 135-летию Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете, состоявшейся 4-5 февраля 2014 г.: *Синицын О.В. Михаил Михайлович Хвостов как методолог // Роль общества археологии, истории и этнографии в исследовании и сохранении культурного наследия. - Казань: Изд-во "ЯЗ", 2014. - С.119-122.*

курсах, изданных в 1913 г. [Хвостов, 1913]. М.М. Хвостов принадлежал к числу, так называемых, «теоретизирующих историков» начала XX века. Он был убежден, что именно историки должны заниматься решением теоретических вопросов исторической науки «История, - писал он, - в течение большей части XIX века имела поверхностно-эмпирический характер... Но, начиная с 80-х годов, более молодое поколение историков в большей степени задумывается над теоретическими вопросами своей науки... Означенное явление нельзя не признать в высшей степени нормальным. Историческая наука не могла жить и впредь тою, так сказать, «полусознательною жизнью», какой она жила в прежние десятилетия [Хвостов, 1909]. М.М. Хвостов считал, что история не может не вырабатывать, ей просто «необходима система общих понятий, методически разработанная на основании эмпирического исторического материала. Образование таких понятий, возможно, потому что в индивидуальных единичных фактах можно разыскивать сходное» [Хвостов, 1913, с.38]. Но при этом он добавлял, что «в обществоведении приходится довольствоваться по преимуществу приблизительными обобщениями..., только такие приблизительные обобщения, отнюдь не имеющие безусловной значимости, и являются возможными [Хвостов, 1913, с.39].

Ю.Л. Бессмертный и К.В. Хвостова не без оснований отмечали, что «для исследовательской манеры М.М. Хвостова была весьма характерна тенденция исследовать всякое существенное событие и явление прошлого на фоне закономерностей общеисторического процесса. Метод выявления генетических связей непрерывно развивающихся явлений – излюбленный исследовательский прием М.М. Хвостова [Бессмертный, Хвостова, 1980, с. 325]. Придерживаясь этих взглядов, М.М. Хвостов сконцентрировал свою научную деятельность на исследовании экономического развития древнего мира, посвятив ему ряд специальных исследований (Хозяйственный переворот в древней Спарте (1901); Ткацкая промышленность в греко-римском Египте (1914); Развитие форм промышленности в древнем мире

(1915) и достиг серьезных научных успехов именно в этой области исторических исследований.

Не умалял М.М. Хвостов и роль социальных процессов в контексте развития того или иного исторического объекта. Так он читал в Казанском университете курс лекции по истории рабочего движения в Западной Европе в новое время, которые были изданы отдельными выпусками [Хвостов, 1917].

Данные методологические подходы являются показателями верного направления теоретического осмысления задач исторической науки, поставленных и реализованных М.М. Хвостовым в начале XX века.

Продуктивной представляется и мысль М.М. Хвостова о том, что «историческая работа распадается на две стадии: описательную и объяснительную. Описательная стадия сводится к восстановлению фактов, объяснительная – к их истолкованию» [Хвостов, 1915, с.3].

В этой связи осмысленным представляется и выделение М.М. Хвостовым различных «историй»: реферирующей, прагматической и социологической. Реферирующая история – это такая история, которая довольствуется простым рассказом о прошлом. Прагматическая история заключается в выведении фактов последующих из отдельных фактов предшествующих, причем основным является психологический метод и при этом преследуются практические цели* моральные и политические. История социологическая имеет целью объяснить отдельные факты из жизни общества не только из отдельных предшествующих фактов, но из общих социологических положений. Реферирующая история относится к истории описательной, а прагматическая и социологическая – к объяснительной.

Наиболее ценным в методологическом наследии М.М.Хвостова является достаточно последовательно отстаиваемый им принцип историзма в изучении истории. «Историк должен изучать общество на всем на всем

протяжении его эволюции», стремится показать явление в связи с общеисторическим развитием, показать причины его возникновения, дать анализ его последствий [Хвостов, 1915, с.46].

Философско-методологическая концепция М.М.Хвостова явилась результатом взаимодействия различных методологических влияний, среди них доминирующим является влияние позитивизма и неокантианства, но нельзя отрицать и воздействие идей марксизма.

Научное творчество и методологические идеи М.М.Хвостова свидетельствуют о стремлении лучших представителей отечественной исторической науки найти особенные пути исторического синтеза и возможности достижения наукой объективно истинных результатов в изучении истории.

Список литературы:

1. Бессмертный Ю.Л., Хвостов М.М. Хвостова К.В. М.М. Хвостов и его взгляды на историю западно-европейского крестьянства // История и историки. Историографический ежегодник. 1977. М., 1980.
2. Хвостов М.М. История Греции. Казань, 1915.
3. Хвостов М.М. История рабочего движения в Западной Европе в новое время. Рабочее движение в Англии. Казань, 1917; Хвостов М.М. Рабочее движение во Франции. Казань, 1917; Хвостов М.М. Рабочее движение в Германии. Казань, 1917.
4. Хвостов М.М. К вопросу о задачах истории: Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому. М., 1909.
5. Хвостов М.М. Лекции по методологии и философии истории, читанные в Казанском университете и на Казанских высших женских курсах в осеннем семестре 1912/13 акад. Года. Казань, 1913.
6. Шофман А.С. Михаил Михайлович Хвостов. Казань, 1979.

О преподавании методологии истории в Казанском университете (начало XX в.)⁹

Методология истории как особая, специальная историческая дисциплина сформировалась во второй половине XIX века. В России ее возникновение относится к периоду конца XIX – начала XX вв. В системе высшего исторического образования курс «Методология истории» читался в России с начала XX в. теми историками, которые сами активно разрабатывали теоретико-методологические вопросы истории и исторического познания. В Московском университете этот курс вел В.О. Ключевский, в Санкт-Петербургском – А.С. Лаппо-Данилевский. С 1905 г. начинается преподавание курса методологии истории в Казанском университете. Этот курс читал выдающийся русский историк-антиковед, известный педагог Михаил Михайлович Хвостов. В 1905 г. им была представлена по этому курсу программа трех публичных лекций. Первая из них посвящалась предмету истории как науки и ее месту в системе научного познания, вторая – методам исторического познания, третья – принципам и категориям исторического исследования, факторам исторического развития. Эти лекции были изданы в качестве лекционного курса-пособия по философии и методологии истории¹.

Определяя методологию истории как «учение о тех познавательных путях, при помощи которых мы в состоянии познавать прошлое человеческих обществ», М.М.Хвостов был твердо убежден, что историки должны заниматься решением теоретических вопросов. «История – писал он, - в течение большей части XIX века имела ... поверхностно-эмпирический характер», так как «философско-историческая литература в течение долгого времени развивалась в весьма слабой связи с ростом собственно-

---

⁹ Статья опубликована по материалам доклада на Республиканской научной конференции, организованной научным советом «Развитие духовной культуры и гуманитарного знания» Отделения гуманитарных наук Академии наук Татарстана 14-15 июня 1995 г.: *Смницын О.В. Преподавание методологии истории в Казанском университете (начало XX века) // Социально-историческое знание в Татарстане: исследовательские традиции и современность. – Казань, 1995. - С.111-113.*

исторической науки». Но, начиная с 80-х годов более молодое поколение историков в большей степени задумываются над теоретическими вопросами своей науки².

Означенное явление, по мнению М.М. Хвостова, нельзя не признать в высшей степени нормальным. Историческая наука не могла жить и впредь тою «полусознательною жизнью» (определение Хвостова), какой она жила в прежние десятилетия. Современный историк должен был соединять в себе «знакомство с конкретно-исторической наукой и привычку работать над теоретическими вопросами истории»³.

Придерживаясь подобных убеждений, М.М. Хвостов вошел в ряд таких ученых как А.С. Лаппо-Данилевский, Н.И. Кареев, Д.М. Петрушевский, Р.Ю. Виппер, которые были новаторами методологии истории в России и положили начало преподаванию ее в университетах.

---

1. Хвостов М.М. Лекции по методологии и философии истории. Казань, 1913.

2. Хвостов М.М. К вопросу о задачах истории // Сборник статей, посвященных ВО.Ключевскому. М, 1909. – С. 791,793.

3. Там же. С.795.

Поколения в исторической науке: династия Хвостовых¹⁰

Аннотация

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена необходимостью выявить семейную нить, связующую поколения, когда передаются от отцов и матерей к детям не только традиции и вечные ценности, но и научные знания, в особенности, когда эти знания не просто принимаются и воспринимаются, но и реализуются профессионально, в том числе как продолжение жизни старших поколений. Цель статьи заключается в изучении и систематизировании материалов о династии российских историков Хвостовых – ведущем историке античности начала XX века Михаиле Михайловиче Хвостове, его сыне видном советском историке международных отношений и внешней политике России, академике Владимире Михайловиче Хвостове и его дочери докторе исторических наук, ведущем научном сотруднике Института всеобщей истории РАН, зав. центром "проблем исторического познания" Ксении Владимировне Хвостовой. Ведущим методом стало широкое использование историко-сравнительного метода, позволяющего проводить исторические сравнения, сопоставления, устанавливать параллели. Применение этого метода дает возможность изучить историографические факты как в тесной связи с исторической обстановкой, в которой они возникли и действуют, так и в качественном изменении на различных этапах развития. Важную роль в направленности анализа и характере осмысления авторами проблемы потребовало использования элементов системно-структурного анализа. В статье представлены результаты, свидетельствующие о сохранении и развитии научных традиций в четырех поколениях династии историков Хвостовых, свидетельствующие и о поступательном развитии исторических

---

¹⁰ Статья, написанная в соавторстве с моей аспиранткой А.М. Имамудиновой,, была опубликована в 2015 г. на английском языке в единой библиографической и реферативной базе данных рецензируемой научной литературы Scopus: Sinitzyn O. V., Imamutdinova A. M. Generations in Historical Science: The Hvostovs Dynasty // Journal of Sustainable Development. Vol. 8. No 7. august 2015. P. 153-159. На русском языке статья публикуется впервые.

знаний в России в XIX – XX – начале XXI вв. Материалы статьи могут быть полезны в изучении и популяризации вклада научных династий в развитие мировой и отечественной исторической науки.

Ключевые слова: династия, историография, методология, античность, международные отношения, внешняя политика, цивилизация.

1. Введение

В современной исторической науке исследователи всё больше проявляют интерес к поколениям носителей научной культуры, соответственно, к их биографиям, в связи с чем вытекает интерес к творческой личности, межличностным отношениям и происходит расцвет жанра интеллектуальной биографии историков (Репина, 2001). В отечественном науковедении накоплен определенный опыт изучения поколенческих династий химиков, математиков, физиков, литераторов, педагогов (Арбузов, 1971, Чуковская, 2007, Бакшт, 2014), но явно недостаточно исследований о династиях историков. В этом отношении очень показательна династия отечественных историков Хвостовых, научная деятельность которых растягивается более чем на 170 лет. Изучение научных династий органично связано с источниковедением и архивоведением, в том числе с государственным, частным или домашним архивом. В связи с темой данного исследования это становится важнейшей задачей для реализации поставленной цели, поскольку, если личный архив М.М. Хвостова в НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан) достаточно изучен (Шофман, 1979; Матвеева, 1970), то личный архив В.М. Хвостова (наиболее репрезентативный в источниковедческом аспекте) до сих пор недостаточно изучен и незначительно введен в научный оборот.

2. Методы

Объектом исследования является научная и педагогическая деятельность династии историков Хвостовых. Предмет изучения составляют

биографические сведения о профессиональной научно-педагогической деятельности историков, результаты интеллектуального труда представителей династии. Задачи: выяснить истоки профессиональной преемственности в династии историков; поиск документов и актуальных материалов по теме; работа с архивом династии Хвостовых; обобщение биографических данных о направлениях научного творчества ученых.

Базой исследования стали архивные документальные источники и многочисленные научные труды М.М. Хвостова, В.М. Хвостова, К.В. Хвостовой и специальная историческая литература, посвященная творчеству ученых.

В ходе исследования использовались общенаучные теоретические методы анализа, синтеза, индукции и дедукции, аналогии, сравнения и обобщения, а также специальные эмпирические методы: типологизации и систематизации, историко-генетический и историко-сравнительный метод.

Предложенное исследование выступает одним из компонентов целостного представления о выявлении внешних факторов, влиявших на формирование династии учёных-историков, их отношение к власти, демонстрации изменения социального статуса историков, исследования роли академической традиции в процессе становления династий историков, выявление особенности научных коммуникаций и поведенческих стереотипов, культивируемых в научной жизни, вкладе научной династии историков в учебно-методическую и научно-организационную работу высшей школы, изучением научного наследия представителей династии и практическую их исследований для современной науки.

Гипотеза исследования: Наверное, выбор профессии историка представителями династии Хвостовых был осознанным и закономерным и на него влияли и семейные традиции и ценности, образование, соответствующая семейная библиотека, знание иностранных языков, окружение и т.д.. Мы предполагаем, что представители династии Хвостовых

внесли весомый вклад в дело развития исторической науки, образования и общественную жизнь страны.

3. Результаты

В современном гуманитарном знании особую актуальность приобретают проблемы, непосредственно связанные с изучением научного наследия ученых, с раскрытием сущности их взглядов и идейных соображений как составной части развития науки в целом.

Несомненно, что историческая наука не может прогрессировать без изучения и переосмысления опыта предыдущих поколений. В этом контексте важным является исследование наследия русских историков, внесших свой вклад в историческую науку.

Династия Хвостовых – это династия, история которой насчитывает более 170 лет. Казанский период данного поколения в истории берет свое начало с **Михаила Никифоровича Хвостова** – отца Михаила Михайловича. М. Н. Хвостов окончил в 1862 г. юридический факультет Московского университета, служил сначала в течение двух лет учителем истории и географии в Мариинском училище в Казани, а затем товарищем прокурора Симферопольского окружного суда. В 1874 году он умер, когда будущему историку было всего два года. Воспитание детей легло на плечи матери – Марии Кирилловны.

В 1883 г., получив домашнее первоначальное образование, **Михаил Михайлович Хвостов** поступил в Керченскую Александровскую гимназию, которую окончил в 1891 году с золотой медалью. (Шофман, 1979).

В том же году М. Хвостов поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Учился он весьма успешно, показывал отличные знания по всем курсам, был отмечен именной стипендией. После блестящего завершения университетской учебы по представлению Павла Гавриловича Виноградова М.М.Хвостов был оставлен на кафедре всеобщей

истории Московского университета для приготовления к профессорскому званию. В 1895 году М. М. Хвостов начал преподавательскую деятельность в Константиновском межевом институте, а позднее в женской гимназии С. А. Арсеньевой и А. Ф. Гросман. После успешной сдачи магистерских экзаменов в 1900 году Михаил Михайлович получил звание приват-доцента, и в этом же году был приглашен в Казанский университет. Инициатором приглашения М. М. Хвостова в Казань был профессор Федор Герасимович Мищенко, получивший рекомендательное письмо от профессора Павла Гавриловича Виноградова. 7 октября 1900 года Михаил Михайлович посылает на имя декана историко-филологического факультета Казанского университета прошение о принятии его на работу. Почему молодой ученый избрал местом жизни и деятельности Казань, точно неизвестно. Однако, можно предположить, что ему были хорошо известны и импонировали крепкие антиковедческие традиции в Казанском университете, получившие широкое распространение в научном мире. Кроме того, в этом городе свою преподавательскую деятельность начал и его отец. (Матвеева, 2005). Выбор был сделан, и 12 января 1901 года М. М. Хвостов приехал в Казань, где началась его кипучая, весьма плодотворная научно-педагогическая деятельность. Кроме работы в Казанском университете, немалой была доля участия Михаила Михайловича в деле открытия в 1906 году в Казани высших женских курсов. (Старкова, 2005).

Среди плеяды выдающихся представителей отечественной историографии двадцатого столетия следует назвать историка Владимира Михайловича Хвостова (1905-1972), сына Михаила Хвостова, интерес к личности и научной деятельности которого не угасает, и по сей день.

Владимир Михайлович Хвостов – видный отечественный историк второй половины XX века. Его научно-исследовательская и организаторская работа является примером незаурядной активности, работоспособности, инициативности и ответственности. Владимир Хвостова был специалистом

по истории нового времени и международных отношений второй половины XIX – первой половины XX вв., членом-корреспондентом Академии наук СССР по отделению исторических наук (всеобщая история). Необходимо отметить, что В. М. Хвостов также являлся академиком и первым президентом Академии педагогических наук СССР. Он исследовал взаимоотношения ведущих мировых держав, военные столкновения, дипломатическую историю. Тем не менее, творческий вклад этого учёного в историческую науку до сих пор не стал предметом специального историографического исследования.

Владимир Михайлович Хвостов родился 24 июня 1905 года в г. Казани, учился во 2-ой мужской гимназии, затем, до 1922 года, в школе 2-ой ступени. Именно в Казани Владимир Михайлович получил высшее образование. В 1926 году он закончил обучение в Восточном педагогическом институте: 29 июня в публичном заседании Государственной квалификационной комиссии при Восточном педагогическом институте (председатель – ректор ВПИ, проф. Сергей Платонович Сингалевич) В. М. Хвостовым была успешно защищена дипломная работа на тему «История и современность в школьном курсе обществоведения» (научный руководитель – проф. Сергей Платонович Сингалевич, рецензент – проф. Валентин Тихонович Дитякин). Следует отметить, что Восточный педагогический институт в 20-30-е гг. являлся единственным институтом Поволжья, который выпускал специалистов-историков. Будучи студентом, В. М. Хвостов работал лаборантом при кабинете обществоведения рабфака ВПИ (1 октября 1925 по 1 февраля 1926 гг.), затем был принят ассистентом на кафедру истории революционных движений на Западе Татарского коммунистического университета с 15 января 1926 года. (Нигматуллин, 2007).

После переезда в 1926 году в Москву Владимир Михайлович поступил в аспирантуру при Институте истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) и в 1929 году

ее успешно окончил. Преподавательская деятельность В. М. Хвостова началась еще в аспирантуре: здесь он читает лекции и ведет семинарские занятия по новой и новейшей истории на рабфаке. Окончив аспирантуру, историк становится в 1929-1930-е гг. научным сотрудником Центрархива. С 1927 по 1930-е гг. Хвостов В. М. преподавал новую и новейшую историю в Московском индустриально-педагогическом институте им. К. Либкнехта, затем продолжил преподавательскую деятельность в Смоленском педагогическом институте в 1930-1933-е гг. В 1933-1935-е гг. Владимир Михайлович преподавал в Московском институте истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского (МИФЛИ), а затем и в Московском государственном университете. После создания в 1936 году Института истории АН СССР В. М. Хвостов стал его научным сотрудником. (Полетика, 1978).

В 1930-е гг. В. М. Хвостов становится одним из ведущих ученых-историков СССР: он был редактором и ведущим автором первого в отечественной историографии учебника по новой истории для вузов. Тогда же он стал одним из основных участников коллектива авторов, подготовивших первое издание «Истории дипломатии». В 1942 году за участие в издании первого тома он был удостоен Государственной премии первой степени.

В 1941-1944 гг. В. М. Хвостов находился на политработе в РККА. Он был зачислен в штат Главного политического управления Народного комиссариата обороны СССР в звании подполковника и направлен в действующую армию, выступал с докладами в частях и соединениях. В этот период Владимир Михайлович продолжает и научно-исследовательскую деятельность. Им была написана большая часть второго тома «Истории дипломатии», вышедшего в свет в 1945 году. А в 1946 году за участие в издании второго тома В.М. Хвостову вторично была присуждена Государственная премия первой степени. Вскоре после окончания войны В.

М. Хвостов привлекается к дипломатической работе. В 1944 году он был назначен директором Высшей дипломатической школы НКВД СССР (сегодня Дипломатическая академия МИД России). В 1946-1957 гг. Владимир Хвостов работал начальником Архивного управления и членом Коллегии Министерства иностранных дел СССР. (Дунаевский, 1974).

В. М. Хвостов занимался также научно-организационной и преподавательской деятельностью: с 1946 по 1954-е гг. он руководил кафедрой внешней политики СССР и международных отношений в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Он неоднократно участвовал в качестве советника в составе делегаций СССР на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, имел ранг Чрезвычайного и Полномочного Посланника 1-го класса, являлся членом-корреспондентом с 23 октября 1953 г., иностранным членом Сербской Академии наук, иностранным членом Академии наук ГДР.

Владимир Михайлович являлся Лауреатом Государственных премий, был награжден двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом «Знак Почета» и медалями. Таким образом, его вклад в развитие отечественной исторической науки, проблематику истории международных отношений, организационно-руководящая деятельность весьма значительны, вызывают отечественное и международное признание и уважение.

Научно-педагогическая и общественно-политическая деятельность В. М. Хвостова явилась отражением социально-экономических особенностей развития СССР в 1930-1970-х гг. Начавшись в Казани, она в основном прошла в Москве: МГУ, МИФЛИ, МИД СССР, Высшей дипломатической школе, Отделении истории АН СССР. В. М. Хвостов являлся одним из членов-учредителей и первым президентом Академии педагогических наук СССР, членом Коллегии министерства просвещения СССР.

Научные интересы В. М. Хвостова были сконцентрированы на истории нового времени, внешней политике СССР и международных отношений. Особое место в его научном наследии занимают «История дипломатии» (тт. 1-3), «Документы и материалы кануна Второй мировой войны», учебник «Новая история». Его опыт, научная квалификация получили высокую оценку в Советском Союзе и за рубежом. Он принимал активное участие в различных международных конференциях, Международных конгрессах исторических наук в качестве докладчика, сессиях Генеральной Ассамблеи ООН в качестве советника или заместителя руководителя советских делегаций. Поэтому вполне закономерно, что Владимир Михайлович Хвостов считается ведущим советским специалистом по истории международных отношений.

Необходимо отметить и деятельность дочери Владимира Михайловича Хвостова – д.и.н. **Ксении Владимировны Хвостовой**. Она является ведущим специалистом Института всеобщей истории Российской академии наук, а также руководителем центра «Проблемы исторического познания». На данный момент основными направлениями ее научной деятельности являются: логические проблемы исторического познания; общие исторические законы и пространственно-временные исторические тенденции; когнитивный исторический анализ; объяснение в истории.

На данный момент остается недостаточно освещенным вопрос о казанском периоде жизни Владимира Михайловича Хвостова. В исторической литературе отсутствует информация о том, какова была жизнь и судьба Владимира, когда его отец оказался в Томске и не вернувшись в Казань там скончался.

На наш взгляд, дальнейшую разработку этой темы следует продолжить через детальное изучение личного фонда В. М. Хвостова, находящегося в архиве РАН. Этот архив сформирован вдовой В. М. Хвостова - Ю. Ф. Строителевой и дочерью - К. В. Хвостовой в 1973 г. Он составляет 542 дела

за 1901-1975 гг. Большинство материалов, имеющихся в фонде, связаны с его деятельностью в Комиссии историков СССР и ГДР. Значительное место в материалах фонда занимают отзывы В. М. Хвостова о трудах и научной деятельности различных лиц, докторских и кандидатских диссертациях, а также рецензии на книги современников. Особый интерес представляют документы об участии В. М. Хвостова в работе международных конгрессов, конференций и научных организаций. В фонде хранятся документы о В. М. Хвостове (29 дел за 1926 - 1974 гг.). Это и отзывы Н. М. Дружинина, М. В. Нечкиной, И. И. Минца, А. Л. Сидорова, М. Н. Покровского, С. Д. Сказкина, Е. В. Тарле, и газетные и журнальные вырезки о его выступлениях на сессиях, конференциях, съездах и др. (Нигматуллин, 2007).

Большую роль в изучении жизни и деятельности В. М. Хвостова играет его переписка. Среди адресатов и корреспондентов наиболее известными являются: Л. Больц, А. А. Громыко, Н. М. Дружинин, А. С. Ерусалимский, И. М. Майский, А. З. Манфред, И. И. Минц, В. П. Потемкин, С. Д. Сказкин, В. В. Струве, М. Н. Тихомиров, В. Ульбрихт, Л. Штерн и др.

Своей разработкой целого ряда актуальных проблем международных отношений и новой истории в целом, В. М. Хвостов внес весьма значительный вклад в науку об истории дипломатии. Его капитальные труды, а также плодотворная педагогическая деятельность поставили его в ряд выдающихся русских ученых и педагогов своего времени.

4. Обсуждение

Изучением научно-педагогической деятельности Хвостовых занимались в основном казанские ученые – А.С. Шофман, И.Н. Матвеева, и в первую очередь, это касается Михаила Михайловича Хвостова как историка античности и методолога. О В.М. Хвостове имеются работы В.А. Дунаевского, С.Л. Тихвинского, Р.Ш. Нигматуллина, в которых в общем плане характеризуется его творческая биография. Но на современном этапе развития отечественной историографии история научных сообществ

историков ещё не рассматривалась в династическом срезе. О династии историков Хвостовых в аспекте поколений в науке специальных исследований в отечественной историографии нет.

5. Выводы

Научная династия историков Хвостовых является примером количественного и качественного вклада ее представителей в интеллектуальную жизнь научного сообщества, развитие знаний гуманитарных наук. Характерными «брендами» научной династии является то, что все они были докторами исторических наук, профессорами, преподавали в ведущих университетах страны – Московском, Казанском, Томском. Феномен научной династии Хвостовых заслуживает как отдельных детальных исследований о каждом из рассматриваемых персоналий, так и комплексное ее изучение в вертикальном срезе в контексте развития отечественной исторической науки и генезиса мировой науки в целом.

6. Заключение

Материалы статьи могут быть использованы при написании биографических и справочных изданий, в преподавании курсов отечественной и зарубежной истории и историографии, истории науки, в создании обобщающих исследований, при разработке спецкурсов, а также при подготовке учебных пособий по соответствующим курсам.

Список литературы

1. Арбузов, А. (1971) Казанская школа химиков. Казань.
2. Бакшт, Т. (2014) 90 лет династии педагогов. Томск ОГУ "РЦРО".
3. Дунаевский, В. (1974) Советская историография новой истории стран Запада (1917-1941 гг.). Москва.
4. История дипломатии. Т. 2. (1945) Авторы В. М. Хвостов и И.И. Минц). Москва.
5. История дипломатии. Изд. 2-е. Т. 2.(1963) Дипломатия в новое время (1871-1914). Москва.
6. История Рима (1907) Конспективное изложение лекций приват-доцента М.М. Хвостов, читанных в 1906/1907 акад. году. Казань.

7. История Греции (1908) Конспект лекций профессора М.М. Хвостова, читанных в Казанском ун-те и на Казанских высших женских курсах в 1907–1908 уч. году. Казань.
8. Матвеева, И. (2005) Историк-антиковед Михаил Михайлович Хвостов // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство: Сборник научных статей и сообщений / Составители и ответственные редакторы Г. П. Мягков и Е. А. Чиглинец. Казань: Казанский государственный университет.
9. Некрич, А., Хвостов, В. М. (1959) Как возникла вторая мировая война. Москва
10. Нигматуллин, Р. (2007) Выпускники исторического факультета Казанского государственного педагогического института (1918-1945 годы). Казань.
11. Репина, Л. (2001) От истории идей к интеллектуальной истории (Аналитический обзор) // XXвек: Методологические проблемы исторического познания. Москва.
12. Сборник статей памяти академика Владимира Михайловича Хвостова (1976). Москва.
13. Старкова, Н. (2005) Проблемы истории Древней Спарты в трудах казанских антиковедов рубежа XIX-XX вв. // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство: Сборник научных статей и сообщений / Составители и ответственные редакторы Г. П. Мягков и Е. А. Чиглинец. Казань: Казанский государственный университет.
14. Тихвинский, С. (2005) Историк, дипломат, учитель // Вестн. РАН. Т. 75. №6. Москва.
15. Хвостов, В. М. (1943) Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. Москва-Ленинград.
16. Хвостов, В. М.(1955) Франко-русский союз и его историческое значение. Москва.
17. Хвостов, В. М.(1970) Мир между двумя мировыми войнами. Москва.
18. Хвостов, В. М. (1976) Поучительные уроки истории // Проблемы истории внешней политики России и международных отношений. Москва
19. Хвостов, В. М. (1976) Некоторые итоги дискуссии по вопросу периодизации истории внешней политики // Проблемы истории внешней политики России и международных отношений. Москва.
20. Хвостов, М.М. (1913) Лекции по методологии и философии истории, читанные в Казанском университете и на Казанских высших женских курсах в осеннем семестре 1912-13 акад. года. Казань.
21. Хвостов, М.М. (1914) Программа по истории средних веков. Казань.
22. Хвостов, М.М. (1914) Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте: I. Текстильная промышленность в греко-римском Египте. Казань.
23. Чуковская, Л. (2007) Памяти детства: мой отец – Корней Чуковский. Москва: Время.

Устюжанин Евгений Иванович

Путь историка (Е.И. Устюжанин)¹¹

В развитии отечественной исторической науки в XX в. одним из определяющих периодов стали 1930-е гг. В 1934 г. партийно-государственное руководство страны приняло решение восстановить историческое образование в средней и высшей школе. Тогда же в составе пяти факультетов Казанского государственного педагогического института был образован исторический (в Казанском государственном университете истфак был восстановлен в 1939 г.). Перед новым факультетом ставилась задача «подготовки квалифицированных специалистов по истории», способных обеспечить «преподавание гражданской истории в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей» [1].

Наркомпрос РСФСР направил на работу в КГПИ выпускников столичных вузов. На историческом факультете было две кафедры: всеобщей истории, действовавшая в Восточно-педагогическом институте, и кафедра

---

¹¹ Статья опубликована в соавторстве с Татьяной Петровной Крашенинковой в 2013 г. в историко-документальном журнале «Эхо веков» по итогам Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Е.И. Устюжанина: *Крашенинникова Т.П., Сеницын О. В., Путь историка (Е.И. Устюжанин) / Т.П. Крашенинникова, О.В. Сеницын // Эхо веков. - 2013. - №3/4. - С. 130 - 145.* В 2012 г. этими же авторами была опубликована коллективная монография *Крашенинникова Т.П., Сеницын О.В. Евгений Иванович Устюжанин (1902-1968). Очерки жизни и деятельности /под ред. А.Л. Литвина. - Казань: Астория, 2012. - 96 с.*

истории народов СССР, которую и решено было укрепить в первую очередь. В 1935 г. эту кафедру пополнили выпускники Ленинградского педагогического института и аспирантуры Евгений Иванович Устюжанин, Московского педагогического института и аспирантуры Александр Павлович Плакатин. В 1939 г. на кафедру народов СССР был принят выпускник Ленинградского пединститута Иван Михайлович Ионенко, ставший вскоре деканом исторического факультета. Е. И. Устюжанин в том же 1939 г. был назначен первым заведующим кафедрой истории воссозданного истфака КГУ, проработав в этой должности до 1940 г., по сути, возглавлял две кафедры — в педагогическом институте и в университет.

Евгений Иванович Устюжанин родился 9 декабря (26 ноября) 1902 г. в семье казака Ивана Николаевича Устюжанина и его жены Евдокии Матвеевны в г. Кокпекты Зайсанского уезда Семипалатинской губернии [2]. Отец Евгения Ивановича, так же, как и дед, занимался сельским хозяйством. Мать была домохозяйкой. Доподлинно неизвестно, каков был размер хозяйства. В анкетах раннего периода Евгений Иванович писал: отец — крестьянин-одиночка, затем — крестьянин, чуть позднее появилась запись — крестьянин-середняк.

В 1912 г. в девять с половиной лет Евгений был определен в русско-киргизское училище. Через год умерла мать. После смерти жены осенью 1914 г. И. Н. Устюжанин поступил на службу волостным писарем и уехал из станицы в Киргизскую волость, где по-прежнему продолжал заниматься земледелием. Евгений Иванович после переезда отца вынужден был поселиться в интернате, который был открыт при училище. Нравы в учебном заведении были строгие, основным предметом считался «Закон божий» для русских и «Вероучение» для киргизских детей. Евгений Иванович, тесно общаясь со сверстниками, овладел, как он писал, «простонародным киргизским языком» [3]. Привычный ритм жизни: зимой — учеба, с весны — полевые работы, не изменился и в 1917 г.: «Февральская революция ничего нового не привнесла в нашу школьную жизнь. Прошел Октябрьский переворот, но его отзвуки не скоро повторились в нашей

далекой окраине. Все текло по-старому. И я кончил 2[-х] классное училище в 1918 г. со старыми устоями» [4], — писал в 1925 г. Евгений Иванович. И все-таки события 1917 г. повлияли на его судьбу. В год окончания училища он не смог получить свидетельство об образовании. Связано это было с тем, что директор училища Хомутов был арестован «белыми». Этот год Евгений Иванович работал в хозяйстве отца, который вновь вернулся в Кокпекты в 1918 г. Зимой в отсутствии необходимости заниматься сельхозработами «бездельничал», проводя время с сельскими ребятами. Он быстро убедился в том, что такой образ жизни ему не по душе, и нужно было делать выбор: остаться в Копек-тах и заниматься сельским хозяйством или продолжить образование. Как признавался Евгений Иванович, привычка, созданная шестью годами учебы, давала о себе знать: его тянуло в школу. «У меня был идеал — учитель», — позже напишет в своей автобиографии Е. И. Устюжанин [5].

Фортуна улыбнулась ему. В село вернулся бывший директор училища, который год провел в Семипалатинской тюрьме. Случайная встреча на улице весной 1919 г., когда Хомутов сам окликнул своего бывшего ученика, привел его к себе на квартиру и выдал свидетельство об окончании училища, давала шанс продолжить образование. Евгений Иванович решает поступать в Семипалатинскую учительскую семинарию. По его собственному признанию, отец удерживать не стал, потому что рабочих рук для их маленького хозяйства было достаточно.

С июля 1919 г. начинается семипалатинский период жизни Устюжанина, который продлился семь лет. Здесь он получил среднее специальное образование, здесь прошел свои первые учительские «университеты», отсюда был призван в армию.

Приехав в Семипалатинск, Евгений Иванович стал усиленно готовиться к поступлению в семинарию, так как за год, который прошел после окончания русско-киргизского училища, все знания «вылетели из головы». Однако его испытания на этом не закончились. Не прошло и месяца, как от отца пришло

сообщение, что брата мобилизовали в армию, а из хозяйства украли двух лошадей.

Чуть позже сестра вышла замуж, помощников у отца не осталось. Иван Николаевич распродал остатки нажитого и уехал жить к своему брату, деньги разделил между детьми. Евгений Иванович получил свою долю, надеясь, что присланной суммы должно было хватить года на два учебы в Семипалатинске. Успел заплатить хозяевам квартиры за год вперед.

Началась учеба. Семинария Евгению Ивановичу понравилась, правда, он с сожалением отмечал, что по-прежнему, как и в кокпектинском училище, преподавался «Закон божий», а при семинарии был священник. Но события не заставили себя ждать. 1 декабря 1919 г. в Семипалатинске установилась Советская власть. Жизнь бурлила. Повсюду шли митинги, собрания. Все казалось новым, радостным для молодого восемнадцатилетнего станичного юноши, который с затаенным сердцем слушал ораторов.

Занятия, прерванные во время революционных событий, возобновились, а сама семинария была переименована сначала в Практический институт народного образования, потом — в педагогический техникум. Первый год обучения в училище прошел успешно, однако дальше Евгения Ивановича ожидали новые испытания. Деньги, высланные отцом, «отменили», и он «остался без гроша». На помощь отца рассчитывать больше не приходилось, так как он сам теперь нуждался в помощи. Пришлось задуматься о работе. Хозяин квартиры, которую снимал молодой студент, предложил ему поработать летом на покосе и в огороде, за что обещал квартиру и одежду на зиму. Выход из создавшегося положения показался Евгению Ивановичу более чем приемлемым. Он продолжал учиться и работать у хозяина: ухаживал за скотиной, ездил на заготовку дров.

Готовиться к занятиям в техникуме приходилось исключительно ночью. Чем дальше, тем учиться становилось труднее. Программа учебного заведения была расширена: школоведение и школьная гигиена, логика и

космография, пение и сельское хозяйство с лесоводством. Кроме специальных предметов надо было еще штудировать современную политическую литературу. Евгений Иванович, выполняя поручения хозяина, вынужден был часто пропускать занятия. Накапливались «долги» по предметам. Судьба оказалась благосклонной. В это время в Семипалатинске был открыт интернат на 50 человек. 20 мест предназначалось для студентов педагогического техникума. Евгений Иванович оказался тем счастливым, которому предоставили место в интернате. Кроме того, он получал паек, а с 1924 г. начал получать стипендию в размере 8 руб. 40 коп. И хотя, по его признанию, «приходилось иногда голодовать»⁶, жизнь начала налаживаться.

Евгений Иванович полностью отдавал себя учебе и общественной деятельности. Путем усиленных занятий он смог ликвидировать задолженности по учебной программе. 11 февраля 1923 г. вступил в РЛКСМ. Его быстро заметили, выдвинули в общественные организации. Один перечень общественных поручений занимает 13 наименований: председатель ученического комитета техникума и товарищеского суда комсомольской ячейки, ответственный редактор стенной газеты «Красный молодец» и т.д. [7].

Весной 1924 г. Евгений Иванович успешно сдал выпускные экзамены. 22 июля получил свидетельство об окончании педагогического техникума. Ему была присуждена квалификация школьного работника просвещения для школ первой ступени единой трудовой школы. Так он стал «народным учителем». 17 сентября 1924 г. Е. И. Устюжанин официально приступил к исполнению обязанностей учителя опытной школы при Семипалатинском педагогическом техникуме, а через девять месяцев был назначен исполняющим обязанности заведующего той же школой. После закрытия школы в октябре 1925 г. Евгения Ивановича перевели на работу в качестве учителя-воспитателя детского дома № 125 семипалатинского ГОРОНО (при

детдоме имелась школа). Буквально через две недели он был назначен заведующим детским домом, проработав в этой должности до 4 мая 1926г.

18 января 1925 г. в ячейку РКП(б) при губернском отделе народного образования г. Семипалатинска поступило заявление Евгения Ивановича с просьбой принять его в члены РКП(б). 5 апреля 1925 г. как служащего его рекомендовали к вступлению по третьей категории. В мае этого же года документы возвратились с формулировкой: «От утверждения воздержаться, в ячейке детально изучить и дать отзыв от горкома комсомола» [8]. Причина отказа неизвестна, но окончательно положительное решение было принято 1 сентября 1925 г. Билет кандидата РКП(б) за № 8635 был выдан Семипалатинским горкомом 23 ноября 1925 г.

В 1926 г. — новый поворот в жизни Е. И. Устюжанина. В ноябре его призывают на действительную службу в РККА. Через восемь месяцев военной службы отправляют на стажировку для подготовки младшего состава командиров Красной Армии.

Желание продолжить свое образование не покидало Евгения Ивановича и в армии. В 1927 г. он отправляет документы в Ленинградский государственный педагогический институт им. Герцена (ЛГПИ), надеясь, что успеет демобилизоваться и приехать к началу вступительных экзаменов. Попытка оказалась неудачной, и мысль о продолжении учебы пришлось временно оставить. По окончании службы Евгению Ивановичу было присвоено звание командира запаса. По прибытии на станцию Самсоново Среднеазиатской железной дороги, как было указано в пункте назначения, 25 октября 1927 г. Евгений Иванович был назначен заведующим самсоновским интернатом с испытательным сроком в два месяца. 30 октября 1927 г. он «принял» интернатское хозяйство, которое произвело на него угнетающее впечатление. Проверка выявила, что средства, поступавшие в качестве взносов от родителей учеников и от отдела народного образования, расходовались без всякого учета и контроля. Интернат имел долги за

продукты, которые приобретались для организации питания учеников, учет которых также отсутствовал. Такая же нерадостная картина предстала перед Евгением Ивановичем, когда он увидел, в каких условиях живут дети в интернате: сырость, грязь, насекомые. 31 октября он пишет начальнику службы просвещения: «интернат в настоящее время по педагогической ценности может быть приравнен к ночлежке или в лучшем случае к плохо организованному общежитию, но ничуть к воспитательному учреждению — детская среда не организована, санитарно-гигиенические навыки плохо привиты и т. д.» [9]. 25 декабря 1927 г. Е. И. Устюжанина утвердили в должности заведующего. В феврале 1928 г. он был принят в члены ВКП(б) Керкинской окружной партийной организацией (Туркменская ССР).

В 1928 г. Евгений Иванович второй раз подает заявление в Ленинградский государственный педагогический институт, объясняя членам приемной комиссии, что «первый раз подавал в 1927 году, испытания не держал в виду того, что служил в Красной Армии — демобилизовался поздно» [10]. Он был направлен в ЛГПИ в счет мест, которые были предоставлены Главпроф-обром РСФСР для Туркменской республики. Официальное командировочное удостоверение ему было выдано 18 июля 1928 г. [11].

15 августа 1928 г. Евгений Иванович уволился со службы и отбыл в Ленинград, где в этом же году поступил на первый курс общественно-экономического отделения Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Будучи студентом, в 1929/1930 учебном году он преподавал обществоведение на проф-техкурсах Ленинградского судостроительного завода. В 1930/1931 учебном году Евгений Иванович вел курс истории в районном вечернем комвузе при Ленинградском горкоме ВКП(б).

В июне 1931 г. Е. И. Устюжанин окончил общественно-экономическое отделение ЛГПИ им. Герцена по специальности «История». В ноябре 1932 г.

ему было выдано свидетельство об окончании полного курса пединститута. Местом его работы в 1931-1935 гг. стал Ленинградский областной коммунистический университет им. К. Цеткин, который был впоследствии реорганизован в Ленинградскую высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу. Здесь он преподавал историю до июня 1935 г.

Параллельно Евгений Иванович поступает в аспирантуру при Ленинградском историко-лингвистическом институте (ЛИЛИ). Его научным руководителем был назначен академик Б. Д. Греков. Устюжанин специализировался по периоду феодализма, выполнял ряд работ, предусмотренных учебным планом: «Смерды и закупы в Киевской Руси», «Чернышевский как историк», «Мобилизация земельной собственности в русском государстве в XV-XVIII веках» и др. Аспирантуру Евгений Иванович окончил в 1935 г. по специальности «История феодализма».

Здесь же в Ленинграде он участвует в создании коллективного исследовательского проекта «План-проспект истории Невского судостроительного завода» (завод им. В. И. Ленина в Ленинграде), который был опубликован в специальном выпуске заводской газеты «Молот».

В декабре 1932 г. у Е. И. Устюжанина от А. В. Бурсиной родился сын Герман. Несмотря на то, что этот союз сохранить не удалось, Евгений Иванович, будучи уже в Казани, всегда был в курсе дел сына, помогал ему и материально, и советами. Они встречались, писали друг другу письма.

В 1935 г. Евгения Ивановича по распоряжению Наркомпроса РСФСР направляют в Казанский государственный педагогический институт. Обстановка в институте была крайне напряженной. Коллектив вуза и исторического факультета был занят большей частью проведением открытых и закрытых собраний по разоблачению «врагов народа». Слухи, заявления-доносы, вызовы для дачи свидетельских показаний входили в практику обыденной жизни. Был арестован и расстрелян заведующий кафедрой Н. Н. Эльвов, арестованы и осуждены бывший преподаватель обществоведения

пединститута Е. С. Гинзбург, доцент Е. В. Грачев. За «грубейшие извращения» в преподавании истории неоднократно отстранялся от учебного процесса М. Д. Бушмакин.

Е. И. Устюжанин начинает работать старшим преподавателем и заведующим кафедрой истории СССР [12]. Практически одновременно с Е. И. Устюжаниным на эту кафедру был принят А. П. Плакатин. Они — почти ровесники. Евгению Ивановичу — 33 года, Александру Павловичу — 31 год. Заведующим кафедрой назначили А. С. Плакатина, а Е. И. Устюжанин приступил к работе в должности старшего преподавателя. С 1 сентября 1936 г. Е. И. Устюжанин — заведующий историческим кабинетом [13]. В этом же году он становится заместителем декана исторического факультета [14]. Должность заместителя декана обязывала Е. И. Устюжанина много времени уделять административной работе. Он участвует в заседаниях Совета института, в рабочих совещаниях сотрудников деканатов и др.

18 октября 1936 г. перед коллективом института выступил начальник управления по подготовке учителей Наркомпроса РСФСР М. Е. Дымент. Директор института Г. К. Касымов объявил, что доклад посвящен тем недочетам, которые замечены во время пребывания Дымента в институте и мероприятиям, необходимым для устранения этих недочетов. Но тут еще разразился очередной политический «скандал». В институтской газете «За педагогические кадры» появилась статья «Против верхоглядства, за подлинное научное знание». Студенты обвинили ряд преподавателей кафедры всеобщей истории в цитировании буржуазных историков, умалении значения произведений классиков марксизма-ленинизма и лично И. В. Сталина, замалчивании решений партии и правительства и др. Е. И. Устюжанин выступил в защиту преподавателей. Его тезис о «методах желтой печати», которые использовали в публикации студенты, был признан антипартийным. В канун 1937 г. в очередной раз сменилось руководство педагогического институт. 20 февраля состоялось закрытое собрание

коммунистов и беспартийных КГПИ по обсуждению постановления обкома ВКП(б) «О состоянии партийно-политической работы в КГПИ». Вывод был однозначным: институт не перестроился в работе по разоблачению «врагов народа».

Евгений Иванович, по-видимому, сделал для себя определенные выводы. Его официальные выступления стали краткими, содержали набор штампов и клише политического характера, свойственных партийно-государственному лексикону того периода. Однако он по-прежнему на стороне тех, кто становится объектом политического шельмования.

16 июня 1937 г. Е. И. Устюжанин как командир запаса был призван на военную переподготовку [15]. Через три месяца А. П. Плакатин перешел на работу в Казанский университет, оставшись в пединституте в качестве совместителя. На кафедре истории народов СССР ситуация вновь оказалась критической. 35-летний Е. И. Устюжанин остался единственным преподавателем, ведущим основные курсы. Вся учебная и административная работа легла на его плечи. По сути дела, Евгений Иванович стал выполнять и обязанности заведующего кафедрой.

В марте 1938 г. заведующим кафедрой истории народов СССР КГПИ по совместительству был назначен Сергей Петрович Рогожин. Он работал преподавателем истории народов СССР и заведующим кафедрой Казанского института марксизма-ленинизма [16]. Основная лекционная нагрузка на историческом факультете была в это время у Е. И. Устюжанина. Он также курировал прохождение студентами педагогической практики, организовывал экскурсии в Госмузей ТАССР [17].

В 1938 г. руководство института констатировало: кафедра истории народов СССР не имеет профессора по истории, а на историческом факультете в целом «не имеется ни профессора, ни доцента по древней истории, и данная дисциплина стоит под угрозой срыва» [18]. Такое положение с научными кадрами было названо «позорным явлением для

данного института». Причины вновь были найдены «во вредительской деятельности бывших руководителей, которые переменнно орудовали в институте со дня его организации» [19]. В отчете института по научной работе за 1938/1939 учебный год было отмечено: «Особое положение занимают научные работники исторического факультета. 1) На этом факультете нет ни одного профессора, который мог бы руководить диссертационными работами; 2) каждый научный работник этого факультета имеет минимум 1,5 нагрузки, т. е. 1 000 часов годовых; 3) многие слишком нагружены общественно-экономической работой. Вследствие этого план научно-исследовательской работы данного факультета систематически не выполняется. В дальнейшем этот факультет заслуживает особого внимания» [20].

В 1939 г. отношение к научно-исследовательской работе руководства института резко меняется. От преподавателей требуют наличия планов исследовательских работ и тем диссертационных исследований. Так появился «План научной работы на 1939 год» [21], который дает возможность составить представление об основных темах, заявленных преподавателями исторического факультета: С. П. Рогожин — «История образования Татарской АССР»; Е. И. Устюжанин — «Русская колонизация в Татарии в XVII в.»; Х. Г. Гимадутдинов — «Проведение реформы 1861 г. в Татарии»; Е. А. Горбачева — «Положение национальностей в Казанском крае в XVII в.»; В. И. Адо — «Люксембургская комиссия. 1848»; М. Д. Бушмакин — «Экономическая политика французского абсолютизма в конце XVI и начале XVII века»; Р. Ш. Тагиров — «Союз коммунистов и крестьянское движение в Германии»; Г. Ф. Юдин — «Русско-английская дипломатия в 1853 г. и восточные войны». Большинство тем было в начальной стадии разработки. Изначально были указаны вряд ли выполнимые в тех условиях сроки написания диссертаций — 1940-1941 гг. Как показали последующие события, темы были полностью изменены, а защиты диссертаций, за исключением М. И. Бушмакина, состоялись уже после войны.

Ввиду отсутствия профессоров на историческом факультете КГПИ всем преподавателям необходимо было прикрепиться к научным руководителям столичных вузов и утвердить темы. Только в первой декаде 1939 г. были профинансированы поездки в Москву и Ленинград Х. Гимади, Е. Горбачевой, С. Рогожина, Е. Устюжанина [22].

В 1939 г. произошло знаковое событие. Е. И. Устюжанин был назначен первым заведующим исторической кафедрой вновь воссозданного истфака Казанского государственного университета (1939-1941). Здесь он читал лекции по курсу феодализма. Так, впервые он, по сути, возглавил две кафедры — в педагогическом институте и в университете [23].

Е. И. Устюжанин активизирует работу по написанию кандидатской диссертации. В 1941 г. в «Ученых записках КГПИ» была опубликована статья по истории крестьянских волнений в с. Бездна Спасского уезда Казанской губернии, положившая начало изучению истории крестьянских движений в республике.

В этот период его жизни, в Казани, Евгений Иванович встретился с Верой Николаевной Федоровой, выпускницей биологического факультета КГПИ. Она работала ассистентом на кафедре ботаники, активно занималась научной и общественной работой. Семья, в которую вошел в качестве мужа Е. И. Устюжанин, оказалась большой: двенадцатилетняя Ирина — дочь Веры Николаевны от первого брака и мать Александра Афанасьевна. В ноябре 1941 г. родился сын Евгений. Во всех документах о составе семьи Е. И. Устюжанин неизменно указывал, что с ним проживают жена, сын, дочь и мать.

Начавшаяся Великая Отечественная война призвала на фронт многих преподавателей и студентов вузов Казани, в том числе Е. И. Устюжанина, И. М. Ионенко и А. П. Плакатина. С 1942 г. кафедра истории народов СССР КГПИ перестала существовать, так как основные ее работники были мобилизованы на фронт или выбыли из института.

15 июля 1941 г. Е. И. Устюжанин был призван на военную службу. Известно, что в 1941-1943 гг. он служил оперуполномоченным Особого отдела НКВД Приволжского военного округа в Саратове, в 1943-1944 гг. — старшим оперуполномоченным Отдела контрразведки «СМЕРШ» в Куйбышеве [24].

После окончания войны, с начала 1945/1946 учебного года кафедра истории СССР была восстановлена, но ее надо было фактически формировать заново. Возглавлял кафедру единственный кандидат исторических наук А. Н. Григорьев, который по состоянию здоровья не мог полноценно исполнять обязанности. Ведущую роль стали играть вернувшиеся в КГПИ с фронта Е. И. Устюжанин и И. М. Ионенко.

В 1945-1947 гг. И. М. Ионенко продолжил работу деканом исторического факультета и старшим преподавателем кафедры истории СССР, затем он перешел на работу в Казанскую высшую партийную школу и возглавил там кафедру истории. С 1960 г. И. М. Ионенко работал в Казанском государственном университете, где долгие годы заведовал кафедрой истории СССР и являлся председателем специализированного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по историческим наукам.

В апреле 1947 г. Е. И. Устюжанин защитил в Ленинградском университете кандидатскую диссертацию «Крестьянские движения в Казанской губернии в связи с реформой 1861 г.» и после смерти А. Н. Григорьева стал заведующим кафедрой истории СССР КГПИ, проработав в этой должности 20 лет. В послевоенный период он был первым остепененным историком в Казани по отечественной истории и, безусловно, стал одним из основателей сообщества историков.

В 1950-е гг. Е. И. Устюжанин большое внимание уделял редакторской деятельности. Под его научным руководством были подготовлены к печати сборники документов по крестьянскому движению в Казанской губернии, монографии Н. Ф. Калинина, Г. Н. Вульфсона, Е. Г. Бушканца, И. М.

Ионенко, И. М. Климова и др. В составе авторских коллективов он принимал активное участие в написании трудов по истории ТАССР.

Е. И. Устюжанин на протяжении многих лет являлся членом Ученого совета Госмузея ТАССР, членом Ученого совета Центрального государственного архива ТАССР, вел активную общественную работу. Дважды был награжден орденом «Знак почета» (1950, 1953) и отмечен знаком «Отличник народного просвещения». В 1962 г. ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки ТАССР.

В 1955 г. Е. И. Устюжанин был избран в состав созданного по итогам Всесоюзного совещания историков Национального комитета историков Советского Союза (НКИСС). Комитет включал в себя ведущих историков СССР, представителей союзных республик и крупнейших научных центров страны.

Сохранившаяся в Отделе редких рукописей и книг научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета переписка Е. И. Устюжанина с председателями НКИСС академиком А. М. Панкратовой, членом-корреспондентом АН СССР А. А. Губером и ученым секретарем В. Г. Поляковым свидетельствует об активном участии Е. И. Устюжанина в работе Бюро НКИСС, информировании научной общественности о направлениях и результатах научной деятельности историков Казани и ТАССР.

В связи с подготовкой X Международного конгресса исторических наук Е. И. Устюжанин направил А. М. Панкратовой перечень монографических и диссертационных исследований казанских историков. В сохранившемся черновом варианте письма он писал: «Глубокоуважаемая Анна Михайловна! Сегодня с некоторым опозданием выслал в НКИСС список научных работ историков г. Казани. Учтены опубликованные монографии, рукописи (кандидатские диссертации) и исследования, намеченные к выпуску в ближайшие годы. Список можно было расширить за

счет статей, напечатанных в "Трудах", "Ученых записках" и т. п. Что будет выбрано на XI международный] конгресс исторических наук, судить не нам, Вам виднее.. » [25]/ Письмо написано сразу после того, как в стране прошел XX съезд КПСС. Е. И. Устюжанин с удовлетворением отметил, что по договоренности с отделом науки и культуры Татарского обкома КПСС в Казани планируется провести собрание историков, «чуть ли не первое после ликвидации Общества историков-марксистов». Далее он писал: «Сейчас в Казани проходят собрания районного актива, посвященные итогам XX съезда КПСС. Необходимость собраться именно историкам очевидна... Теперь легче воссоздать подлинную историческую] действительность» [26].

Список, представленный Е. И. Устюжаниным, свидетельствовал о том, что в первое послевоенное десятилетие Казань, как научный центр, стремительно развивалась в плане исследования исторических проблем отечественной и зарубежной истории. Несмотря на сложный характер идеологической обстановки, период, наступивший после XX съезда КПСС, внушал надежду на ослабление идеологического диктата и выход исторической науки на новый этап своего развития.

В декабре 1957 г. в Москве состоялся расширенный пленум НКИСС, участником которого был и Е. И. Устюжанин. Один из документов зафиксировал его выступление на этом форуме. Евгений Иванович высказал свое мнение и предложение об улучшении работы Национального комитета историков Советского Союза, а также информировал о новейших научных достижениях его казанских коллег из университета и педагогического института. Он отметил работы А. М. Ременникова, Р. Ш. Тагирова, Г. Ф. Шамова. Е. И. Устюжанин также подчеркнул необходимость налаживания связей между общесоюзными и региональными историческими научными центрами.

В 1967 г. по состоянию здоровья Е. И. Устюжанин не подал заявления на переизбрание на новый срок на должность заведующего кафедрой. Принимая во внимание большие заслуги ученого, ученый Совет института и

кафедра истории СССР преподнесли ему адрес, а ректор института профессор М. З. Закиев издал приказ с объявлением благодарности Е. И. Устюжанину «за его многолетнюю плодотворную работу» [27].

Примечания:

1. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР, Центрального Комитета ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://tehnorma.ru/doc_ussrperiod/textussr/ussr_3989.htm
2. ОРРК НБЛ К(П)ФУ, ф. 8, ед. хр. 10/1, л. 2-2 об.
3. Там же, л. 5.
4. Там же, л. 17 об.
5. Там же, л. 18.
6. Там же, л. 20.
7. Там же.
8. Там же, л. 13.
9. Там же.
10. Там же, л. 87.
11. Там же, л. 95.
12. ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 61, д. 420, л. 295-296.
13. НА РТ, ф. Р-1487, оп. 1, д. 292, л. 5.
14. Там же, оп. 1, д. 487, л.31.
15. ЦГА ИПД РТ, ф. 1146, оп. 1, д. 86, л. 101.
16. Там же, ф. 15, оп. 26 л, д. 387, л. 229-231.
17. НА РТ, ф. Р-1487, оп. 2, д. 9, л. 2-2 об., 4.
18. ЦГА ИПД РТ, ф. 1146, оп. 1, д. 95, л. 3 об.
19. Там же, д. 93, л. 12.
20. НА РТ, ф. Р-1487, оп. 2, д. 13, л. 183.
21. Там же, л. 163.
22. Там же, л. 197.
23. Ермолаев И. П., Вишленкова Е. А. Кафедра отечественной истории до XX в. // Жить историей. - Казань, 1999. - С. 11-14.
24. Архив УФСБ РФ по РТ, ф. 115, оп. 4, ед. хр. 77, л. 2-2 об.
25. ОРРК НБЛ К(П)ФУ, ф. 8, ед. хр. 7, л. 7-8.
26. Там же.
27. НА РТ, ф. Р-1487, оп. 3, д. 104, л. 3.

Могильницкий Борис Георгиевич

Б.Г. Могильницкий как методолог истории¹²

В научном творчестве талантливого ученого, выдающего представителя и руководителя Томской историографической школы Бориса Георгиевича Могильницкого видное место занимают исследования по методологии истории, широко известные в отечественных и зарубежных научных кругах. Продолжая и развивая идеи своего учителя, крупного учёного, организатора науки и высшей школы Александра Ивановича Данилова (1916-1980), Борис Георгиевич в центр своих исследований поставил анализ теоретико-методологических взглядов историков. Это была новая, важнейшая тенденция развития советской исторической науки конца 1950 - начала 60-х годов. Переломной в этом плане стала монография А.И. Данилова «Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX - начала XX вв.» (1958). Александр Иванович так сформулировал в ней главную задачу современных исследований по истории исторической науки, которая, без преувеличения, стала классической: «Изучение идейно-методологических основ развития исторической науки - задача первостепенной важности. Это не только исходный пункт всякой работы в области историографии, но и руководящая нить всего

---

¹² Статья опубликована в 2009 г. к 80-летию со дня рождения историка в Альманахе зарубежной истории и историографии *Clio Moderna*: Синицын О.В. Б.Г. Могильницкий как методолог истории // *Clio Moderna. Альманах зарубежной истории и историографии*. – Вып. 7. – Казань. 2009. - С. 33-43.

историографического исследования в широком смысле слова... Без выяснения теоретических основ работ любого историка не может быть правильно определено ни его место в развитии исторических знаний, ни содержание применяемой им методики исторического исследования, ни подлинный смысл используемых им приёмов интерпретации исторических фактов»¹. Под непосредственным научным руководством А.И. Данилова и начинается систематичное изучение теоретико-методологических взглядов отечественных и зарубежных историков. Именно в таком ракурсе были выполнены первые опубликованные статьи Б.Г. Могильницкого², его кандидатская, докторская диссертация³ и фундаментальная монография⁴, которые сразу поставили молодого учёного в ряды лучших представителей исторической науки того времени. Этапным явлением для отечественной исторической науки стал выпуск в Томском университете с 1963 года первого в СССР специализированного периодического издания «Методологические и историографические вопросы исторической науки». Первые его выпуски издавались под редакцией А.И. Данилова, а после его отъезда из Томска в 1967 году научно-организационную работу по изданию МИВИН возглавляет Б.Г. Могильницкий (к настоящему времени издано 28 выпусков). Именно в 1960-70-е годы в этом сборнике Борис Георгиевич публикует серию своих глубоких теоретических статей по важнейшим проблемам методологии истории⁵.

В 1978 году Б.Г. Могильницкий публикует монографию «О природе исторического познания», где в обобщенном виде представлены его методологические подходы к широкому кругу вопросов, раскрывающих особенности и специфику исторического познания. Это была первая специальная монография советского периода по методологии исторического исследования, сразу же обратившая на себя внимание учёных, специализирующихся на вопросах теории истории⁶.

В противоречивой гносеологической ситуации 1960–70-х годов, когда философской теорией исторического процесса продолжал оставаться

исторический материализм, Борис Георгиевич стал одним из родоначальников того направления в науке, которое стало строить методологические выводы, опираясь на накопленный опыт конкретной практики исторического исследования, традиции в развитии отечественной дореволюционной науки и осмыслении новейших тенденций в зарубежной историографии. В 1980 г. вышла монография академика Е.М. Жукова «Очерки методологии истории», которая во многом повторила структуру книги Б.Г. Могильницкого. Ссылаясь на методологические разработки Бориса Георгиевича, Е.М. Жуков выделил его подход к проблеме соотношения истории и современности⁷. Действительно эта методологическая проблема является одной из основных тем исследований Б.Г. Могильницкого и Томской историографической школы. В монографии «О природе исторического познания» были впервые предметно систематизированы социальные функции исторической науки. Открывая специальную главу своей книги, - Б.Г. Могильницкий отмечал: с первых же шагов историописание выступает как социально-необходимая отрасль человеческого знания, чётко реагирующая на запросы современности»⁸. Это такие социальные функции как: функция выяснения закономерностей общественного развития, прогнозирующая функция, функция социальной памяти, воспитательная функция. Сейчас хорошо известно, что именно эти вопросы природы исторического познания, поставленные Б.Г. Могильницким, стали затем предметом многих дискуссий на научных конференциях, различных исследований и публикаций в центральных и региональных изданиях, посвященных теории и методологии истории, историографии и практики конкретных исследований.

В 1989 г. в издательстве «Высшая школа» вышло одно из первых учебных пособий для студентов вузов, обучающихся по специальности «История», под названием «Введение в методологию истории». Автором этой книги из цикла «Библиотека историка», рекомендованного к изданию Министерством высшего и среднего специального образования СССР

являлся Б.Г. Могильницкий⁹. Эта работа является продолжением осмысления Борисом Георгиевичем ключевых проблем методологии исторического исследования и его опыта преподавания этой учебной дисциплины в Томском университете. Она стала настольной книгой не только многих студентов исторических факультетов, но и учебным пособием для преподавателей истории высших и средних учебных заведений.

В 90-е годы XX - первого десятилетия XXI в. Борис Георгиевич Могильницкий, являясь главой Томской историографическо-методологической школы, становится признанным авторитетом среди российских и зарубежных учёных, специализирующихся по наиболее актуальным проблемам природы исторического познания. Его яркие выступления на научных конференциях разного уровня от международных до региональных, многочисленные публикации привлекают всеобщее внимание¹⁰, разнообразие тематики диссертаций многочисленных учеников свидетельствуют о преемственности и развитии новых тенденций в отечественной историко-теоретической мысли XIX-XX-начала XXI вв.

Б.Г. Могильницкий - это действительно **имя, личность и школа**, Борис Георгиевич - методолог истории, по-новаторски разрабатывающий многие её вопросы, среди которых можно выделить следующие основные темы (не претендуя исчерпать всё многообразие поднятых им проблем).

Безусловно, важным был ключевой вопрос о понятии «методология истории». У учёных существует разнообразное его понимание, при этом многие определения страдают многословностью и неясностью основной сути её предмета. Борис Георгиевич дал очень чёткое и емкое определение методологии истории как дисциплины, специально разрабатывающей методологический аппарат исторической науки: «Как особая историческая дисциплина методология истории изучает природу, принципы и методы исторического познания»¹¹. С этим определением согласны многие специалисты, разрабатывающие теоретико-методологические вопросы

изучения истории. Заслуживает внимания конкретизация этой предметной области исторической науки. Во-первых, Б.Г. Могильницкий подчёркивает, что методология истории имеет дело с основными понятиями исторической науки, которые организуют и систематизируют конкретноисторический материал, образуют исходный пункт и вместе с тем способы его истолкования. Такие основные понятия называются категориями, принципами и методами. Категории - это понятия, содержащие наиболее общие и существенные связи реального мира (например, категория исторической закономерности), принципы - это исходные понятия, определяющие принятые в науке коренные способы подхода к изучению её материала (например, принцип историзма), методы - это специальные приёмы научного исследования (например, сравнительно-исторический метод)¹².

При этом наиболее важным принципиальным положением концепции Б.Г.Могильницкого является его диалектический подход ко всем методологическим вопросам исторической науки, что, в частности, выразилось в таких его посылках как: - основные понятия истории, как и любой науки, не являются чем-то застывшим, раз навсегда данным и навечно определяющим её сущностное содержание и свойственные ей способы познания, они непрерывно развиваются, совершенствуются и обогащаются вместе с развитием науки и общества, в ходе которого возникают одни принципы, категории и методы, исчезают другие, видоизменяются третьи и это естественный процесс, обогащающий методологический потенциал науки; - методология - пограничная область каждой науки, через которую главным образом эта последняя соприкасается с другими науками, испытывая их влияние и, в свою очередь, воздействуя на них; - методология истории - теория «среднего уровня», «теория действия», непосредственно связанная с практикой конкретного исследования; - если социологическая теория формулирует «общие тенденции исторического развития», то

историческая теория объясняет «механизм конкретного исторического действия».

Другой ключевой проблемой, которой Б.Г. Могильницкий посвятил целую серию работ и разделов своих монографий - это проблема предмета исторической науки, связанная в первую очередь с отличительными чертами процесса исторического познания¹³. Суть решения Борисом Георгиевичем этого вопроса сводится к тому, что предмет исторического исследования составляют действия людей, которые в отличие от физических тел обладают сознанием и волей, одушевлены разнообразными чувствами и страстями, вступают в самые причудливые соединения, преследуя при этом зачастую взаимоперекрещивающиеся цели, поэтому очевидно, что установление законосообразности в таких действиях гораздо сложнее, чем в сфере природы. Специфику исторической науки он видит и в том, что она имеет дело с конкретными историческими событиями. Изучая историю, мы изучаем самих себя. Но это неизбежно вносит в процесс познания субъективный момент, оказывающий влияние на его ход и результаты. И, тем не менее, вся многовековая историографическая практика неопровержимо свидетельствует о возможности объективно-истинного познания прошлого средствами исторической науки¹⁴. Наукой историю делает синтез - именно в сфере исторического синтеза и выражается природа истории как науки¹⁵. Таким образом, именно научный синтез (а не механическое сцепление в одном исследовании разных методологий), по мнению Бориса Георгиевича, позволяют осознать закономерный характер исторического развития. Следующей методологической проблемой, которая волнует его на протяжении всей жизни, и которой он и его ученики (Л.Н. Хмылев, А.Н. Нечухрин, С.П. Рамазанов и др.) посвятили целую серию работ историографического и методологического характера - проблема кризиса отечественной исторической науки конца XIX-начала XX вв.¹⁶.

Б.Г.Могильницкий, проанализировав предкризисную ситуацию того периода и новые теоретические поиски русских учёных в исторической науке, один из первых преодолел негативное отношение к теоретическим концепциям Д.М. Петрушевского, Р.Ю. Виппера, Н.И. Кареева, А.С. Лаппо-Данилевского и других историков, в работах которых в той или иной мере выдвигались или подчёркивались новые идеи, ориентированные на пересмотр кардинальных постулатов прежней теории и методологии истории и пришёл к выводу, что именно это стимулировало переход исторической науки на новый, более высокий уровень развития. Такое понимание сущности методологического кризиса в русской исторической науке Б.Г. Могильницким и представителями Томской историографической школы было новаторским, но не всеми историками разделяемыми. Автор статьи воспринял и поддерживает главную идею концепции, что теоретико-методологический кризис конца XIX - начала XX вв. был общим явлением для всех национальных историографий как внутренне необходимый и, вместе с тем, своеобразный этап развития, что требует специального исследования параметров влияния кризиса на определение позиции того или иного методологического течения в исторической мысли определенного периода¹⁷.

Накопленный опыт познания сущности научных революций в исторической науке, позволяет расширять и обновлять Б.Г. Могильницкому, его ученикам и последователям спектр постановок и решений актуальных теоретико-методологических проблем исторической науки¹⁸.

Одна из них, которая (на мой взгляд) сейчас более всего вызывает методологические размышления у Бориса Георгиевича Могильницкого - это вопрос о «пользе» и «вреде» истории. Зная его удивительное умение чувствовать сопричастность прошлому и ответственность за будущее, можно не сомневаться в оптимистических позициях Могильницкого - ученого, верного своим принципам, учителя, сохраняющего традиции его учителей, современника, открытого для нового: «Залогом оптимизма ... является

приобретённый в целом историографический опыт. Он служит противовесом как против безудержного оптимизма, так и унылого скепсиса в отношении возможности историка увидеть и показать «живое лицо» истории¹⁹..... Именно здесь уместен присущий историку язык долгого времени, использование которого способно оказать стойкое влияние на формирование общественного сознания»²⁰.

Примечания

1. Данилов А.И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX - начала XX вв. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1958. С.7.
2. Могильницкий Б.Г. К вопросу об идейно-методологических основах научных работ Д.М. Петрушевского // Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Т. 136. Серия социально-экономическая. Томск, 1957; К вопросу об идейно-методологических взглядах А.Н. Савина // Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева. Доклады научной конференции, посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1957. Вып. 1.
3. Могильницкий Б.Г. Д.М. Петрушевский как историк западноевропейского феодализма. Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1958; Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики сер. 70-х гг. XIX в. - начала 900-х гг. Дисс. на соискание ученой степени докт. ист. наук. Томск, 1967
4. Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х гг. XIX в - начала 900-х гг. Томск, 1969.
5. Могильницкий Б.Г. Объективность и партийность в историческом исследовании // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 2. Томск, 1964; Могильницкий Б.Г. Объективность исторического познания и современность// Там же. Вып. 5. Томск, 1967; Могильницкий Б.Г. Принцип партийности в историческом познании // Там же. Вып. 10. Томск, 1974; Могильницкий Б.Г. О содержании понятия «методология истории» // Там же. Вып. 11. Томск, 1976; Могильницкий Б.Г. К вопросу о понимании истории в современной буржуазной литературе // Там же. Вып. 12. Томск, 1977.
6. См., например, :Иванов Г.М. Рец. на кн: Могильницкий Б.Г. О природе исторического познания. Томск, 1978 // Вопросы истории. 1981. № 10. С.131-133.
7. Жуков Е.М. Основы методологии истории. М, 1980. С.243.
8. Могильницкий Б.Г. О природе исторического познания. Томск, 1978. С.187.
9. Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М.: Высшая школа, 1989.
10. Могильницкий Б.Г. Историческая альтернативность: методологический аспект // Новая и новейшая история. 1990. № 3; Могильницкий Б.Г. Историческое познание и историческая теория // Новая и новейшая история. 1991. № 6; Могильницкий Б.Г. Историко-методологические исследования в Томском университете (1950-1900 гг.) // Методологические концепции и школы в СССР. Новосибирск, 1992; Могильницкий Б.Г.

Некоторые итоги и перспективы методологических исследований в отечественной историографии // Новая и новейшая история. 1993. № 3; Могильницкий Б.Г. Об исторической закономерности как предмете исторической науки // Новая и новейшая история. 1997. № 2; Могильницкий Б.Г. О пользе истории // Историческая наука и историческое сознание. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000. С.3-33; Могильницкий Б.Г. Методология истории в системе университетского образования // Новая и новейшая история. 2003. № 6; Могильницкий Б.Г. История на переломе: некоторые тенденции развития современной исторической мысли // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований. М., 2004. С .5-22; Могильницкий Б.Г., Николаева И.Ю. История, Память, Мифы // Новая и новейшая история. 2007. № 2. С .116-126; Могильницкий Б.Г. у истоков Томской историографической школы. А.И. Данилов и проблема преемственности в отечественной историко-теоретической мысли XX века // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 28. Томск: Изд-во ТГУ, 2007. С.5-25.

11. Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории». М., 1989. С.4.

12. Там же.

13. Могильницкий Б.Г. Об исторической закономерности как предмете исторической науки // Новая и новейшая история. 1997. № 2.

14. Могильницкий Б.Г. О природе исторического познания. Томск, 1978. С .232-234.

15. Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы /Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. Томск, 2002

16. Могильницкий Б.Г. О методе русской либеральной медиевистики // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1967. Был. 5; Могильницкий Б.Г. Понятие кризиса исторической науки // Исторический ежегодник. Омск, 2001. С .11-16; Хмылев Л.Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX - начала XX в. Томск, 1978; Нечухрин А.Н. Проблема кризиса исторической науки конца XIX - начала XX вв. в творчестве русских либеральных историков // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1984; Нечухрин А.Н. Смена парадигм в русской историографии всеобщей истории (90-е гг. XIX в. - 1917 г.). Гродно, 1992; Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX века. В 2 ч. Ч. 1. Волгоград , 1999.

17. Синицын О.В. Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX - начале XX вв. Казань, 1998.

18. Историческая наука и историческое сознание / Б.Г. Могильницкий, И.Ю. Николаева, С.Г. Ким, В. Мучник, М.В. Карначук. Томск, 2000; Могильницкий Б.Г., Николаева И.Ю. История. Память. Мифы // Новая и новейшая история. 2007. № 2.

19. Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / Под ред. Б.Г. Могильницкого. С.9.

20. Историческая наука и историческое сознание / Б.Г. Могильницкий, др. Томск, 2000. С.30.

Иванов Владимир Васильевич

Владимир Васильевич Иванов как методолог¹³

В статье характеризуется научная деятельность известного казанского ученого – профессора В.В. Иванова, крупного специалиста в области теоретико-методологических проблем исторической науки, труды которого известны в ученых кругах историков и социологов России и зарубежных стран. В 1970 – 80-х гг. В.В. Иванов работал в Казанском государственном педагогическом институте профессором кафедры истории СССР, которой заведовал в 1985 – 1987 гг.

Ключевые слова: методология истории, историография, историзм, объективность, соотношение истории и современности, историческая социология, концепция и метод, методика исследования.

Среди учеников выдающегося советского историка-медиевиста, историографа, теоретика, незаурядного организатора образования и науки Александра Ивановича Данилова В.В. Иванов (1939 – 2004) занимает свое достойное место. Он, будучи родом из крещеных татар Алексеевского района Татарстана, в 32 года стал доктором исторических наук, профессором, в 1960 – 80-х годах получил признание как крупный специалист в области методологии истории и историографии, являлся, по праву, видным советским методологом истории и историографии. В последующий период он успешно занимался исторической социологией, был избран членом корреспондентом Академии наук Республики Татарстан.

---

¹³ Статья посвящена научному руководителю автора статьи по его кандидатской диссертации «Соотношение истории и теории в русской неокантианской историографии периода империализма» (1983 г.), опубликована в 2012 г. в журнале «Филология и культура»: *Синицын О.В. Владимир Васильевич Иванов как методолог // Филология и культура. Philology and Culture. – 2012. – С.282-286.*

Как и некоторые студенты Казанского университета (В.А. Гавриличев, Н.И. Смоленский, И.И. Шарифжанов, Г.К. Садретдинов), занимавшиеся в семинаре А.И. Данилова, являвшегося в то время заведующим кафедрой всеобщей истории КГУ, В.В. Иванов затем продолжил обучение в Томском университете, ректором которого в 1961 году был назначен А.И. Данилов. Здесь В.В. Иванов прошел обучение в аспирантуре и начал преподавательскую работу на историческом факультете в должности старшего преподавателя. Научные исследования В.В. Иванова непосредственно связаны с развертыванием А.И. Даниловым в Томском университете и в целом в стране историографических исследований методологического характера, объединенных вокруг комплексной темы, которую его ученики называют «Научным историзмом XIX – XX вв.» [1: 9]. Для молодого учёного был определен новый аспект традиционно актуальной для советской историографии ленинской проблематики – историзм в произведениях В.И.Ленина конца XIX– начала XX в. Успех и признание начинающего методолога пришли достаточно быстро. Одна за другой выходят его публикации в различных изданиях и в первую очередь в вышедшем в Томском университете периодическом сборнике статей (под ред. А.И. Данилова) «Методологические и историографические вопросы исторической науки» [2].

В 1966 году В.В. Иванов успешно защищает в Томском университете кандидатскую диссертацию «Принцип историзма в ленинской критике либерального народничества (по произведениям 90-х годов)» [3]. Авторский подход к теме формировался на том положении, что «теоретические обобщения В.И. Ленина всегда основывались на детальном изучении самой истории, истории прошлого и настоящего» [3: 2], исходя из этого «историзм в области общественных наук В.И. Ленин считал необходимым условием объективно-исторического познания. Для того чтобы историческая наука могла выполнять свою социальную функцию, заключающуюся в воссоздании многообразной картины действительности, недостаточно лишь одного

непосредственного обращения к современной действительности, так как последняя сама есть результат исторического развития, воплощающий в себе разносторонние, сложные связи прошлого с настоящим, настоящего с будущим. Социальная жизнь всегда находится в процессе постоянного изменения, развития, очень противоречивого и сложного в своей сущности. Поэтому для её научного познания необходим такой подход к явлениям, событиям, который отразил бы их общие и специфические черты, их количественное и качественное своеобразие, то есть сущность явлений, что невозможно без конкретно-исторического анализа изучаемого предмета. Это требование и воплощает в себе принцип историзма» [3: 6 – 7]. Научная новизна кандидатского сочинения В.В. Иванова заключается в том, что долгое время в советской историографии проблема народничества освещалась односторонне, игнорировались демократические черты этого общественного движения, что противоречит принципу историзма и ленинскому пониманию вопроса. Как справедливо замечал В.В. Иванов, В.И. Ленин к оценке народнической идеологии требовал строго исторического подхода. В его диссертации на основе методологического анализа ленинских произведений начала и середины 90-х годов («Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», «По поводу так называемого вопроса о рынках», «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» и др.) была предпринята успешная попытка показать роль материалистического понимания социальной жизни для научного историзма. Выводы и положения исследований В.В. Иванова о ленинском историзме оказались в центре внимания советской историографии, особенно в связи со 100-летием со дня рождения В.И. Ленина. В этот период ленинские методологические идеи по проблемам истории стали освещаться в коллективных трудах, монографиях, в статьях на страницах журналов и специальных сборников, в кандидатских и докторских диссертациях [4]. Их избирали темами различных научных конференций, теоретических

семинаров, неизменным участником которых был В.В. Иванов. Анализ структуры и методологических функций принципа историзма определил направление дальнейших научных исследований Владимира Васильевича Иванова. Темой докторской диссертации была определена проблема соотношения истории и современности в исторических исследованиях. В отечественной и мировой историографии эта проблема всегда была актуальной. Разработка её методологического аспекта была новаторской для советской исторической науки, заостренной как раз в трудах А.И. Данилова. В диалектическом единстве истории и современности заложены две стороны проблемы: во-первых, современность есть развивающаяся историческая действительность (тоже история), во-вторых, изучение прошлого с позиций современности позволяет получить более полное знание о прошлом. В.В. Иванов продолжил развитие своего авторского видения этой проблемы через изучение методологического фундамента ленинской концепции истории. При этом значительно расширив круг историографических источников, он стремился, не ограничиваясь характеристикой взглядов В.И. Ленина на те или иные вопросы истории и современности, показать его методологию в действии, в её отношении к методике. Это также была одна из ключевых идей историографическо-методологической школы А.И. Данилова.

Работа В.В. Иванова над докторской диссертацией шла очень успешно. В 1970 году вышла из печати его монография «В.И. Ленин о некоторых вопросах соотношения истории и современности» [5], в журнале «Вопросы истории» была напечатана его концептуальная статья по этой теме [6]. В 1971 году В.В. Иванов в Москве успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук [7], а через два года, переработав и дополнив ее, опубликовал в издательстве «Наука» фундаментальную монографию «Соотношение истории и современности как методологическая проблема (Очерки по марксистско-ленинской методологии исторического исследования)» [8], которая получила положительные отзывы в советской и зарубежной историографии.

Все эти работы в своей совокупности принесли В.В. Иванову быстрое и широкомасштабное признание среди научной общественности в стране и за рубежом. Видимо, данное обстоятельство обусловило стремительную партийно-государственную карьеру В.В. Иванова. В 1971 году он был назначен заведующим отделом науки и учебных заведений Татарского обкома КПСС и проработал на этом посту до 1976 года. Эта должность была в то время главенствующей в области руководства наукой и образованием в ТАССР, что, безусловно, способствовало росту авторитета молодого партруководителя и ученого. В период с 1976 по 1980 год он работал министром просвещения Татарской АССР. В это время его научный руководитель Александр Иванович Данилов был министром просвещения РСФСР, что уже говорит само за себя. Впоследствии В.В. Иванов – профессор и заведующий кафедрами ведущих вузов России и Татарстана: Казанского государственного университета, Казанского государственного педагогического института и Казанского государственного финансово-экономического института. Высокие партийные, государственные и педагогические должности не приостановили активную научно-исследовательскую деятельность В.В. Иванова. Неизменной осталась и методологическая проблематика его многочисленных исследований и публикаций.

Во второй половине 1970-х – первой половине 80-х гг. выходит серия монографий и учебных пособий В.В. Иванова: «Ленинский историзм: методология и методика исследования», «Историзм в ленинской методологии научного исследования», «Ленинская концепция истории: методология и методика исследования», «Методология исторической науки» [9]. В последних двух работах В.В. Иванов во многом подвел итог своих методологических исследований и публикаций 1960-80-х годов. Наиболее существенные положения авторской концепции, на наш взгляд, заключаются в следующем.

1. Систематическая разработка методологии истории позволяет интегрировать воедино различные аспекты соотношения прошлого, настоящего и будущего в общественном процессе и его познании. В ее содержание входят вопросы о предмете и социальных функциях исторической науки, о соотношении общественного и естественнонаучного познания, о теоретических принципах и методах исследования исторического опыта, о соотношении методологии и методики с точки зрения творческой лаборатории историка, выделение при этом специально-исторических и междисциплинарных методов. Эти вопросы не могут быть в полной мере решены без изучения истории исторической науки, без методологического обобщения знаний об историческом источнике и историческом факте.

2. Содействуя социальному прогрессу, история всегда получала от общества определенные импульсы для своего собственного развития. Историк получает от общества не только своего рода заказ на изучение прошлого и настоящего, но и соответствующий эпохе познавательный арсенал. Если развитие современности немислимо без исторического знания, то и историческое знание не может не испытывать влияния современности во всех аспектах ее развития – от политических, теоретических идей до технических средств сохранения и передачи информации.

3. Теория может быть воплощена в историческом труде только при условии ее неразрывной связи с познанием объективной реальности, с точно исследованным конкретным материалом. История опирается прежде всего на строго установленные факты объективной действительности. В свете научного, теоретического анализа в этих фактах вскрывается их внутренняя взаимосвязь и взаимообусловленность. Доказательность выводов есть специфическая черта научного познания.

4. В этой связи необходимо особо подчеркнуть значение источника и факта в историческом исследовании. Историческая наука должна, опираясь

на развитую методику исследования материалов, найти в источниках отражение объективной исторической действительности.

5. Прогресс исторической науки может быть достигнут лишь на пути развития и совершенствования тех методов исторического познания, которые созданы исторической наукой в прошлом и проверены общественной практикой. Вместе с тем историческая наука призвана воспринимать все новое и современное в методах познания, но она их интегрирует для обогащения и развития своего собственного метода, оставаясь при этом специфической формой общественного познания. Так она может сохранить свое огромное значение в современной науке.

6. Историческое познание соответственно своему объекту всегда находится в динамике. С другой стороны, исторический процесс никогда не является простым воспроизведением уже существовавшего состояния. Все это предопределяет необходимость конкретизации, обогащения от действительности, что имеет важнейшее теоретическое и практическое значение. И здесь ярко проявляется методологическая роль принципа историзма, нацеленного на выяснение реальной динамики исторического процесса, единства прошлого, настоящего и будущего. Этому учит ленинский историзм, ленинская методология общественно-исторического познания.

7. Методологическое исследование трудов В.И. Ленина показывает, что он всегда стоял на магистральной линии развития общественной науки. Несомненно, их достоинство заключается в теоретическом анализе социальных явлений: для такого анализа надо было обладать тонким вниманием к реально развивающейся действительности и трудолюбием исследователя. Многие рассматриваемые в трудах В.В. Иванова вопросы и проблемы, в том числе перечисленные выше, актуальны и в наше время, так как они связаны с важнейшими предпосылками повышения теоретического уровня исторических исследований: соотношение концепции и метода,

расширение источниковой, фактической основы исследований, совершенствование методологии и методики историографического анализа.

В 1990-е годы В.В. Иванов сосредоточил свои исследования на новой для себя проблеме – методологических вопросах исторической социологии. Если в зарубежном науковедении имелись значительные традиции в разработке данной отрасли науки, то в отечественном – наблюдалась ее слабая разработанность. В.В. Иванов исходил из идеи единства исторических и социологических методологических проблем. В 1991 году в издательстве Казанского университета вышла его новая книга «Методологические проблемы исторического познания. Учебное пособие по исторической социологии» [10]. Автор отмечал в предисловии, что «книга представляет собой спецкурс и является продолжением ранее вышедшего издания» – «Методологии исторической науки» [10: 4]. «Теперь, бесспорно, – продолжал В.В. Иванов, – на повестку дня встают историко-социологические исследования» [10: 5]. В данной работе рассмотрены особенности исторического познания, соотношение истории, социологии, статистики, освещено место социологии в разных сферах общества, предпринята попытка систематизировать социальные функции науки. Продолжая и развивая свои методологические подходы к научному познанию, В.В. Иванов особое внимание уделил таким вопросам, как предметная область исторической социологии, принципы и категории специально-научной методологии, методические вопросы историко-социологического анализа.

Подводя общий итог рассмотрения всех этих вопросов, В.В.Иванов сделал заключение: «Находясь на стыке двух наук, историческая социология сохраняет тесные связи со всеми отраслями общественного познания и по сути является междисциплинарной его областью. Разумеется, речь не идет о конструировании «новой» исторической социологии, она объективно существует давно; в данном случае речь идет о расширении и обогащении ее познавательного инструментария для обществоведения... Методологию

недостаточно просто знать и зазубрить, а надо ею владеть. Вот в чем заключаются методологические критерии изучения социологии вообще, исторической социологии в частности» [10: 7, 141].

Многочисленные исследования В.В. Иванова по своему содержанию обращали внимание современников на необходимость учиться лучшему опыту научной методологии и применению ее в конкретно историческом исследовании. Сам он стремился привить эти качества своим ученикам. В начале 1970-х годов по его инициативе на кафедре истории СССР Казанского государственного педагогического института была возобновлена подготовка лучших выпускников к научно-исследовательской и преподавательской работе через очную аспирантуру. Все ученики, прошедшие через аспирантуру В.В. Иванова (в том числе и автор этой статьи), защитили в 1970-1980-е гг. кандидатские диссертации по различным методологическим проблемам по специальности «историография, источниковедение и методы исторического исследования» [11]. Нам представляется, что все они лично вносят свой вклад в развитие научно-педагогического и образовательно-организаторского процесса в Республике Татарстан и в Казани во второй четверти XX – первого десятилетия XXI вв. и что каждый из них, в первую очередь, – методолог.

Примечания:

1. Шарифжанов И.И. Александр Иванович Данилов. 1916-1980. Казань: Казань, 2002. 20 с.
2. См.: Иванов В.В. Принцип историзма в ленинской критике либерального народничества и «легального» марксизма // Методологические и историографические вопросы исторической науки. – Томск: Томск. гос. ун-т, 1965. – Вып. 3. – С. 3 – 19; Иванов В.В. К вопросу о принципе историзма в ленинской методологии научного исследования // Тр. Томск. гос. ун-та. – Томск: Томск. гос. ун-т, 1965. – С. 43 – 52; Иванов В.В. О ленинском понимании принципа историзма // Методологические и историографические вопросы исторической науки. – Томск: Томск. гос. ун-т, 1966. – Вып. 4. – С.3 – 20; Иванов В.В. Методологические вопросы истории // Вопр. истории. 1966. – № 1. – С. 5 – 12; Иванов В.В. История и современность в произведениях В.И.Ленина 1905–1907 гг. // Методологические и историографические вопросы исторической науки. – Томск: Томск. гос. ун-т, 1967. – Вып. 5. – С. 3 – 21.
3. Иванов В.В. Принцип историзма в ленинской критике либерального народничества (по произведениям 90-х годов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1966. – 22 с.

4. См.: Игнатенко Т.А., Тарасова С.С. Проблемы истории в трудах В.И.Ленина: Материалы к указателю советской исторической литературы о В.И. Ленине как историке. – М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1969. – 162 с.; Гокунь А.А. Советская обществоведческая литература о ленинском принципе историзма (1920-1970-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Куйбышев, 1984. – 225 с.
5. Иванов В.В. В.И.Ленин о некоторых вопросах соотношения истории и современности. – Томск: Томск. гос. ун-т, 1970. – 112 с.
6. Иванов В.В. В.И.Ленин о соотношении истории и современности // Вопр. истории. 1970. – № 4. – С. 3 – 19.
7. Иванов В.В. Проблема соотношения истории и современности в марксистско-ленинской методологии исторического исследования: автореф. дис. д-ра ист. наук. – М., 1971. – 40 с.
8. Иванов В.В. Соотношение истории и современности как методологическая проблема (Очерки по марксистско-ленинской методологии исторического исследования). – М.: Наука, 1973. – 287 с.
9. См.: Иванов В.В. Ленинский историзм: методология и методика исследования. Материалы спецкурса по всеобщей истории. – Казань: Казан. гос. ун-т, 1976. – 208 с.; Иванов В.В. Историзм в ленинской методологии научного исследования. – М.: Мысль, 1982. – 240 с.; Иванов В.В. Ленинская концепция истории: методология и методика исторического исследования. – Казань: Казан. гос. ун-т, 1985; Иванов В.В. Методология исторической науки: учеб. пособ. для студ. вузов, обучающихся по специальности «История». – М.: Высш. шк., 1985. – 168 с.
10. Иванов В.В. Методологические проблемы исторического познания. Учебное пособие по исторической социологии. – Казань: Казан.гос. ун-т, 1991. – 151 с.
11. См.: Филатов А.Н. Методологические аспекты концепции «культурно-исторических типов» Н.Я. Данилевского: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1979. – 20 с.; Кулапин А.П. Историкометодологические аспекты ленинского учения о государственно-монополистическом капитализме: автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Казань, 1980. – 25 с.; Пискарев В.И. Ведущая роль рабочего класса в совершенствовании советского социалистического образа жизни: методологический, историографический аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1982. – 16 с.; Мустафина Г.М. Исторические взгляды вульгарных экономистов (методологический аспект): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1989. – 20 с.; Сеницын О.В. Соотношение истории и теории в русской буржуазной неокантианской историографии периода империализма: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1983. – 21 с.

Шарифжанов Измаил Ибрагимович

Об учителе и ученом¹⁴

В плеяде заслуженных профессоров Казанского университета имя Измаила Ибрагимовича Шарифжанова занимает достойное место: историк-профессионал, известный в нашей стране и за рубежом как крупный специалист по зарубежной, в первую очередь, английской историографии и методологии истории XX в., член Международной комиссии по истории парламента и представительных учреждений (Лондон), участник XIX Международного конгресса исторических наук в Осло (2000 г.), член Комиссии ЮНЕСКО по школьным учебникам (Брауншвейг, Германия), Комиссии историков России и Польши (РАН и ПАН), прекрасный организатор (как зав.кафедрой) научных исследований, научных конференций международного, всероссийского уровня и университетского преподавания новой и новейшей истории зарубежных стран.

Как ученика выдающегося ученого Александра Ивановича Данилова, И.И.Шарифжанова отличает бережное отношение к научным традициям казанской и томской школ историков, он умеет заставить эффективно работать историографический и теоретико-методологический компонент во всех своих исследованиях и качественно учит этому других.

---

¹⁴ Статья опубликована в сборнике научных статей к 70-летию со дня рождения профессора И.И. Шарифжанова: *Синицын О.В. Об учителе и ученом // Британская ойкумена российской новистики: к 70-летию со дня рождения профессора И.И. Шарифжанова / Отв. ред. О.В. Бодров. - Казань, 2010. - С.80-83.*

Мне посчастливилось стать учеником Измаила Ибрагимовича в области научно-исследовательской работы. Хотя официальным руководителем моей кандидатской диссертации был профессор Владимир Васильевич Иванов (также ученик А.И.Данилова), настоящим руководителем, особенно на заключительном, решающем этапе обучения в аспирантуре я считаю И.И. Шарифжанова.

Памятным и значимым в этой связи является 1982 год. Тогда по предложению И.И.Шарифжанова мы вместе приняли участие в традиционной тогда Всесоюзной научной конференции в Томском университете «Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения». По дороге в Томск Измаил Ибрагимович познакомил меня с известным и авторитетным казанским антиковедом профессором, зав. кафедрой всеобщей истории КГУ Аркадием Семеновичем Шофманом. В его компании двое суток пути пролетели незаметно. Великолепный рассказчик Аркадий Семенович привлекал к себе всеобщее внимание яркими воспоминаниями, интересными мыслями, искрометными анекдотами. Совместное путешествие, участие в работе конференции позволили мне на последующие годы сохранить атмосферу доброго общения с этим незаурядным ученым и очень интересным человеком. Томск для Измаила Ибрагимовича является городом хорошо знакомым по годам обучения в аспирантуре и поэтому оставался для него дорогим и близким. В свободное от конференции время мы гуляли по улицам этого красивого города, Измаил Ибрагимович показывал памятные места Томска, рассказывал о его богатой истории, особенностях характера, менталитета его жителей. Я обратил в этой связи внимание на то, что Томск похож на Казань. Сразу же бросалось в глаза, что это город ученых, студентов, город уникальной архитектуры и восточной культуры. В ходе работы научной конференции Измаил Ибрагимович познакомил меня с известными учеными, которые затем сыграли очень важную роль в моем становлении как исследователя теоретико-методологических проблем исторической науки. Во-первых, это

была первая моя встреча и знакомство с Борисом Георгиевичем Могильницким, который в то время стал руководителем томской историографической, методологической школы. С большой благодарностью вспоминаю его положительный, но вместе с тем критический внешний отзыв на мою кандидатскую диссертацию и автореферат докторской. Во-вторых, судьбоносным для меня стало знакомство с Владимиром Ароновичем Дунаевским, известнейшим историком, заместителем Председателя научного совета Института истории АН СССР (академика М.В. Нечкиной) по истории исторической науки. В.А. Дунаевский буквально через год выступил первым официальным оппонентом на защите моей кандидатской диссертации, а затем наши взаимоотношения стали постоянными, теплыми, дружескими. Каждый раз, когда я бывал в Москве, непременно бывал в гостях у Владимира Ароновича Дунаевского и его прекрасной супруги, также видного историка Елены Викторовны Чистяковой. Эти встречи были очень содержательны по характеру и какими-то домашними по духу и поэтому незабываемы. Также в Томске на этой конференции Измаил Ибрагимович познакомил меня с известными специалистами по русской историографии конца XIX – начала XX века Л.Н. Хмылевым, В.Т. Зоновым, А.Н. Нечухриным, С.П. Рамазановым. Последний также оппонировал мою кандидатскую диссертацию.

Пишу об этой конференции так подробно, потому что после неё И.И.Шаифжанов становится для меня наставником во всей жизни и конечно учителем в научно-исследовательской деятельности. Учиться у Измаила Ибрагимовича можно очень многому – высочайшей интеллигентности, энциклопедичности знаний, безупречной грамотности его трудов, человечности, внимательности к окружающим, честности и открытости, ораторскому мастерству, трудолюбию, объективности, оптимизму, коммуникабельности, улыбочивости, быть прекрасным семьянином и т.д. и т.д. В этой связи не могу не вспомнить и его замечательную, заботливую,

обаятельную и очень внимательную супругу Ольгу Николаевну, также моего учителя (по философии), когда я был студентом 2 курса истфилфака КГПИ.

В октябре 1996 года я обратился к Измаилу Ибрагимовичу с просьбой стать консультантом по докторской диссертации. Получив мгновенную поддержку, я смог перейти на 2 года на должность старшего научного сотрудника и целенаправленно работать над диссертацией. Внимательное и товарищеское отношение ко мне научного руководителя помогало ежедневно, в том числе стерпеть и боль потери в январе 1997 г. самого дорого человека – Мамы. Измаил Ибрагимович является требовательным руководителем и каждый раз представляя рукопись разделов диссертации, я получал от него конструктивные, но жесткие замечания и пожелания. Здесь необходимо сказать и о кафедре, которую возглавлял И.И. Шарифжанов. Кафедра новой и новейшей истории зарубежных стран Казанского университета приняла меня как члена своего коллектива. Это чувствовалось постоянно и продолжается до сих пор. Замечания и пожелания, редакторские и стилистические поправки проф. Н.А. Бурмистрова, Я.Я. Гришина, доц. В.С.Королева, Р.Н.Имангалеева и др. способствовали улучшению структуры, концептуальной составляющей содержания работы. Всё это помогло вовремя завершить написание докторской диссертации и успешно ее защитить в апреле 2000 года. Очень важную роль сыграло приглашение Измаилом Ибрагимовичем в качестве оппонента видного московского историка, выпускника КГУ и также ученика А.И.Данилова, крупного специалиста по немецкой историографии, теории и методологии истории Николая Ивановича Смоленского.

Как ученый Измаил Ибрагимович широко известен своими многочисленными монографиями, глубокими теоретическими статьями, яркими выступлениями на международных, Всесоюзных, Всероссийских научных конференциях в нашей стране и за рубежом. Свободное владение английским языком позволяет И.И. Шарифжанову живо общаться с

иностранными коллегами, регулярно знакомиться с их работами на языке оригинала, поэтому все его публикации современны, актуальны, полемичны, но вместе с тем корректны. Под влиянием Измаила Ибрагимовича я и сам занялся современной англо-американской историографией и при его помощи и поддержке написал и опубликовал ряд статей о тенденциях и направлениях теории истории в новейшей зарубежной историографии.

Еще одним важным направлением научной деятельности И.И. Шарифжанова как главного редактора стала подготовка и издание сборника научных статей «CLIO MODERNA». Зарубежная история и историография», на страницах которого с 1999 г. в течение 10 лет публикуются работы по самому широкому кругу вопросов, касающихся европейской и американской истории, стран Востока Ю историографии и источниковедения, теории и методологии истории, при этом важное место занимают публикации трудов зарубежных учёных в переводах И.И. Шарифжанова. Этот сборник успешно дополняет подобные и уже признанные в стране сериалы, издаваемые в Москве, Санкт-Петербурге, Томске, Самаре, Саратове и других университетских центрах.

В своей научной и педагогической работе я всегда стараюсь быть похожим на Измаила Ибрагимовича, воспитывать в себе те черты исследователя и руководителя, которые присущи ему: целеустремленность, точность, аккуратность, добросовестность, умение всё доводить до логического завершения.

В Измаиле Ибрагимовиче меня не перестает восхищать терпение и мудрость, щедрость и широта души, способность радоваться и огорчаться успехам и неудачам учеников, коллег, друзей.

Гавриличев Валентин Андреевич

Гавриличев Валентин Андреевич (1935-1989)

как историограф и методолог¹⁵

Аннотация: в статье характеризуется научно-педагогическая деятельность видного отечественного историка, кандидата исторических наук, доцента В.А. Гавриличева, выпускника исторического факультета Казанского государственного университета, преподававшего в различных высших учебных заведениях Казани, Томска, Йошкар-Олы, Донецка, Иваново, известного в свое время специалиста по историографии Великой французской революции, методологическим вопросам исторической науки.

Ключевые слова: история, историография, методология, университет, учитель, кафедра, научная школа, исследования, Россия, Германия, Франция.

Gavrilichev Valentin Andreevich (1935-1989) as a historiographer and methodologist

Abstract: the article describes the scientific and pedagogical activity of a prominent Russian historian, candidate of historical sciences, associate professor V.A. Gavrilichev, a graduate of the history department of Kazan State University, who taught at various higher educational institutions of Kazan, Tomsk, Yoshkar-Ola, Donetsk, Ivanovo, was a well-known specialist in historiography of the Great French Revolution and methodological issues of historical science.

---

¹⁵ Статья опубликована в материалах сборника статей и сообщений Международного научного форума, посвященного 75-летию кафедры всеобщей истории Казанского университета: Синуцын О.В. Валентин Андреевич Гавриличев как историограф и методолог // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сборник статей и сообщений: В 2 т. Т. 2 / сост. и отв. ред. Г.П. Мяжков, Е.А. Чиглинцев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. – С.35-38.

Keywords: history, historiography, methodology, university, teacher, department, scientific school, research, Russia, Germany, France.

Валентин Андреевич Гавриличев принадлежал к числу одного из представителей томской историографической школы видного советского историка, крупного ученого, талантливого организатора науки и образования Александра Ивановича Данилова. Оценка научного наследия В.А. Гавриличева содержится в рецензии В.В. Гусева на библиографический указатель «Великая Французская буржуазная революция конца XVIII века в советской историографии. (1917-1960 гг.) [11], в статье И.Я. Биска и И.И. Шарифжанова «История Франции нового и новейшего времени в трудах казанских ученых» [2], и в статье А.С. Хуморова «Историографический аспект в трудах В.А. Гавриличева» [12].

В.А. Гавриличев, по национальности русский, родился 27 декабря 1935 года в городе Коканд Ферганской области Узбекской ССР в семье рабочего-механика. В школе увлекался историей, что и определило его профессию. В 1953-1958 гг. учился на историко-филологическом факультете Казанского университета по специальности и с т о р и я, занимался новой историей стран Запада под руководством доцента Василия Ивановича Адо. По окончании университета решением Государственной экзаменационной комиссии под председательством Е.И. Устюжанина 26 июня 1958 г. ему была присвоена квалификация историк-учитель истории средней школы [1, л.7]. Трудовую деятельность В.А. Гавриличев начал в августе 1958 г. учителем истории средней школы № 9 им. Н.К. Крупской в г. Коканд Узбекской ССР, с декабря 1959 г. до августа 1961 г. работал литературным сотрудником редакций газет «Акмолинская правда» и «Целинный край» в г. Целиноград Казахской ССР. Для дальнейшего жизненного и творческого пути «решающее значение, - как писал в своей автобиографии Валентин Андреевич, - имела учёба в очной аспирантуре в 1961-1964 гг. Томского государственного университета по специализации «историография всеобщей истории» [1, л.6]. А.И. Данилов, заведующий кафедрой всеобщей истории

Казанского государственного университета в 1961 г. был назначен ректором Томского университета и вместе с научным руководителем в Томск приехали некоторые казанские студенты и аспиранты, в том числе и В.А. Гавриличев. Здесь и началась активная научная и педагогическая деятельность молодого ученого и преподавателя.

Первая научная публикация В.А. Гавриличева вышла в 1961 году, когда Казанский государственный университет издал его работу «Великая Французская буржуазная революция конца XVIII века в советской историографии. (1917-1960 гг.): Библиографический указатель»[3]. Подготовлена она была еще в студенческие годы и инициировал ее издание, несомненно, его научный руководитель В.И. Адо, который, как известно, и рекомендовал А.И. Данилову выпускника В.А. Гавриличева в аспирантуру. В Томске Валентин Андреевич продолжил разрабатывать тему Великой французской революции, но с ориентацией на зарубежную историографию. Поскольку аспирант владел немецким языком А.И. Данилов предложил ему заняться немецкой историографией XIX века. Работа над кандидатской диссертацией шла у В.А. Гавриличева успешно и в 1963 году в первом выпуске признанного официального печатного органа томской историографической школы А.И. Данилова «Методологические и историографические вопросы исторической науки» вышла его статья «Теоретико-методологические основы исторических исследований Генриха фон Зибеля» [4]. В этом же 1963 году в журнале «Вопросы истории» вышла рецензия на упомянутый изданный библиографический указатель В.А. Гавриличева. Несмотря на ряд замечаний, рецензент В.В. Гусев высоко оценил эту публикацию: «То обстоятельство, что он включает 1792 названия, делает его особенно ценным. В то же время по указателю можно судить не только о становлении и развитии проблематики, связанной с историей французской буржуазной революции, но и о тех пробелах в ее изучении, которые обнаруживаются в советской исторической науке наших дней» [11, с. 130]. В основу расположения материала составитель положил

тематический принцип. Внутри каждого раздела литература распределена по трем группам: 1. Произведения классиков марксизма-ленинизма. 2. Источники. 3. Исторические исследования и научно-популярные работы. В пределах каждой рубрики избрана хронологическая последовательность выхода работ в свет, что дает возможность проследить историю изучения вопроса. К книге приложен алфавитный указатель авторов и редакторов учтенных в указателе изданий. В библиографии отражены книги, журнальные статьи, авторефераты диссертаций, тезисы докладов и (правда, не во всех случаях) главы из книг, посвященные различным вопросам истории французской буржуазной революции, а также рецензии (они описаны вместе с рецензируемыми произведениями). Эта публикация В.А. Гавриличева по мнению специалиста в, значительной степени восполняет тот пробел в исторической библиографии, который имел место в библиографическом обзоре советской литературы по истории французской революции конца XVIII в., составленном Ф. Инглези и Ф. Козловым ("Историк-марксист", 1940, NN 4 - 5, 6) и в библиографии к фундаментальному коллективному труду "Французская буржуазная революция 1789 - 1794 гг.". (М. -Л. 1941).

В 1964 году во втором выпуске «Методологических и историографических вопросов исторической науки» вышла статья аспиранта В.А. Гавриличева «Великая французская революция в освещении малогерманской школы историков (50-60-е гг. XIX в.)» [5] и в этом же году он завершил написание и в срок 21 декабря 1964 года защитил в Томском университете кандидатскую диссертацию «Великая Французская революция в немецкой буржуазной историографии 50-60 – х гг. XIX в.», а 24 апреля 1965 года был утвержден в ученой степени кандидата исторических наук ВАК СССР МИТ №002582 [1, л. 8].

С 1 сентября 1964 года В.А. Гавриличев был принят на должность ассистента кафедры новой и новейшей истории Томского госуниверситета и

проработал здесь до сентября 1965 года, затем он был избран по конкурсу на должность и. о. доцента кафедры истории Марийского государственного педагогического института имени Н.К. Крупской Марийской АССР. В Йошкар-Оле его научно-педагогическая деятельность продолжалась до августа 1969 года, а в сентябре этого же года он переезжает в Донецк будучи избранным на должность старшего преподавателя кафедры всеобщей истории Донецкого государственного университета Украинской ССР [1, л. 19]. В течение этого периода он в указанных вузах вел курс новой истории стран Западной Европы и Америки [1, л. 6]., продолжал вести активную научно-исследовательскую работу по историографическим и методологическим проблемам всеобщей истории. В.А. Гавриличев получает признание как ученый в центральных изданиях. Он публикует статьи во «Французском ежегоднике» (Н.М. Лукин и его роль в развитии советской историографии Великой Французской революции), в «Вопросах истории» (Научно-исследовательская работа историков Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева), «Новая и новейшая история» (Рецензия на книгу «История и историки. Историография всеобщей истории». М.: Наука, 1966), серию статей в Большой советской энциклопедии и Советской исторической энциклопедии, продолжает публиковать свои статьи в очередных выпусках сборника статей «Методологические и историографические вопросы исторической науки» [8,9]. Решением Высшей Аттестационной Комиссии от 5 мая 1972 г. (МДЦ №072381) Гавриличев Валентин Андреевич был утвержден в ученом звании доцента по кафедре всеобщей истории [1, л. 9].

В 1973 г. В.А. Гавриличев вновь переезжает, теперь в город своей alma mater в Казань, где он с 24 марта был принят на должность доцента кафедры всеобщей истории Казанского государственного педагогического института [1, л. 3]. Здесь он продолжает свою активную научно-педагогическую деятельность. В характеристике из личного дела доцента В.А. Гавриличева при очередном избрании на должность доцента кафедры всеобщей истории

от 21.06.1978 г. отмечалось, что «за время работы в Казанском педагогическом институте кандидат исторических наук, доцент Гавриличев В.А. зарекомендовал себя как высококвалифицированный преподаватель. Он успешно читает лекции и проводит семинарские занятия по истории средних веков и новой истории, ведет спецсеминары, руководит научной работой студентов. Он активно участвует в научной жизни кафедры, им сделано несколько докладов на теоретическом семинаре преподавателей всеобщей истории. Гавриличеву В.А. поручено руководство исторической секцией школы молодого лектора и академической группой, он был членом профбюро историко-филологического факультета. По поручению кафедры доц. Гавриличев В.А. выступал перед учителями и населением с лекциями и докладами о международном положении» [1, л. 45]. Лекции, доклады, статьи, рецензии Валентина Андреевича отражали оригинальный почерк ученого-историка, артистично воссоздававшего неповторимый облик прошлого. В казанский период он публикует статьи о В Циммермане и Ф. Шлоссере в Советской исторической энциклопедии (т.15. – М.,1974. – С. 778; т. 16. – М. 1976. - С. 298) рецензию на Французский ежегодник 1970 и 1971. – М.,1972 и М.,1973 (Новая и новейшая история. – 1975. - №6), рецензию на книгу В.А. Дунаевского «Советская историография новой истории стран Запада». М., 1974 (Вопросы истории. – 1976. - № 5).

В сентябре 1979 года В.А. Гавриличев вновь поменял место работы и жительства. В своем заявлении при увольнении из Казанского пединститута он писал: «В связи с избранием меня по конкурсу доцентом Ивановского госуниверситета по моей специальности (в КГПИ я работал в основном не по специальности) и отъездом из Казани в гор. Иваново прошу освободить меня от занимаемой должности доцента кафедры всеобщей истории КГПИ» [1, л. 68]. В этот период своей работы в Ивановском государственном университете В.А. Гавриличев целеустремленно трудился над докторской диссертацией, вновь обратившись к опыту отечественной историографии XIX-XX вв. о Великой французской революции конца XVIII века. В 1988

году он стал заведующим кафедрой новой и новейшей истории ИГУ, но внезапная смерть на 54 году жизни оборвала научно-педагогическую деятельность В.А. Гавриличева. В 1990 году Ивановский университет издал его учебное пособие «Великая французская революция в советской историографии 1956-1986 гг.» [10].

В научном наследии историка можно выделить две крупные тематические проблемы:

- отечественная и немецкая историография французской буржуазной революции конца XVIII века;
- идейно-методологические основы исторического познания.

Впрочем, это деление весьма условное, поскольку как у всех представителей томской историографической школы А.И. Данилова во всех работах В.А. Гавриличева многогранный историографический анализ всегда соединялся с разработкой теоретико-методологических проблем исторического познания.

В первую очередь, следует выделить серию статей В.А. Гавриличева в «Методологических и историографических вопросах исторической науки», в которых с 1963 по 1967 годы было опубликовано 4 его исследования. Все они достаточно большие по объему в 1.5-2.5 печатных листа. В них выделяется одна центральная проблема – эволюция теоретико-методологических основ научных школ в немецкой исторической науке 1820-1860-х гг. Несомненной заслугой и научной новизной В.А. Гавриличева явилось изучение противоречивых тенденций развития исторической мысли прошлого, глубокий и многосторонний анализ тенденций и особенностей деятельности малогерманской школы и одного из ее лидеров-основателей Генриха фон Зибеля. Все статьи построены по одному алгоритму – обоснование актуальности проблемы, идейно-политические идеи, теоретико-методологические основания, их отражение в

конкретно-исторических исследованиях, преимущественно по истории Французской буржуазной революции 1789-1795 гг. и также по вопросам национального объединения Германии в 1948-1971 гг., выводы и заключения. Автор по складывающимся особенностям томской историографической школы того времени заостряет внимание на вопросах соотношения истории и современности, истории и политики, методологии и методики исследования, гносеологических и онтологических аспектах в концепциях немецких историков. Кроме Г. Зибеля предметом его исследований стали воззрения Й. Дройзена, Г. Трейчке, Л. Ранке, А. Савиньи, Ф. Шлоссера, Г. Гервинуса, Л. Гейссера, теоретико-методологические основы гейдельбергской школы. При этом В.А. Гавриличев учитывал опыт и отечественной историографии в изучении этих же вопросов в трудах Н.И. Кареева, В. Бузескула, Е.А. Косминского, О.Л. Вайнштейна и др. В характерной для того времени практики советской исторической науки все статьи построены на «критике» построений немецких историков и их концептуальных оценок, что впрочем объяснимо и возможно соответствовало тогдашним убеждениям самого В.А. Гавриличева, но сама постановка необходимости изучения теоретико-методологических принципов исторических исследований и ее реализация на примере предметного анализа важнейших проблем новой истории в трудах немецких историков первой половины XIX века, выделение ряда их достижений и заслуг в изучении истории Французской буржуазной революции были новаторскими и заслуживают положительной оценки. Все статьи написаны на основе широкого круга источников на языке оригинала, впечатляют очень солидные подстрочники работ В.А. Гавриличева, в статье 1963 г. - 178 наименований ссылок и примечаний, в публикации 1964 г. – 230 и так далее, причем автор не только делает отсылки, но и добавляет свои комментарии к основному тексту, поясняя свою позицию читателю.

В научном наследии В.А. Гавриличева также стоит отметить его публикации в центральных энциклопедических словарях (Большой советской

и Советской исторической энциклопедии) о Германии (раздел «Историческая наука», в соавторстве с А.И. Даниловым), О Прусской школе историков, о Карле Роттеке, Георге Герввинусе и Генрихе Зибеле, Фридрихе Шлоссере, Вильгельме Циммермане что подтверждает оценку его заслуг научной общественностью в изучении проблем историографии всеобщей истории. Также одной из черт его научной деятельности стало и рецензирование коллективных трудов и монографий отечественных историков, опубликованных в центральных изданиях, например, на ежегодник «История и историки. Историография всеобщей истории. М.1966 и «Французский ежегодник. 1968 и 1970 гг., на монографии Альберта Захаровича Манфреда «Наполеон Бонапарт», Анатолия Васильевича Адо «Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII в.», Владимира Ароновича Дунаевского «Советская историография новой истории стран Запада». Как специалист по вопросам историографии Французской буржуазной революции и истории исторической науки в Германии в XIX в. В.А. Гавриличев нередко упоминается и отмечается современными историками.

В заключении отмечу, что Валентин Андреевич Гавриличев остался в моей памяти как жизнерадостный, улыбчивый, мобильный и в то же время спокойный и уравновешенный по характеру человек. За непродолжительный период жизни и творчества своей научно-исследовательской и преподавательской деятельностью он оставил оригинальный след в работе кафедр всеобщей истории Казани, Томска, Иваново 1960-1980 – х годов.

Список литературы

1. Архив Казанского (Приволжского) федерального университета Фонд Р-1487. Опись 39, Дело №3040 Личное дело Гавриличева Валентина Андреевича, доц., каф. всеобщей истории 26.03.1973-06.09.1979. - 69 л.
2. Биск, И.Я., Шарифжанов, И.И. История Франции нового и новейшего времени в трудах казанских ученых // Историческая наука в Татарстане: исследовательские и педагогические традиции [Текст]: Материалы межвузовской научной конференции / отв. ред. В.М. Бухараев, О.В. Сеницын. Казань: Форт Диалог, 1996. – С.113-116.

3. Гавриличев, В.А. Великая Французская буржуазная революция конца XVIII века в советской историографии. (1917-1960 гг.) [Текст]: Библиогр. указатель / Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. Кафедра всеобщей истории. - Казань: [б. и.], 1961. - 255 с.
4. Гавриличев, В.А. Теоретико-методологические основы исторических исследований Генриха фон Зибеля // Методологические и историографические вопросы исторической науки [Текст] : Сборник статей / [Отв. ред. проф. А. И. Данилов]. - Томск: Изд-во Томского ун-та, 1963. – Вып.1. – С.107-136.
5. Гавриличев, В.А. Великая французская революция в освещении малогерманской школы историков (50-60-е гг. XIX в.) // Методологические и историографические вопросы исторической науки [Текст] : Сборник статей / [Отв. ред. проф. А. И. Данилов]. - Томск: Изд-во Томского ун-та, 1964. – Вып.2. – С.94-145.
6. Гавриличев, В.А. Н.М. Лукин и его роль в развитии советской историографии Великой Французской революции // Французский ежегодник.1964. – М.:1965. – С.254-283.
7. Гавриличев, В.А. Научно-исследовательская работа историков Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева // Вопросы истории.- М., 1966. - №7. – С.138-142.
8. Гавриличев, В.А. Теоретико-методологические основы гейдельбергской школы историков (20-40-е гг. XIX в.) // Методологические и историографические вопросы исторической науки [Текст] : Сборник статей / [Отв. ред. проф. А. И. Данилов]. - Томск : Изд-во Томского ун-та, 1966. – Вып.4. – С.241-269.
9. Гавриличев, В.А. Об идейно-методологических принципах немецкой буржуазной историографии 50-х—60-х гг. XIX в. // Методологические и историографические вопросы исторической науки [Текст] : Сборник статей / [Отв. ред. проф. А. И. Данилов]. - Томск : Изд-во Томского ун-та, 1967. – Вып.5. – С.267-284.
10. Гавриличев, В.А. Великая французская революция в советской историографии 1956-1986 гг.: учебное пособие / В. А. Гавриличев; [науч. ред. В. А. Дунаевский]. - Иваново : [б. и.], 1990. - 78 с.
11. Гусев, В.В. Рец.: В. А. Гавриличев. Великая французская буржуазная революция конца XVIII в. в советской историографии (1917 - 1960 гг.) // Вопросы истории. - 1963. - № 5. – С.130-132.
12. Хуморов, А.С. Историографический аспект в трудах В.А. Гавриличева// URL:<http://uverenniy.ru/sbornik-statej-nauchno-prakticheskoy-konferencii-aktualenie-pr.html?page=27> (дата обращения 16.05.2019).

Муньков Николай Петрович

Н.П. Муньков как историограф¹⁶

Николай Петрович Муньков (1923–2002) – выпускник исторического факультета Казанского университета был энциклопедически образованным человеком, обладал широким кругозором, а его научно-педагогическая и общественная деятельность была разносторонней и многообразной. С 1945 до 2002 года он проработал в Татарском государственном гуманитарно-педагогическом университете (ранее КГПИ, КГПУ): проректор по учебной работе Казанского государственного педагогического института, декан исторического факультета, доцент, профессор, зав. кафедрой истории СССР, депутат Казанского городского совета народных депутатов, председатель постоянной комиссии по образованию, член диссертационного совета в КГУ, член научного совета по истории исторической науки, заслуженный учитель Республики Татарстан, заслуженный деятель культуры Республики Татарстан, кавалер ордена Знак Почёта и т.д.

В своих научных трудах Н.П. Муньков затрагивал как конкретно исторические, так и историографические проблемы отечественной истории.

---

¹⁶ Статья подготовлена для Сборника воспоминаний, документов и материалов памяти Николая Петровича Мунькова, вышедшего из печати в 2016 г.: *Синицын О.В. Н.П. Муньков как историограф //Учитель учителей: сборник воспоминаний, документов и литературы памяти Николая Петровича Мунькова / Составитель и автор предисловия Г.М. Мустафина, под ред. Г.М. Мустафиной, Р.Ш. Нигматуллина, О.В. Синицына. – Казань: ООО ПК Астория», 2016. – С.113-117. Мною же подготовлена для этого издания Библиография трудов Н.П. Мунькова. – С. 124-131.*

В разработке как тех, так и других им были достигнуты значительные для своего времени результаты.

Историографией как научной и учебной дисциплиной он заинтересовался ещё в студенческие годы. По его воспоминаниям историографические сюжеты были непрямым явлением заседаний студенческого научного кружка, председателем которого все 5 лет являлся Николай Петрович. В дальнейшем историографией в научно-исследовательской и преподавательской работе он занимался профессионально вплоть до последних дней своей жизни.

В научно-педагогическом наследии Н.П. Мунькова присутствует как проблемная историография, посвященная, главным образом, различным вопросам внешней политики России и СССР, так и персонифицированная историография, посвященная анализу исторических взглядов отдельных историков, и историография прикладная, учебная, т.е. подготовка и публикация учебников и учебных пособий, в том числе по вопросам методологии и методики преподавания историографии в высшей школе.

Из первой группы трудов – по проблемной историографии – выделяется серия статей, опубликованная в Учёных записках Казанского государственного педагогического института «Вопросы историографии и источниковедения», ответственным редактором которого являлся Николай Петрович Муньков.

Исследовательская проблематика и хронологические рамки были весьма актуальны и научно-значимы по своим задачам. Н.П. Муньков вполне обосновано замечал, что после XX съезда КПС за 10-12 лет «изучение внешнеполитических проблем шло наиболее интенсивно..., вышли серьезные публикации дипломатических документов, были созданы обстоятельные коллективные исследования и крупные монографии по дипломатической истории нашей страны, вышли в свет научные биографические очерки, посвященные деятельности крупных русских и советских дипломатов, на русский язык были переведены лучшие

исследования зарубежных авторов, посвященные в основном периоду второй мировой войны, появились мемуары русских, советских и зарубежных дипломатов и государственных деятелей, наконец, история международных отношений и внешней политики стала отображаться в художественной литературе» .

Обращает на себя внимание, во-первых, комплексный подход Н.П. Мунькова к проблемной историографии, нашедший выражение в более широком определении её предмета, включающего в себя как научное познание прошлого, основанного на анализе исторических источников, применении общенаучных и специальных методов исторического исследования, теоретических и практических выводов, так и более широкий аспект исторического знания – обращение к историческим представлениям общественных, государственных деятелей, публицистов, писателей и т.д. Это был новаторский подход, отвечающий запросам того времени, что нашло выражение в постановке функционирования исторических знаний в социальной среде и общественной практике, тем более имеющей отношение к внешней политике. Во-вторых, прослеживается мысль Н.П. Мунькова о преемственности дипломатии русской и советской, что также было важно и обосновано.

Из работ по названной мною «персонифицированной историографии» следует выделить такие исследования Н.П. Мунькова, как «К изучению исторических взглядов П.А. Ровинского – видного землевольца» (в соавторстве с Г.Н. Вульфсоном), «Е.И. Устюжанин как историк местного края», рецензия на книгу Г.Н. Вульфсона «Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации». Этим работам присущи по-муньковски яркие характеристики историков, сравнительный анализ концепций, умение выделить главное, что присуще историческим взглядам персоналий.

Большой ряд публикаций и докладов на научных конференциях Н.П. Мунькова посвящены опыту преподавания историографии в Казанском

государственном педагогическом институте. Общий курс историографии отечественной истории читается студентам историкам КГПИ-КГПУ-ТГГПУ с 1946 года, и всё это время вплоть до последних дней своей жизни читался именно Н.П. Муньковым. Выражаю безмерную благодарность Николаю Петровичу, что в конце 1980-х годов, будучи заведующим кафедрой, он поручил мне вести семинарские занятия по историографии истории СССР, а затем и читать часть общего лекционного курса как на очном, так и на заочном отделениях. Накопленный Н.П. Муньковым опыт преподавания историографии в высшей школе бесценен. Он частично обобщён в публикациях Николая Петровича. В 1974 году в очередном выпуске «Вопросов историографии и источниковедения» им была опубликована статья «Из опыта работы кафедры истории СССР Казанского пединститута по постановке преподавания методологии и историографии истории СССР на историческом отделении». В 1975 г. в Смоленске вышла его статья «Постановка преподавания историографии истории СССР на историческом отделении КГПИ», а в 1985 г. в Днепропетровске была опубликована следующая статья из этой серии: «О преподавании отечественной историографии на историческом отделении Казанского пединститута». К ним примыкает и наша совместная учебно-методическая разработка.

Обращает на себя внимание, что во всех этих публикациях Николай Петрович пишет о работе кафедры. Историография действительно стала кафедральным направлением научных и учебно-методических изысканий. Безымянно говоря о своей методологии и методике преподавания курса историографии, Н.П. Муньков привлекает внимание читателей к особенностям научной и преподавательской работы других членов кафедры – В.В. Иванова, А.Л. Литвина, Ю.К. Краснова, И.М. Абдрашитовой. Привлекательной стороной работы кафедры истории СССР того времени было приглашение читать спецкурсы видных и авторитетных учёных Москвы и Казанского университета. Перед студентами исторического отделения историко-филологического факультета КГПИ выступали такие

известные и авторитетные доктора наук, профессора как А.А. Зимин, С.М. Каштанов, А.П. Ненароков, А.Е. Иванов, Г.Н. Вульфсон, З.И. Гильманов, И.М. Ионенко, Р.И. Нафигов, И.Р. Тагиров, А.М. Залялов и др.

Николай Петрович подчеркивал ещё два важных момента деятельности кафедры в области историографии. Первое – это восстановление в 1972 г. аспирантуры при кафедре по специальности «Историография, источниковедение и методы исторического исследования», которую впоследствии под научным руководством профессора В.В. Иванова закончили, защитив диссертации, 7 человек. Впоследствии при кафедре истории России ТГГПУ действовала аспирантура по «Отечественной истории» и вопросы историографии отечественной истории неизменно стояли в центре диссертационных исследований аспирантов. Второе – это то, что кафедра широко пропагандировала достижения отечественной историографии перед учителями города и республики. Это направление деятельности кафедры и самого Николая Петровича нашло воплощение в подготовке и издании учебников для средних школ по истории Татарстана и учебных пособий для студентов исторических факультетов. В этой связи особое значение имеет авторское учебное пособие, которое вполне можно назвать учебником по историографии истории СССР, изданное в КГПИ в 1973 году. Данное учебное пособие представляет собой переработку курса лекций по историографии и является его первой частью: с древнейших времен до 1861 г. Вторая часть планировалась по периоду с 1861 г. до 70-х годов XX в., но, к сожалению, она так и не увидела свет. Определённым продолжением первой части стала изданная в 1989 г. методическая разработка по курсу историографии на тему «В.О. Ключевский – выдающийся русский историк второй половины XIX – начала XX вв.». Таким образом, можно говорить о том, что Н.П. Мунькову удалось в своих учебно-методических работах охватить и осветить историю исторической науки в России до начала XX в. К достоинствам этого труда Н.П. Мунькова относится краткое систематическое изложение основных проблем

отечественной историографии, выявление закономерностей формирования, развития и смены исторических концепций, определение условий развития исторической науки и её функционирования в практике общественной жизни, яркое, образное, живое изложение историографического материала, что способствовало лучшему его усвоению студентами. Многим поколениям студентов историков это учебное пособие помогло усвоить азы историографии отечественной истории.

Наконец, нельзя не отметить активное участие Н.П. Мунькова в научных сессиях, историографических конференциях в Москве, Ленинграде, Луцке, Смоленске, Днепропетровске, Казани, Самаре и т.д. В декабре 1977 г. решением Президиума АН СССР Н.П. Муньков был утвержден членом Научного совета по истории исторической науки при Институте истории АН СССР и стал одним из наиболее активных деятелей Средневолжской секции, за что неоднократно получал благодарственные отзывы от председателя Совета академика М.В. Нечкиной и зам. председателя профессора В.А. Дунаевского.

Николая Петровича Мунькова знали, ценили за его весомый вклад в разработку, изучение проблем историографии отечественной истории и богатый опыт преподавания историографии в высшей школе во всех республиках Советского Союза, во всех крупных университетских центрах России. Это дань признания заслуг Н.П. Мунькова перед исторической наукой и изучением её истории.

Он родился историком и учителем: к 95-летию со дня рождения Николая Петровича Мунькова (1923-2002)¹⁷

Аннотация: в статье характеризуется жизненный путь, научно-педагогическая, организаторская и общественная деятельность видного казанского историка и педагога, заведующего кафедрой истории СССР Казанского государственного педагогического института Николая Петровича Мунькова. Особое внимание уделяется его научным исследованиям, в первую очередь по вопросам изучения и преподавания истории отечественной исторической науки, а также долголетней, плодотворной административной и руководящей работе Н.П. Мунькова.

Abstract: in the article the life path, scientific-pedagogical, organizational and public activities of the prominent Kazan historian and teacher, the head of the history department of the Kazan State Pedagogical Institute Nikolai Petrovich Munkov is characterized. Particular attention is paid to his scientific research, primarily on the study and teaching of the history of national historical science, as well as the long, fruitful administrative and leadership work of N.P. Munkov.

Ключевые слова: история, учитель, школа, институт, лектор, зав. кафедрой, историография истории СССР.

Key words: history, teacher, school, institute, lecturer, head. chair, historiography of the history of the USSR.

Вся жизнь и деятельность Николая Петровича Мунькова была связана с историей, ее изучением и преподаванием. Про него можно сказать словами Сергея Михайловича Соловьева, который о себе писал в мемуарных «Записках», что «он родился историком». В своих «Воспоминаниях...» и Николай Петрович писал: «Для меня особой проблемы выбора не существовало – я с детских лет был увлечен профессией учителя, нередко дома играл «в школу», изображая преимущественно учителя истории» [1].

Муньков Николай Петрович родился в Казани 18 мая 1923 г. «с детства пристрастился к книжкам», чему «в немалой степени, - по его собственным оценкам, - способствовало и то обстоятельство, что его дедушка Иван Кузьмич имел у себя небольшую, но довольно хорошую библиотеку» и

---

¹⁷ Статья опубликована в 2018 г. к 95-летию со дня рождения одного из моих учителей и наставников в высшей школе Н. П. Мунькова: *Синицын О.В. Он родился историком и учителем: к 95-летию со дня рождения Николая Петровича Мунькова (1923-2002) //Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. - Казань: ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ». - 2018. - № 8. - Т.1. С. 211-218.*

благодаря этому «со многими из этих книг он познакомился в детские годы, разумеется, далеко не все в них понял», но тем не менее в целом мог считать себя, в сравнении с его сверстниками и товарищами, довольно эрудированным «историком» [2]. И второе важное обстоятельство увлечение историей и ее преподаванием – это учитель истории Константин Николаевич Ермолин, «замечательный педагог, горячо влюбленный в свой предмет и умевший передать любовь к нему своим ученикам» [3].

1 сентября 1940 г. Николай Муньков стал студентом 1 курса, восстановленного в 1939 году исторического факультета Казанского университета. Но по завершении обучения на 1 курсе началась Великая Отечественная война. Так сложилась судьба, что Николай Муньков по состоянию здоровья на участвовал в боевых сражениях на фронтах Второй мировой войны, но работал с ноября 1942 года учителем истории в школе № 24 им. В.П. Чкалова г. Казани и одновременно обучался на историческом отделении истфилфака Казанского университета. Труд учителя в суровые военные годы получил высокую оценку: в 1945 г. он был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Спустя 55 лет Николай Петрович Муньков чувственно вспоминал: «Для меня, не воевавшего с врагом на полях сражений, это была самая высокая награда Родины» [4].

29 мая 1945 г. Н.П. Муньков окончил Казанский университет, заслужив диплом с отличием по специальности «Историк, преподаватель истории» и был приглашен читать курс лекций по истории СССР на истфаке Казанского государственного педагогического института, который был открыт в 1934 г. Так началась его 57-летняя многогранная жизнь и деятельность в КГПИ/КГПУ.

В первую очередь, Н.П. Муньков проявил себя как великолепный преподаватель, блестящий лектор, оратор-трибун, которого коллеги и сослуживцы, студенты и горожане не случайно называли «Казанский

Цицерон». Он специализировался на преподавании истории СССР XIX-начала XX вв., истории международных отношений и внешней политики России и СССР, с 1946 г. один из первых в стране стал читать курс по «Историографии истории СССР», став признанным авторитетом в изучении и преподавании этой дисциплины, автором научно и методически значимого учебного пособия для студентов «Историография истории СССР (краткое учебное пособие по русской и советской историографии)» [5].

Масштабную учебно-методическую работу Н.П. Муньков неразрывно сочетал с интенсивной научно-исследовательской работой. Первая научная статья была опубликована Николаем Петровичем в 1949 г. под названием «Из истории студенческих волнений в Казанском университете в 1881–1882 гг.» [6], последняя в 1999 г. - «Устюжанин Евгений Иванович (1902–1968)», опубликованная в сборнике статей к 60-летию исторического факультета Казанского государственного университета [7]. И уже после кончины в 2003 г. вышел из печати учебник для средней школы «История Татарстана. XIX век» в соавторстве с Г.М. Мустафиной и Л.М. Свердловой [8].

С 1950-х годов основной темой научных исследований Н.П. Мунькова стала история дипломатии и внешней политики России. В 1958 г. Николай Петрович защитил кандидатскую диссертацию «Дипломатическая деятельность М.И. Кутузова (1792–1813)», а в 1962 году в Москве была опубликована по ее материалам монография «М.И. Кутузов – дипломат» [9], которая получила очень высокую оценку научной общественности и была серьезной заявкой на докторскую диссертацию.

В дальнейшем Н.П. Муньков успешно и плодотворно продолжал научные исследования по актуальным проблемам внешней политики России и СССР, опубликовав более 40 статей в журналах и сборниках статей, выступлениях на научных конференциях Всесоюзного, республиканского и регионального уровней.

Другой темой научных разработок Н.П. Мунькова являлись многоплановые историографические проблемы отечественной истории, опыт и методика преподавания историографии истории СССР, анализ и обобщение научной, методической и учебно-воспитательной работы, руководимой им в течение 18 лет кафедрой истории СССР и это еще более 20 научных публикаций.

Особо и отдельно следует выделить продолжение традиций, заложенных Е.И. Устюжаниным и развитие их Н.П. Муньковым, по подготовке и изданию кафедрой истории СССР и кафедрой истории России КГПИ/КГПУ/ТГГПУ учебников, учебных пособий и программ по истории ТАССР и Татарстана для средних общеобразовательных школ. С 1960 по 2004 годы было разработано и опубликовано более 35 таких различных учебников и УМП для учащихся и учителей, в том числе 10 из них при непосредственном участии Николая Петровича [10]. Все это позволяло очень продуктивно реализовывать важнейшую государственную задачу по обучению, воспитанию, переподготовке и повышению квалификации учителей истории для СССР, Российской Федерации и Республики Татарстан.

Широкой и активной была общественно-политическая деятельность Н.П. Мунькова. Почти два десятилетия он был депутатом и председателем постоянной комиссии по народному образованию Казанского городского совета народных депутатов, многие годы был активным членом Ученого совета Государственного музея ТАССР, лектором и одним из руководителей казанского общества «Знание» и Университета марксизма-ленинизма, до конца своей жизни был идейно и духовно преданным членом Коммунистической партии Советского Союза.

Н.П. Муньков проявил себя талантливым и умелым руководителем-администратором. С 1951 по 1960 годы он возглавлял в должности декана исторический и историко-филологический факультеты КГПИ, с 1960 по 1968

гг. работал проректором института по учебной работе, а с 1968 по 1985 гг. заведовал кафедрой истории СССР. Это в целом - 35 лет и на каком бы посту он не был, везде проявлялась его человечность, требовательное, но одновременно внимательное, товарищеское отношение к коллегам, умение дипломатично разрешать возникающие конфликты и простые недоразумения.

И все же самую большую память Николай Петрович Муньков оставил как заведующий кафедрой. Евгений Иванович Устюжанин создал эту кафедру и руководил ею более 20 лет. Став заведующим кафедрой в 1947/48 учебном году, Е.И. Устюжанин в первую очередь сосредоточил свои усилия на кадровой и научно-педагогической работе, что позволило ему создать творческий работоспособный и высокоответственный коллектив преподавателей истории СССР. При этом, Е.И. Устюжанин сам показывал прекрасный пример плодотворного сочетания активной научной, большой учебно-методической и инициативной общественно-воспитательной деятельности, проявляя талант руководителя-организатора. В 1999 г. в своих воспоминаниях Н.П. Муньков отмечал: «Как заведующий кафедрой Устюжанин был мудрым наставником молодых членов кафедры, относился к ним с отеческим вниманием и заботой. Он никогда не командовал людьми, всегда ценил честных и добросовестных работников, ненавидел лицемерие, подлость, подхалимство и неискренность» [11]. Все эти качества руководителя унаследовал от своего учителя и Николай Петрович, он не был жестким администратором, но всегда ставя какую-либо цель перед собой и перед кафедрой неизменно этого добивался, организационно так мобилизуя коллектив, что каждый качественно выполнял свою роль.

Когда в 1968 г. Н.П. Муньков возглавил кафедру истории СССР на ней шел процесс смены поколений и в 1970 году он принял на кафедру двух новых преподавателей – Владимира Васильевича Иванова, который вскоре защитил докторскую диссертацию и Клару Романовну Сеницыну, ученицу

Е.И. Устюжанина, до этого работавшую в Государственном музее ТАССР заместителем директора по научной работе, защитившую к этому времени кандидатскую диссертацию. Впоследствии Н.П. Муньков принял на работу своих учеников, выпускников кафедральной аспирантуры Гульшат Мударисовну Мустафину в 1975 году и Олега Владимировича Сеницына в 1983 году, научным руководителем которых был В.В. Иванов. Так в дополнение к уже старожилам кафедры Резеде Маликовне Бикметовой, Ирек Мухамедовне Абдрашитовой, Алтеру Львовичу Литвину он сформировал тот кадровый состав кафедры, который успешно функционировал все годы его заведования, а также заложил основы дальнейшей плодотворной работы кафедры после 1985 года, когда он покинул пост заведующего.

Николай Петрович разумно и в тоже время прагматично верно начал использовать свой принцип преемственности – он так распределял учебно-методическую нагрузку, чтобы сразу два преподавателя вели один предмет или один период, причем при сочетании опытный/молодой, например, самый классический: история СССР/ России XIX-начала XX вв. – Н.П. Муньков - Г.М. Мустафина, историография – Н.П. Муньков - О.В. Сеницын, методика преподавания истории – Р.М. Бикметова - Е.М. Шувалова. В дальнейшем этот принцип сохранялся его приемниками по заведованию кафедрой и так сложилась современная действующая система: история России периода феодализма – Юрий Николаевич Иванов – Алексей Михайлович Столяров; История России XIX-начала XX вв. – Гульшат Мударисовна Мустафина-Римма Габдархаковна Шамсутдинова; история России XX века – Клара Романовна Сеницына – Татьяна Петровна Крашенинникова; историография, вспомогательные исторические дисциплины – Олег Владимирович Сеницын- Альберт Наилевич Валиахметов; методика преподавания истории - Елена Михайловна Шувалова - Резида Ильгизовна Хораскина. Убежден, что именно этот принцип позволяет до сих пор сохранять традиции кафедры Устюжанина-Мунькова, сохраняться в условиях модернизации российского образования, перехода из Татарского государственного гуманитарно-

педагогического университета в Казанский федеральный университет, изменения формата специалитета по подготовке учителей истории на формат направления «Педагогическое образование» с историческими профилями и так далее.

Николай Петрович Муньков сыграл судьбоносную роль в моей жизни, преподавательской, научной и административной деятельности. В 1974 году он принял меня в студенты 1 курса отделения истории историко-филологического факультета КГПИ и именно как преподаватель стал для меня любимым педагогом, авторитетом, а затем наставником и коллегой. Особенно меня привлекли его лекции по историографии истории СССР, отличавшиеся не только красноречием и ораторским искусством, но и предметным научным анализом. Имея в домашней библиотеке его учебное пособие, подаренное моей маме как научному редактору, я имел возможность штудировать достаточно сложный для студента 4 курса теоретический материал и поэтому не только втянулся, но и начал учиться овладевать знаниями по истории отечественной исторической науки.

По окончании института Николай Петрович рекомендовал меня для поступления в аспирантуру и я стал последним аспирантом Владимира Васильевича Иванова на кафедре истории СССР КГПИ в 1979 г. Работая учителем истории в Чепчуговской средней школе Высокогорского района Татарстана, учился в заочной аспирантуре и в 1980 г. был переведен в очную аспирантуру и по окончании ее 1 января 1983 г. Н.П. Муньков решил принять меня на должность ассистента руководимой им кафедры. Через 4 месяца - 12 мая 1983 года накануне юбилейного дня рождения Николая Петровича мною была защищена кандидатская диссертация по русской историографии конца XIX-начала XX века и Учитель сказал, что это один из лучших подарков к его 60-летию!

В 1985 году мы с Николаем Петровичем участвовали во Всероссийской научной конференции в Днепропетровске «Вопросы развития

историографических исследований», где собрались все ведущие отечественные специалисты по истории исторической науки. Н.П. Муньков выступил с докладом «О преподавании отечественной историографии на историческом отделении Казанского пединститута», а моя тема сообщения – «Социоистория» как концепция теории современной буржуазной историографии». Я планировал сменить тему дальнейших исследований, используя знание английского языка хотел переключиться на изучение новейших теоретико-методологических концепций зарубежной исторической науки. Тогда Николай Петрович посоветовал мне все-таки продолжать разработку темы кандидатской диссертации «неокантианство в русской исторической мысли» только на более широкой историографической и источниковедческой основе и там в Днепропетровске познакомил меня с известным специалистом по русской историографии XIX-начала XX вв. доцентом кафедры источниковедения МГУ Аллой Ервандовной Шикло. Она также поддержала мнение Николая Петровича. Прислушавшись в 1987 г. я прошел 4-х месячное повышение квалификации на кафедре источниковедения МГУ, которой тогда заведовал академик Иван Дмитриевич Ковальченко и по итогам стажировки под руководством А.Е. Шикло подготовил план-проспект докторской диссертации и прошел серьезное его обсуждение на декабрьском заседании этой кафедры. Через 13 лет тема «Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX-начале XX вв.» была мною защищена на соискание ученой степени доктора исторических наук в Казанском университете, а ведущей организацией по ней стал Московский государственный университет, а одним из авторов отзыва А.Е. Шикло. Поэтому во многом благодаря мудрому совету Николая Петровича в 1985 году состоялась и моя докторская в 2000. Кроме этого, по дороге обратно в Казань Николай Петрович сказал, что хочет поручить мне вести с этого года семинарские занятия по историографии параллельно с его лекционным курсом. Так с 1985 года я стал преподавать вместе с Н.П. Муньковым эту

учебную дисциплину студентам исторического отделения КГПИ. В 1987 году мы опубликовали учебно-методическое пособие «Планы семинарских занятий по историографии истории СССР» [12], это была первая и, к сожалению, единственная наша совместная публикация с Николаем Петровичем.

Через несколько лет с 1990-х годов я стал читать и лекционный курс по истории отечественной исторической науки и таким образом с «легкой руки» Н.П. Мунькова уже более 30 лет преподаю этот курс студентам-историкам. Продолжая традиции Николая Петровича, уже сам будучи зав. кафедрой истории России, я поручил вести часть курса историографии молодому преподавателю, нашему выпускнику Альберту Наилевичу Валиахметову, защитившему к тому времени кандидатскую диссертацию по историографии, и теперь уже более 10 лет мы с ним параллельно преподаем этот курс.

В настоящее время нет того педагогического института/университета и кафедры истории СССР/России, где более 55 лет непрерывно трудился Николай Петрович Муньков. После вхождения ТГГПУ в состав Казанского (Приволжского) федерального университета в течение двух лет функционировала кафедра истории России и методики преподавания под руководством Гульшат Мударисовны Мустафиной и один год кафедра исторического образования под моим руководством, с 2014 года из части этой кафедры была образована секция педагогического образования в составе кафедры отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений истории и востоковедения под руководством Александра Алтеровича Литвина. Но традиции и «муньковский дух» продолжают жизнь в учениках и продолжателях его дела. Историографическая тематика остается ведущей и в научной работе преподавателей секции - О.В. Сеницына, Г.М. Мустафиной, Т.П. Крашенинниковой, А.М. Столярова, А.Н. Валиахметова, Р.Г. Шамсутдиновой, А.Х. Тухватулина, и руководимых ими студенческих

курсовых, дипломных работ, проблематикой научно-практических конференций, становится темами магистерских и кандидатских диссертаций. Сохраняется и атмосфера преемственности в поколениях членов нашего профессорско-преподавательского состава, продолжающих успешную реализацию государственных задач по направлению «Педагогическое образование» по подготовке учителей истории и обществознания. Портрет Николая Петровича Мунькова занимает одно из центральных мест в галерее портретов всех преподавателей, работавших на кафедре, в кабинете 20в, где располагается в настоящее время наш коллектив научно-педагогических работников секции педагогического образования.

Примечания

1. Учитель учителей: сборник воспоминаний, документов и материалов памяти Николая Петровича Мунькова / Составитель и автор предисловия Г.М. Мустафина; под ред. Г.М. Мустафиной, Р.Ш. Нигматуллина, О.В. Синицына. Казань, 2016. - С.10.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же. - С.20.
5. Муньков Н.П. Историография истории СССР (краткое учебное пособие по русской и советской историографии). Часть I. – Казань: КГПИ, 1973. - 133 с.
6. Муньков Н.П. Из истории студенческих волнений в Казанском университете в 1881–1882 гг. // Ученые записки КГПИ. Вып. 7. – Казань, 1949. - С.81-91.
7. Муньков Н.П. Устюжанин Евгений Иванович (1902–1968) // Жить историей: 60 лет историческому факультету Казанского университета. Сб. статей. Казань, 1999. – С.139-142.
8. История Татарстана. XIX век. Учебное пособие для средних общеобразовательных школ, гимназий, лицеев и средних специальных учебных заведений / Г.М. Мустафина, Н.П. Муньков, Л.М. Свердлова. – Казань: Магариф, 2003. – 255 с.
9. Муньков Н.П. М.И. Кутузов – дипломат. (Серия «Выдающиеся дипломаты»). Монография. – М.: Соцэкгиз, 1962. - 141 с.
10. История Татарской АССР: учебное пособие для средней школы / Е.И. Устюжанин, И.М. Абдрашитова, Н.П. Муньков. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1970. 176 с.; Татарстан тарихы: урта мәкт. очен уку ярдэмлеге / Е.И. Устюжанин, И.М. Абдрашитова, В.В. Кузьмин, Н.П. Муньков; тәрж Н. Габитов. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1980. – 176 б.; История Татарской АССР: учебное пособие для средней школы / Е.И. Устюжанин, И.М. Абдрашитова, Н.П. Муньков; ред. В.В. Кузьмин. – 2-е изд. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1973. – 176 с.; Татарстан тарихы: урта мәкт. очен уку ярдэмлеге / Е.И. Устюжанин, И.М. Абдрашитова, Н.П. Муньков; тәрж Н. Габитов. - 3 басма. – Казан: Татарстан китар нәшрияты, 1974. – 180 б.; История Татарской АССР: учебное пособие для средней школы

/ Е.И. Устюжанин, И.М. Абдрашитова, Н.П. Муньков. – 3-е изд. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. – 180 с.; История Татарской АССР: учебное пособие для средней школы / Е.И. Устюжанин, И.М. Абдрашитова, Н.П. Муньков, В.В. Кузьмин. – 4-е изд. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. – 144 с.; Татарстан тарихы: урта мәкт. очен уку ярдәмлеге / Е.И. Устюжанин, И.М. Абдрашитова, В.В. Кузьмин, Н.П. Муньков; тәрж Н. Габитов. – 4 басма. – Казан: Татарстан ки-тар нәшрияты, 1980. – 144 б.; История Татарстана. XIX век. Учебное пособие для средних общеобразовательных школ, гимназий, лицеев и средних специальных учебных заведений / Г.М. Мустафина, Н.П. Муньков, Л.М. Свердлова. – Казань: Магариф, 2003. – 255 с.

11. Муньков Н.П. Устюжанин Евгений Иванович. - С.142.

12. Планы семинарских занятий по историографии истории СССР. Сост.: Н.П. Муньков, О.В. Синицын. – Казань, 1987. – 16 с.

Ременников Алексей Михайлович

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА А.М. РЕМЕННИКОВА¹⁸

10 ноября 2018 г. исполняется 100 лет со дня рождения известного историка-антиковеда, доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Республики Татарстан Алексея Михайловича Ременникова (2018–2007).

Главными городами в жизни А.М. Ременникова стали Москва и Казань: в Москве он получил образование и обрел дело всей своей жизни, Москву он защищал в первые месяцы Великой отечественной войны, а Казани он отдал многие годы своей преподавательской и научной деятельности, став одним из символов исторического педагогического образования Республики Татарстан.

Родился А.М. Ременников в Петрограде в интеллигентной семье питерских учителей. Так что педагогическое поприще, видимо, не случайно оказалось основным в его судьбе. Однако жить в первые годы советской власти в большом городе было очень голодно, и семья переехала в Воронежскую область. Здесь, в деревне Вишневое Старо-Юрьевского района с 1919 г. по

---

¹⁸ Статья написана в соавторстве с коллегами Эдуардом Валерьевичем Рунгом, Евгением Александровичем Чиглинцевым и Гульшат Мударисовной Мустафиной в вековому юбилею историка-античника и зав. кафедрой всеобщей истории Казанского государственного педагогического института в 2018 г. : *Синицын О.В. К 100-летию со дня рождения профессора А.М. Ременникова / Э.В. Рунг, Е.А. Чиглинцев, Г.М. Мустафина, О.В. Синицын // Вестник древней истории. – 2018. - Т.78. – Вып.4. – С.1076-1078.*

1930 г. жил и учился в начальной школе Алексей Ременников. Здесь в 1925 г. семилетним мальчиком он лишился отца, а в 1930 году мама Варвара Павловна перевезла его в Москву, где он и окончил среднюю школу.

В августе 1936 г. Алексей Ременников поступил на исторический факультет Московского государственного университета. Это был один из первых наборов после возрождения истфаков в университетах. Именно в этом году прием стал осуществляться по новым правилам, утвержденным Наркомпросом, основным требованием которых являлась проверка знаний поступающих в объеме средней школы, выяснение уровня общего развития будущих студентов. Для мальчика из интеллигентной семьи это была прекрасная возможность. Набор был достаточно многочисленным – 150 человек. Но учитывая, что полноценные истфаки пока существовали только в Московском и Ленинградском университетах, это оказывается весьма немного для страны.

На кафедрах факультета в это время работали выдающиеся историки. В своих воспоминаниях А.М. Ременников позже написал: «Пять лет обучения прошли очень быстро. Нам читали лекции академики, профессора мирового уровня, мы начали принимать участие в научной работе» (Ременников А.М. Вспоминая военные годы // Музейный вестник КГПУ. Вып. 2. С. 71). Кафедрой истории Древнего мира заведовал профессор В.С. Сергеев, автор первого советского учебника по истории Древней Греции.

Годы учебы А.М. Ременникова в МГУ были годами становления истфака: появлялись новые кафедры, в том числе – древних языков, которую возглавил профессор Н.И. Новосадский. В то же время преподавателей коснулись и репрессии, которые прокатились по стране: был отправлен в ГУЛАГ профессор П.Ф. Преображенский, декан факультета Г.С. Фридлянд. Одновременно, по воспоминаниям А.М. Ременникова, «все явственнее чувствовалось приближение войны».

И все-таки А.М. Ременников в 1941 г. успел закончить полный курс обучения, причем, закончить «с отличием». Далее все остальные курсы и в

самой Москве, и в эвакуации в Ашхабаде учились по сокращенной программе. Летопись Московского университета сообщает, что уже 1 июля 1941 г. первая группа студентов была мобилизована на строительство оборонительных рубежей под Москвой. Руководителем батальона стал студент-выпускник исторического факультета Михаил Гефтер. Алексей Ременников оказался в Смоленской области в составе большой группы московских студентов и заводских рабочих. Вспоминая эти дни лета и осени 1941 г., он рассказал, как смертельно опасны были налеты германской авиации, не дававшие копать противотанковые рвы в дневное время, как ценою многих жизней учились они маскировке, и как пришлось им срочно уходить в тыл, неся по пути потери, когда враг прорвал фронт и возникла угроза окружения для массы безоружных работников.

А дальше, уже в тылу, каждый сам определял свою судьбу. А.М. Ременников отправился в военкомат с намерением уйти на фронт, но близорукость его привела к отказу ему в призыве, и он оказывается прикомандированным к Наркомату просвещения. На ближайшие два года А.М. Ременников стал учителем истории и конституции в одной из школ Вологодской области, затем все-таки был призван в армию, оказался в запасном полку. Лишь в сентябре 1944 г. он попал в качестве переводчика в действующую армию на 3-й Белорусский фронт. Воспоминания А.М. Ременникова о войне поражают своей будничностью и обыденностью, при этом в каждом конкретном эпизоде присутствует боль за гибнущих товарищей.

Закончил А.М. Ременников войну в Германии, но демобилизовался он только в ноябре 1945 г. Проработав около года сотрудником Центрального государственного архива СССР, в 1946 г. он поступил в аспирантуру кафедры истории древнего мира истфака МГУ. В 1950 г. А.М. Ременников защищает кандидатскую диссертацию «Войны римлян с племенами Северного Причерноморья в III в. н.э.» под руководством С.Л. Утченко. И вскоре переезжает в Казань, город, в котором прошла вся его дальнейшая

жизнь. В Казанском пединституте, педагогическом университете, а затем – Татарском государственном гуманитарно-педагогическом университете пятьдесят лет отдал он подготовке учительских кадров для Татарстана и ряда соседних регионов.

Казанский государственный педагогический институт, в котором начал работать историк, был, по сути, его ровесником. Основанный в 1876 г. как Казанский учительский институт (третий после Петербурга и Москвы), в октябре 1918 г. решением Наркомпроса он был преобразован в Казанский педагогический институт, а с 1934 г. – Казанский государственный педагогический институт. Понятно, что такой вуз имел замечательные традиции воспитания учителей, и молодой ученый, сын учителей, очень хорошо вписался в образовательную и воспитательную жизнь института. Здесь он прошел путь от преподавателя до профессора и заведующего кафедрой всеобщей истории. Он продолжал заниматься исследовательской работой, опубликовав в 1950-1970-х гг. две книги и ряд статей в различных изданиях, был он и постоянным автором «Вестника древней истории». Именно во время работы в КГПУ была написана и в 1967 г. успешно защищена в совете Московского университета докторская диссертация А.М. Ременникова «Историческая роль племен Подунавья в падении Римской империи», большой двухтомный труд, получивший положительную оценку научной общественности.

А.М. Ременников не создал собственной научной школы, но трудно переоценить его роль в воспитании молодых научных кадров. Он с удовольствием и большой самоотдачей работал в специализированном совете по защите кандидатских, а затем и докторских диссертаций, который существовал в Казанском государственном университете, выступал на его заседаниях с короткими, но емкими оценками представленного исследования, и всегда очень доброжелательно отзывался о работе диссертанта.

Помимо большой преподавательской и воспитательной работы, как истинный русский интеллигент, А.М. Ременников создавал вокруг себя

атмосферу доброжелательности и дружелюбия. Факт, который не может не вызывать восхищения и уважения: приехав в национальную республику, участвуя в подготовки ее национальных кадров, он посчитал для себя обязательным выучить татарский язык, знал его и постоянно в нем совершенствовался. Академик АН РТ, многолетний председатель специализированного совета по историческим наукам И.Р. Тагиров вспоминал в связи с этим традиционные спичи, которые произносил А.М. Ременников на неформальных посиделках после каждой из защит, произносил на хорошем литературном татарском языке, умело импровизируя по ходу речи. Это вызывало всеобщий и бурный восторг. Но профессор Ременников не только говорил по-татарски, но и читал в оригинале произведения татарских писателей. Вообще, жизнь Республики и ее столицы, национальная и мировая культура, общественная жизнь нашей страны, словом, разносторонность интересов помогала ему в главной работе учебной и воспитательной деятельности.

Многие годы А.М. Ременников был тесно связан с кафедрой всеобщей истории, а позднее – кафедрой истории древнего мира и средних веков Казанского государственного университета, поддерживая тесные научные и дружеские связи с патриархом казанского антиковедения, профессором Аркадием Семеновичем Шофманом (1913–1993).

Научное наследие А.М. Ременникова представлено трудами, посвященными исследованию внешнеполитических факторов в развитии кризиса и падения Римской империи. В 1951 г. в «Вестник древней истории» появилась статья «Война между Римской империей и племенами Северного Причерноморья в 250–251 гг. н.э.», а в 1954 г. в издательстве АН СССР вышла монография «Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н.э.». Ю.К. Колосовская в своей положительной рецензии на эту монографию отмечает, что «рассматриваемый в рецензируемой монографии вопрос о борьбе причерноморских и прикарпатских племен с Римской империей в III в. чрезвычайно важен не только для выяснения общей

проблемы взаимоотношения Рима с варварской периферией, но и для характеристики всего периода в целом, которым начинается постепенное крушение Римской империи» (Вестник древней истории. 1955. № 4. С. 72). В дальнейшем научный интерес А.М. Ременникова переместился на изучение борьбы племен Подунавья с Римом в III–IV вв. н.э., чему он посвятил ряд публикаций в «Вестник древней истории» (1960, № 3; 1967, № 1; 1970, № 2), в кафедральном издании Казанского государственного педагогического института «Проблемы всеобщей истории» (Казань, 1967, вып. 1; 1969, вып. 2; 1974, вып. 4), а также монографию «Борьба племен Подунавья с Римом в первой половине IV в. н.э.» (М., 1954).

В своей статье «Вестготы и Римская империя накануне нашествия гуннов» (Вестник древней истории, 1967, № 1) А.М. Ременников непосредственно вносит свой вклад в изучение большой дискуссионной проблемы об исторической роли варварских народов в падении Римской империи.

За годы своей научно-педагогической деятельности профессор А.М. Ременников опубликовал несколько десятков статей, в том числе две на немецком языке, две монографии и два учебных пособия по теме своих исследований. Научное значение работ А.М. Ременникова подчеркивается интересом к ним не только среди специалистов-антиковедов, но и историков других направлений: так, например, ссылка на публикацию А.М. Ременникова присутствует как в книге выдающегося отечественного историка Л.Н. Гумилева «Открытие Хазарии» (М.: Айрис-Пресс, 2004. С. 88). Вызывают интерес труды А.М. Ременникова и в зарубежной науке, о чем непосредственно свидетельствует ссылка на его монографию на русском языке в книге Т. Бернса (Burns T.S. A History of the Ostrogoths. Bloomingen & Indiannopolis: Indiana University Press, 1991. P. 225). Таким образом, пройдя непростой, но весьма насыщенный жизненный путь, А.М. Ременников оставил после себя весьма значимое научное наследие, без учета которого невозможно плодотворное изучение роли варварских народов в падении Римской империи.

Синицына Клара Романовна

Клара Романовна Синицына – историк, краевед¹⁹

Клара Романовна Синицына (Захарова) считала себя ученицей выдающихся казанских ученых Евгения Ивановича Устюжанина и Ефима Григорьевича Бушканца.

Становление и формирование Клары Романовны как ученого-специалиста неразрывно связано с именами учителей и коллег – Г.Н. Вульфсона, В.М. Дьяконова, И.М. Ионенко, М.К. Мухарямова, Н.П. Мунькова, А.Л. Литвина, М.З. Тутаева и др. Это, а также активная и плодотворная работа в Государственном (ныне Национальном) музее нашей республики и Казанском государственном педагогическом институте определили чётко выраженную историко-краеведческую направленность тематики её научной, публикаторской и педагогической деятельности. Являясь автором 70 научных работ разного характера, Клара Романовна Синицына безусловно являлась видным и авторитетным специалистом по историческому краеведению в Татарстане во второй половине XX века.

---

¹⁹ Статья написана по материалам доклада на Республиканской научной конференции «Историческое краеведение в Татарстане» 21-22 декабря 2002 года к 70-летию со дня рождения К.Р. Синицыной (1932-1997 гг.): *Синицын О.В. Клара Романовна Синицына: историк, краевед // Историческое краеведение в Татарстане. – Казань: Изд-во Института истории АН РТ, 2004. - С. 9-17.*

Условно научное наследие К.Р. Сеницыной можно подразделить на три группы (что, во многом, определило и этапы ее научно-исследовательской деятельности).

Музееведческие исследования. Наиболее значительными из них являются: Казанский музейный вестник. 1920-1924 гг. Труды Госмузея ТАССР. Казань, 1963; Создание исторических музеев в Казани // из истории Татарии. Учёные записки КГПИ. Казань, 1965; Музей пролетарской революции в Казани // Из истории Татарии. Казань, 1966; Роль научных и краеведческих обществ в музейном строительстве в Татарии в 1920-1930-х годах. Там же; Литература и источники по истории музейного строительства в Татарской АССР // Очерки истории музейного строительства в СССР. Вып.7. М., 1971; Диссертация и автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Музейное строительство в Татарской АССР (1917-1967). Казань, 1970; Школьный музей (в соавторстве с И.М. Абдрашитовой). Казань, 1973.

Историко-краеведческие исследования. Среди них наиболее значительные это: Журнал «Краеведение» (1923-1929 гг.) о сущности и предмете краеведения // Вопросы историографии и источниковедения. Учёные записки КГПИ. Казань, 1974; К вопросу о предмете и сущности краеведения (по материалам журнала «Советское краеведение» (1930-1936 гг.) // Историография и источниковедение истории СССР. Учёные записки КГПИ. Казань, 1977; К вопросу исторического краеведения (из опыта работы Татарии) // Поволжский край. Межвузовский научный сборник. Саратов. 1979. № 6 (в соавторстве с И.М. Ионенко и Н.М. Силаевой); Историческое краеведение. Учебное пособие. Казань, 1983.

Исследования по истории Татарстана и истории края, включающие в себя как научные разработки, так и учебные пособия для средней школы: Речники Татарии. Казань, 1977 (в соавторстве с Л.Н. Фурером и Г.М. Лукьяновым); История Татарской АССР. Учебное пособие для средней школы (на русском и татарском языках). Казань, 1985 (в соавторстве с В.В.

Кузьминым и Р.Г. Фахрутдиновым); Автомобильный транспорт Татарии. Казань, 1987 (в соавторстве с М.З.Тутаевым и А.Н.Ахметовым); Культура, литература и история родного края. Пробный учебник для 6 класса русских школ. Часть 4. Раздел I «Из истории края». Казань, 1990; История Татарстана и татарского народа (вторая половина XVI – XVIII в.) Учебное пособие для средних школ, гимназий, лицеев. Казань, 1995. 1-е изд. Казань, 2000. 2-е изд. доп. и перераб. (на русском и татарском языках).

Из названных выше научных трудов К.Р. Сеницыной первой группы особо выделяется её кандидатская диссертация «Музейное строительство в ТАССР в 1917-1967 гг.». Хотя с тех пор прошло уже 35 лет, данное исследование сохраняет своё научное и практическое значение, свидетельством чему стала инициатива руководства и заинтересованная, кропотливая работа сотрудников Национального Музея Республики Татарстан по подготовке к изданию этой диссертации, за что выражаю всему коллективу музея свою личную благодарность.

Возвращаясь мысленно назад в 1970 год – год защиты данной диссертации, приведу из семейного архива несколько интересных, на мой взгляд, выдержек из стенограммы №9 заседания диссертационного совета по присуждению учёных степеней по историческим и филологическим наукам Казанского государственного университета от 26 ноября 1970 года:

«Председатель совета доктор филологических наук Н.А. Гуляев предоставляет слово диссертанту К.Р. Сеницыной: Прежде чем приступить к освещению основных положений и выводов диссертации, позвольте склонить голову перед памятью научного руководителя работы, Заслуженного деятеля науки Татарской АССР, прекрасного педагога и методиста, доброжелательнейшего человека, члена Ученого Совета Государственного музея в течение трех десятилетий Евгения Ивановича Устюжанина». И далее: я глубоко благодарна за помощь в работе над диссертацией коллективу Государственного музея ТАССР, директору Владимиру Михайловичу Дьконову – ветерану музейного дела; бывшему

заместителю директора, ныне доктору филологических наук, профессору Ефиму Григорьевичу Бушканцу... Я признательна коллективам кафедр Истории СССР государственного университета и педагогического института и особенно Н.П. Мунькову, А.Л. Литвину, Г.Ф. Шамову, И.М. Ионенко, которые с большим участием отнеслись ко мне, когда не стало Евгения Ивановича и помогли мне подготовить работу к защите».

Защита диссертации прошла успешно. Один из официальных оппонентов доктор исторических наук, профессор М.К. Мухарямов в своём отзыве отметил, что исследование К.Р. Сеницыной является «солидным вкладом в изучение одной из отраслей культурной революции», что в ней «ставятся некоторые задачи, требующие решения в интересах дальнейшего развития и повышения уровня музейной работы в республике». В заключении профессор М.К. Мухарямов внёс предложение опубликовать работу К.Р. Сеницыной.

Другой официальный оппонент доктор исторических наук, профессор И.М. Ионенко в своём отзыве подчеркнул, что «К.Р. Сеницыной выполнена огромная работа по истории Государственного музея, районных краеведческих музеев г.Казани», что исследование Клары Романовны представляет для него особый профессиональный интерес, «поскольку оно содержит большой материал по истории исторической науки, развитию археологии и этнографии в Казани за последние 70-100 лет и обогащает методику исследования». И.М. Ионенко поддержал предложение М.К. Мухарямова, чтобы кандидатская диссертация К.Р. Сеницыной была «подготовлена к печати и изданию как можно скорее в интересах дальнейшего совершенствования музейного дела».

Внешний официальный отзыв на диссертацию К.Р. Сеницыной представил Научно-исследовательский институт культуры (Москва), подготовленный заведующим сектором теории и истории музейного дела, канд. ист. наук, доцентом В.В. Ложкиным.

На автореферат диссертации К.Р. Сеницыной поступили отзывы авторитетных и признанных специалистов музееведения тех лет:

1. Отзыв Центрального музея Революции, подписанный директором музея А.И. Толстихиной.

2. Отзыв Государственного исторического музея, подписанный зам. директора, кандидатом исторических наук В.В. Раушенбахом.

3. Отзыв Государственного музея А.С. Пушкина, подписанный директором музея А.З. Крейном.

4. Отзыв Ярославского историко-архивного музея-заповедника.

5. Отзыв Министерства культуры Литовской ССР.

6. Отзыв Свердловского областного краеведческого музея.

7. Отзыв кафедры истории советского общества Воронежского государственного университета, подписанный зав. кафедрой И.М. Климовым.

Все отзывы были положительными как по отношению к актуальности, научной практической значимости диссертации, так и по отношению к основному содержанию автореферата работы К.Р. Сеницыной.

Итогом защиты стало голосование членов Диссертационного совета, которые единогласно высказались за присуждение соискателю учёной степени кандидата исторических наук.

Отдельные разделы и части диссертации «Музейное строительство в Татарской АССР (1917-1967 гг.)» были опубликованы в виде статей (как до защиты, так и после неё). Некоторые аспекты нашли отражение в таких изданиях как «Школьный музей» (в соавторстве с И.М. Абдрашитовой) и «Историческое краеведение».

Первая небольшая по объёму брошюра содержала очень ценные и полезные методические и практические рекомендации по созданию и историко-краеведческой деятельности школьных музеев. Десятки учителей нашей республики учились по этому пособию организовывать школьные

музеи разных профилей, учитывать и хранить собранный материал, создавать выставки и экспозиции.

Во второй работе, являющейся учебным пособием для студентов педагогических вузов, рассматриваются вопросы предмета и сущности исторического краеведения, истории краеведения в Казанской губернии и Татарской АССР, даётся обзор основных источников исторического краеведения, характеризуется опыт работы разных музеев республики, излагаются методические принципы организации и деятельности музеев, а также форм школьной внеклассной краеведческой работы.

В конце 1970-х начале 80-х годов в историко-краеведческой литературе развернулась дискуссия о предмете и сущности исторического краеведения, восходящая своими корнями к полемике 1920-3—х годов. Клара Романовна приняла активное участие в дискуссии, опубликовав две статьи и выступив с докладом на Всесоюзной конференции в Минске. Она предложила своё понимание предмета и сущности исторического краеведения как своеобразного метода исторического исследования. Для этого метода характерны локальность, комплексное использование источников, выявление наряду с общими закономерностями особенного, присущего лишь данному краю, выявление причин, обуславливающих эти особенности, своеобразная методика выявления источников (Синицына К.Р. Историческое краеведение. С.8). К.Р. Синицына всегда считала историческое краеведение и историю края (или историю республики) различными дисциплинами как по своему предмету, так и по своим задачам.

Важной составляющей частью научной и общественной деятельности К.Р. Синицыной была работа по охране памятников истории и культуры. В начале 90-х годов она приняла участие в подготовке и издании первого каталога-справочника памятников истории и культуры Республики Татарстан (См.: Республика Татарстан: памятники истории и культуры. Каталог-справочник. Руков. Авторского коллектива Ю.И. Смыков. Казань, 1993. С. 9, 261-263, 287-291).

В 1970-90-е годы научные интересы Клары Романовны сконцентрировались на изучении истории Татарстана и истории края. В те годы группа учёных Казанского педагогического института под руководством М.З. Тутаева включилась в разработку и написание истории предприятий и организаций Татарской республики. Клара Романовна приняла деятельное участие в этой важной и нужной работе. В соавторстве с Л.Н. Фурером была написана история речного транспорта, вышедшая под названием «Речники Татарики» (Казань. 1977), в соавторстве с М.З. Тутаевым - история автомобильного транспорта общего пользования, вышедшая книгой под названием «Автомобильный транспорт Татарики» (Казань, 1987); в соавторстве с Тутаевым М.З., Крашенинниковой Т.П., Сеницыным О.В., Шмелевой Н.А. была написана история химкомбината им. М.Вахитова, оставшаяся неопубликованной, и в соавторстве с З.З. Мифтаховым, Н.П. Муньковым, О.В. Сеницыным была подготовлена рукопись истории Казанского государственного педагогического института (1876-1996), также пока неопубликованная.

Особое место в последние годы жизни и работы Клары Романовны Сеницыной заняло написание учебников, учебных пособий и учебных программ по истории Татарстана и татарского народа для учащихся средних школ.

Продолжая традиции кафедры истории СССР, заложенные Е.И. Устюжаниным, Н.П. Муньковым, А.Л. Литвиным, И.М. Абдрашитовой как авторов школьных учебников по истории родного края и истории ТАССР, К.Р. Сеницына стала соавтором Р.Г.Фахрутдинова и В.В. Кузьмина по написанию нового поколения школьных учебников по истории ТАССР (на русском и татарском языках), выдержавших несколько изданий в 1980-е годы. Она также стала автором раздела по истории края пробного учебника для 6 класса русских школ «Культура, литература и история родного края (Казань, 1990. Вып. IV). Наконец в 1995 г. издательством «Магариф» было выпущено авторское учебное пособие К.Р. Сеницыной для средних школ,

гимназий и лицеев «История Татарстана и татарского народа (вторая половина XVI – XVIII вв.)» тиражом 65 тыс.500 экземпляров. Наверное, не будет преувеличением, если сказать, что это был удачный опыт разработки и написания школьного учебника по истории Татарстана. Во всяком случае не было пока никаких явных рекламаций по поводу этого учебника как со стороны учёных, так и учителей. Не случайно издательство «Магариф» направило именно это учебное пособие на конкурс для детей и юношества, проведенный в 1997 г. ЮНЕСКО. Среди учебных пособий и учебников по региональной истории труд К.Р. Сеницыной был признан лучшим.

Историко-краеведческое научное и методическое наследие К.Р.Сеницыной продолжает жить и после безвременной кончины Клары Романовны. В 2000 г. вышло дополненное и исправленное издание учебного пособия «История Татарстана и татарского народа (вторая половина XVI – XVIII вв.)» тиражом 26 тыс.500 экземпляров. Как уже говорилось выше готова к печати (в исправленном и отредактированном виде) кандидатская диссертация К.Р. Сеницыной. Признанием заслуг Клары Романовны Сеницыной в научной разработке проблем исторического краеведения в Татарстане является и сегодняшняя республиканская научная конференция.

К.Р. Сеницына о научно-экспозиционной работе Государственного музея ТАССР в 1940-1960-х годах²⁰

Клара Романовна Сеницына как ученица Владимира Михайловича Дьяконова, Ефима Григорьевича Бушканца и других авторитетов музейного дела одним из важнейших направлений в деятельности музеев и в своей работе отводила научно-экспозиционному строительству.

1940-1960-е годы стали одними из наиболее успешных в этом направлении, что в огромной степени способствовало повышению авторитета головного музея Казани и Татарстана и выдвижению его на передовые позиции в РСФСР и СССР.

Клара Романовна осветила эту работу музея в диссертации и ряде своих статей¹. Не претендуя на полноту освещения всей этой многогранной и масштабной работы всего коллектива Государственного музея ТАССР в указанный период, из научных и популярных публикаций К.Р. Сеницыной, на мой взгляд, можно выделить следующие основные этапы научно-экспозиционной работы и их результаты в эти годы.

В 1940-60-е годы одним из основных дискуссионных вопросов в музейном строительстве был вопрос о принципах научно-экспозиционной работы: часть учёных и музейных специалистов поддерживала *отраслевой* принцип построения экспозиций, часть – *исторический*.

Казанские учёные, краеведы, музейные работники отстаивали необходимость отраслевой структуры, на том основании, что она даёт наибольшие возможности в плане пропаганды успехов народного хозяйства. Этому способствовало и то, что в послевоенные годы большое внимание уделялось восстановлению достижений народного хозяйства.

---

²⁰ Статья написана по материалам доклада для конференции к 100-летию со дня рождения Владимира Михайловича Дьяконова (1906-1984), директора Государственного музея ТАССР с 1941 по 1978 год: Сеницын О.В. К.Р. Сеницына о научно-экспозиционной работе Государственного музея ТАССР в 1940-1960-х годов // *Личность-музей-общество: грани взаимодействия: Дьяконовские чтения. К 100-летию со дня рождения В.М. Дьяконова.* – Казань: РИЦ «Школа», 2006. - С.87-93.

В связи с подготовкой к 30-летию Октября (1947) особенно остро встал вопрос о состоянии экспозиций по советскому периоду. Этот отдел тогда назывался отделом *соцстроительства* в отличие от *исторического* отдела (с древнейших времен до 1917 года).

Работа по строительству экспозиции велась в марте-августе 1947 года. В сентябре новый отдел был принят комиссией партийных и советских организаций Казани и Институтом музееведения (Москва).

Построенная в 1947 году экспозиция была первой исторической экспозицией по истории Татарстана за годы советской власти и знаменовала определенный шаг вперед в деле развития музейной мысли в крае. В 1950 году в связи с 30-летием ТАССР экспозиция 1917-1945 годов была заново перестроена. Было применено более современное оформление, несколько дополнены материалами отдельные темы.

В 1949 году была создана первая экспозиция по послевоенному периоду – «Татария в годы 4-ой пятилетки». К.Р. Сеницына отмечает, что она во многом планировалась как историческая экспозиция. Но в разделе сельского хозяйства и культуры материалы были показаны по отраслям производства и культурного строительства – полеводство, животноводство, наука, просвещение, искусство, печать, культпросветработа, физкультура и спорт и т.д.

В связи с желанием максимально приблизить экспозицию к заданной теме – «Наш край сегодня» - в последующие годы она насыщалась новым материалом и изменялась в таком плане, что все меньше показывала процессы развития в крае, все более превращалось в отраслевую экспозицию. Влияющим фактором было также то, что в послевоенные годы вновь значительное внимание уделялось выставкам достижений народного хозяйства, а их методика оказывала воздействие на музей в показе современности.

Следуя этой позиции, коллектив Госмузея ТАССР в начале 1950-х годов работал над созданием большого отдела «Социалистическое хозяйство

и культурное строительство в Татарии». Планы новой экспозиции были разработаны под руководством Е.Г. Бушканца большой группой научных сотрудников музея (Л.И. Ханин, М.А. Ильина, А.А. Мирлин, М.М. Салтыкова, Г.П. Овчинникова, К.А. Казакова). Общее руководство осуществлял В.М. Дьяконов, который в своих воспоминаниях писал: «Коллектив работал с большим подъёмом, с той гражданской взволнованностью, без которой нельзя творить. Люди не считались со временем, уходили из музея за полночь»².

7 ноября 1952 года новая экспозиция была открыта. Она начиналась вводным залом, который давал общую экономическую характеристику республики. Затем следовали три больших раздела – промышленность, сельское хозяйство, культура.

Как впоследствии вспоминал В.М. Дьяконов, ошибка экспозиционеров заключалась в том, что они пытались превратить музейную экспозицию в наглядное пособие для рабочих и колхозников. Музейные работники, дублируя задачи ВДНХ, пытались пропагандировать передовые методы труда³.

Вместе с тем, К.Р. Сеницына подчеркивала, что для своего времени (начало 1950-х годов) эта экспозиция была передовой, так как являлась первой в краеведческих музеях страны экспозицией, отражавшей достижения народного хозяйства края через *подлинные* материалы⁴. Работа над экспозицией, посвященной современности много дала музею. Был собран громадный материал, который изучался и систематизировался параллельно с комплектованием. В связи с этим встал вопрос о профилировании кадров по конкретным проблемам истории, хозяйства и культуры края. Началась подготовка музееведов – специалистов по этим вопросам.

В 1957-1958 годах была создана экспозиция по истории Татарстана в 1917-1945 годах. Вновь под руководством Е.Г. Бушканца над ней работал коллектив сотрудников (Л.И. Ханин, Ю.И. Смыков, М.А. Ильина, А.И. Григорьев, Э.Н. Титова, Г.С. Сергеева, Л.Г. Валеева, Ф.Х. Вагазова).

Большую помощь в работе оказали И.М. Климов, И.М. Ионенко и другие учёные университета, пединститута, КФАН СССР, сотрудники казанских архивов и библиотек.

Музейная общественность страны дала высокую оценку этой экспозиции на расширенной сессии Ученого совета музея (1958), в работе которой приняли участие 120 сотрудников из 60 музеев, сотрудники НИИ музееведения, представители министерств культуры РСФСР и ТАССР. Отмечалось, что экспозиция явилась на том этапе завершением поисков музеев и НИИ музееведения в области научного и специфически музейного показа исторического развития края.

На этом совещании вновь возникла дискуссия о структуре экспозиции «Социалистическое хозяйство и культурное строительство». Позиция Государственного музея ТАССР по этому вопросу подверглась критике. Большинство участников совещания высказались за отражение современных событий в единой исторической экспозиции.

Вопрос о создании в местных музеях исторических экспозиций послевоенных лет еще раз обсуждался на межобластном совещании музейных работников в Пензе в 1959 году. Историческая экспозиция, хотя и имела много сторонников, как выяснилось на совещаниях в Казани и Пензе, не была создана практически ни в одном краеведческом музее. На межобластном совещании в Пензе Е.Г.Бушканец, признав ошибочность взглядов музея на экспозицию современности в предыдущие годы, изложил проект создания исторической экспозиции в Госмузее ТАССР, ее периодизацию и структуру.

В этом же году музей приступил к работе над экспозицией истории послевоенного периода. И уже в 1960 году была создана экспозиция по периоду с 1946 по 1958 годы (авторы – Л.И. Ханин, А.Л. Литвин, Ю.И. Смыков, Э.Н. Титова, Л.Г. Валеева, Г.С.Сергеева; научный руководитель – Е.Г. Бушканец). Клара Романовна отмечала, что «она стала первой исторической экспозицией, созданной в тот период советской истории»⁵. В

1960-1962 годах были открыты новые разделы экспозиции истории Татарстана с древнейших времен до современности.

Однако, как писала К.Р. Синицына, «эти экспозиции были чрезвычайно пёстрыми в подаче материалов и оформлении. Перед музеем встала задача создать полноценную экспозицию всех отделов, основанную на новейших данных исторической науки, с использованием последних достижений советского музееведения»⁶.

Эта задача осложнялась тем, что в 1962-1963 годах штаты музея значительно обновились – перешли на научно-педагогическую деятельность в вузы после защиты диссертаций Е.Г. Бушканец, Ю.И. Смыков, А.Л. Литвин, Л.И. Ханин, Л.Б. Муллина, некоторые сотрудники перешли в другие учреждения, ушли на пенсию.

Однако, используя опыт и помощь ушедших коллег, которые не теряли связь с музеем, пришедшие в музей выпускники университета конца 1950 – начала 1960-х годов под руководством бессменного директора В.М. Дьяконова в сравнительно короткий срок стали высококвалифицированными работниками.

К крупным экспозиционным работам 1960-х годов К.Р. Синицына отнесла создание экспозиций периода империализма и периода 1917-1927 годов. Авторами этих экспозиций были Л.Б. Муллина, Р.А. Каримова, Н.Н. Кучерявенко. С.И. Хасанова, Т.С. Бобченко, Д.Д. Бакирова, Ф.Х. Вагазова, З.Ш. Байгильдеева, Р.В. Трофимова, С.В. Морозова, Л.П. Дмитриева, Л.Г. Жигалко. Научным руководителем была К.Р. Синицына, которая в 1963 году была назначена В.М. Дьяконовым заместителем директора по научной и экспозиционной работе. Бесценными при создании этих экспозиций, как отмечала Клара Романовна, были научные консультации Р.И. Нафигова, Е.И. Устюжанина, Г.Н. Вульфсона, Н.И. Воробьева, Е.П. Бусыгина, М.К. Мухарямова, И.М. Ионенко, И.Р. Тагирова, А.М. Залялова, А.Л. Литвина, К.А. Назиповой, М.А. Сайдашевой.

Работая над новой экспозицией, авторы и художники широко использовали тематико-экспозиционные комплексы, совершенствовали методы планового комплектования музейных фондов и создания корреспондентских пунктов.

Позднее в своей кандидатской диссертации К.Р. Синицына не без оснований дала следующую оценку кропотливой, самоотверженной и целенаправленной работе коллектива музейщиков –шестидесятников: «Две эти экспозиции Госмузея ТАССР, в которых максимально были использованы достижения советской исторической науки и музееведения, свидетельствуют о значительном научном и профессиональном росте кадров музея»⁷.

Затем были построены новые экспозиции по дореволюционному периоду, археологии, природы, литературы и другие. Их создание стимулировало расширение научно-исследовательской работы, дальнейшее укрепление связей с научными учреждениями, систематическое изучение деятельности других музеев.

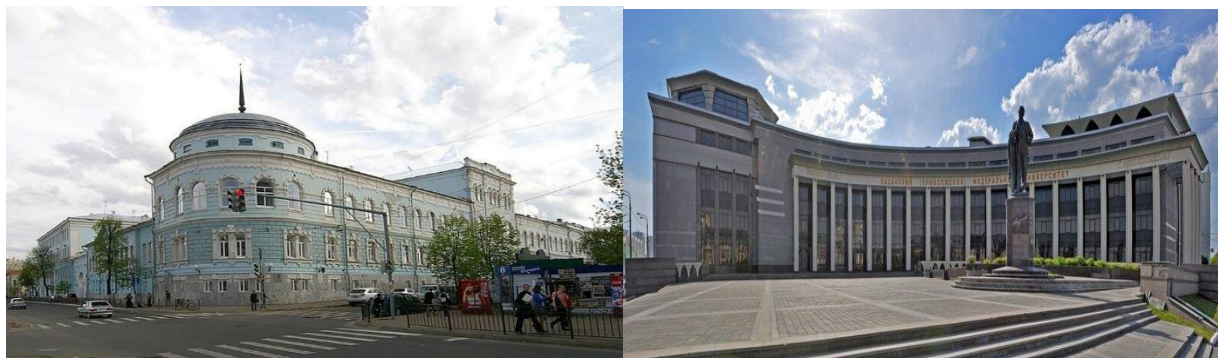
Этому в немалой степени способствовали организованные для повышения квалификации «дни учёбы» в своём музее и стажировки в центральных и крупных местных музеях. Клара Романовна писала, что «в эти годы коллектив в целях изучения опыта работы выезжал в музеи Москвы, Ленинграда, Ульяновска, Горького, Ярославля, Куйбышева, Курска, Свердловска, Уфы, Перми, Харькова, Киева, Красноярска, Орла. В свою очередь в Казани в последние годы побывали представители 92-х музеев страны»⁸.

Незабываемы были и две поездки коллектива музея, организованные В.М. Дьяконовым, в которых и мне посчастливилось участвовать. Когда у музея появился свой автобус «Кубань» по инициативе Владимира Михайловича были организованы экскурсии экспедиции по маршрутам «Казань-Брест» и «Казань-Киев» с посещением десятков городов и музеев страны. Памятно радушие, с которым встречали казанских музейщиков их

коллеги, организовывали интереснейшие экскурсии, обменивались опытом музейного дела. Памятен также и дух коллективизма, единства наших музейных сотрудников, у которых удивительно сочетались творчество, научность, работоспособность с подлинно дружескими отношениями, жизненной помощью и поддержкой, умением ударно работать и весело, коллективно отдыхать. Наверное, это в немалой степени помогало решать новые и новые задачи экспозиционной и научной работы Госмузея в те годы.

Примечания

1. Синицына К.Р. Полвека музеев Казани и Татарии. Очерки истории 1917-1967 годов. Казань, 2002. С.210-220. Она же: Научно-экспозиционная работа музеев Татарии в период завершения строительства социализма (1946-1958) // Из истории Татарии. Казань, 1973. С. 93-113.
2. Синицына К.Р. Научно-экспозиционная работа музеев Татарии... С.111.
3. Там же. С.100.
4. Там же
5. Синицына К.Р. Полвека музеев Казани и Татарии...С.210.
6. Там же. С.213.
7. Синицына К.Р. Полвека музеев Казани и Татарии...С.216.
8. Синицына К.Р. Научно-экспозиционная работа музеев Татарии...С.107.

ШКОЛА ИСТОРИКОВ КГПИ-КГПУ-ТГГПУ: НАУЧНЫЕ ПРАКТИКИ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИССИЯ²¹

В современной историографии профессиональные научные сообщества, в том числе и научные школы, становятся предметом особого внимания, Эти инновационные подходы характерны как для европейской исторической науки (Р.Коллинз, П.Бурдьё, К.Боулинг и др.), так и для отечественной (Г.П.Мягков, Б.С.Каганович, В.П.Корзун, С.Н.Погодин, Л.П.Репина, Е.А.Ростовцев, А.Н.Цамутали и др.).

Этот ряд исследований можно дополнить, изучая такой феномен, как поколение в науке. Сравнительное изучение поколений историков дает новый угол зрения на многие общие проблемы исторической науки, в частности, проблемы преемственности и разрыва научной традиции. Интерес в этой связи представляет поколение историков процесс профессионального становления, которых пришелся на 1930-1950 гг. Многие из них и их учеников в 1960-1970 гг. становятся знаковыми фигурами отечественной исторической науки, продолжая выдерживать высокий научный уровень и в перестроечное время.

Интерес в этом ключе представляет становление и развитие школы историков в Казанском педагогическом институте/университете и, в

---

²¹ Статья подготовлена в 2012 году к 200-летию педагогического образования в Поволжье в качестве доклада на Международной научно-практической конференции: *Синицын О.В. Школа историков КГПИ-КГПУ-ТГГПУ: научные практики и образовательная миссия // Педагогическое образование в России: прошлое, настоящее, будущее: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию педагогического образования в Поволжье (Казань, 3-5 октября 2012 г.) / под ред. Р.А.Валеевой. – Казань: Казан. ун-т, 2012. – С.103-107.*

частности, кафедры истории России (ранее истории СССР и отечественной истории).

Становление исторического образования в ТГГПУ имеет глубокие корни, идущие от Казанского университета XIX века и Казанского учительского института. После образования исторического факультета в составе Казанского педагогического института в 1918/1919 учебном году пополнение научного сообщества шло за счёт притока «внешнего элемента» - кадров историков дореволюционной или «старой школы» и выпускников столичных вузов, принесших с собой традиции тех научных центров, в которых они были воспитаны – Московский, Ленинградский, Казанский университет.

Большую роль в становлении и развитии исторического образования в Казанском педагогическом институте сыграли видные учёные, талантливые педагоги высшей школы В.В.Адоратский, профессора П.Г.Архангельский, С.А.Пионтковский, Н.Н.Фирсов, Г.Губайдуллин, Е.И.Чернышов.

После ликвидации историко-филологического факультета в Казанском университете и создании в августе 1922 года Восточного педагогического института Казани именно в нём на долгие годы 1920-30-х годов продолжилась подготовка историков и обществоведов с высшим образованием. На работу в ВПИ перешли известные учёные Н.Н.Фирсов, С.П.Сингалевич, М.Д.Бушмакин, В.Т.Дитякин.

Н.Н.Фирсов с 1922 года заведует секцией истории, где он заложил основы краеведческого направления научных исследований по истории российского крестьянства.

В 1920-е годы на факультете работал профессор Г.Губайдуллин, видный татарский учёный, внесший серьёзный вклад в научную разработку проблем происхождения хазар, истории торгового класса приволжских татар.

В конце 1920-х – 30-х гг. на историческом факультете начали плодотворную деятельность первые выпускники Казанского педагогического института В.И.Адо, Х.Г.Гимади, Е.В.Грачев, А.Н.Григорьев, Р.Ш.Тагиров, Е.И.Чернышев. Они продолжили традицию в изучении истории местного

края, особенно крестьянского движения, закладывали основы школы всеобщей истории в ТГГПУ.

Последующее формирование и развитие школы историков Казанского педагогического института получило продолжение в новых условиях, с опорой на собственные традиции и использование лучших достижений отечественной исторической науки.

В 1935 году после окончания аспирантуры в Ленинграде у академика Б.Д. Грекова начал свою деятельность в КГПИ Евгений Иванович Устюжанин, который, безусловно, стал одним из основателей сообщества историков Казани послевоенного периода. Участник Великой Отечественной войны Е.И.Устюжанин, вернувшись в Казань в 1947 г. защитил кандидатскую диссертацию и возглавил кафедру истории СССР, которой он заведовал в течение 20 лет.

В 1939 году, также приехав из Ленинграда, после окончания ЛГПИ, на должность старшего преподавателя кафедры истории СССР был принят Иван Михайлович Ионенко. Отвоевав на фронтах Великой Отечественной, И.М.Ионенко вернулся в Казань, в КГПИ и в ноябре 1945 г. был назначен деканом исторического факультета, проработав в этой должности до 1947 г. Дальнейшая жизнь и деятельность И.М.Ионенко связана с Казанским университетом, где он заведовал кафедрой истории СССР, возглавлял исторический факультет, был председателем диссертационного совета по историческим специальностям. За эти годы он дал путевку в жизнь многим молодым ученым, в том числе и из Казанского педагогического вуза.

В 1941 году преподавательскую и научную деятельность на историческом факультете КГПИ ведут эвакуированные из Москвы в Казань академики Б.Д.Греков, Е.А.Косминский, С.П.Обнорский, Е.В.Тарле. Они оказали бесценную помощь творческому, научному росту историков института, показали блестящий пример популяризации исторических знаний среди населения Казани.

В послевоенный период продолжилось плодотворное влияние московской и петербургско-ленинградской школ историков на учёных-педагогов Казанского педагогического института.

Дальнейшее формирование коллектива научно-педагогических кадров исторического факультета и исторического отделения в составе историко-филологического факультета КГПИ связано с продолжением функционирования традиций научного сообщества историков Казанского университета, Института истории при Казанском отделении АН СССР и Казанского пединститута. В 1940-60-е годы наряду с прежними опытными кадрами А.Н.Григорьевым, Е.И.Горбачевой, Н.Н.Яснитской, А.И.Черновым, на кафедре истории СССР начали свою деятельность молодые преподаватели, выпускники КГУ. В 1945 г. на работу в КГПИ пришел Николай Петрович Муньков, который прошел путь от ассистента до профессора, заведующего кафедрой, декана, проректора по учебной работе и трудился в коллективе более полувека. Именно с его именем связано продолжение и развитие сложившихся научных направлений кафедры, которую он возглавил в 1967 г. и заведовал ею до 1985 г. Ныне лучшие студенты исторического факультета, успешно ведущие научные исследования по решению учёного совета ТГГПУ становятся именными стипендиатами в честь и память Н.П.Мунькова.

В 1953 г. на кафедру истории СССР пришла И.М.Абдрашитова, в 1963г. – А.Л.Литвин, в 1969 г. - В.В.Иванов, в 1970 г. – К.Р.Синицына. С их деятельностью связано развитие источниковедческо-историографического направления научных исследований, продолжение многогранного изучения истории и культуры Поволжья, прежде всего важнейших вопросов истории Татарстана, зарождение нового направления исторических исследований – теоретико-методологического, ориентация в работе на подготовку научно-педагогической смены из числа выпускников факультета. В.В.Иванов, А.Л.Литвин, стали докторами исторических наук, профессорами. С 1967 г. кафедрой истории СССР на протяжении ряда лет публиковались сборники

«Вопросы историографии и источниковедения», продолжался выпуск сборника «Из истории Татарии», на страницах которого печатались работы как историков КГПИ, так и учёных из университетов Казани, Москвы, Самары и других городов России. В 1960-е – 70-е годы подготовка научно-педагогических кадров шла через аспирантуру по специальностям «отечественная история», «историография, источниковедение и методы исторического исследования» (научные руководители – Е.И. Устюжанин, Н.П. Муньков, А.Л. Литвин, В.В. Иванов). В начале 1990-х годов возобновлена подготовка выпускников через аспирантуру по специальности «отечественная история» (научные руководители З.З. Мифтахов, О.В. Сеницын, Ю.Н. Иванов, Г.М. Мустафина).

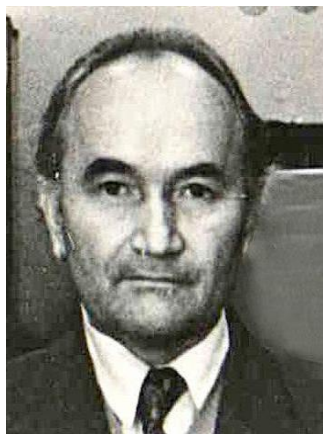
В настоящее время на отделении исторического образования Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета научно-педагогическую работу ведут в основном выпускники ТГГПУ (КГПИ, КГПУ): все зав. историческими кафедрами – кандидат исторических наук, доцент Г.М.Мустафина, доцент Р.Ш.Нигматуллин, зав.отделением доктор исторических наук, профессор О.В. Сеницын, 8 кандидатов наук, доцентов.

Традициями остаются научно-исследовательская тематика и предметно-преподавательское поле деятельности современных ученых и педагогов кафедры истории России, а также сотрудничество и взаимовлияние разных возрастных поколений 1950-х и 1980-х годов. Новациями становится внедрение современных информационных и коммуникационных технологий в учебный и научно-исследовательский процесс.

Закономерен вопрос – это преемственность или разрыв традиций. На мой взгляд, в рамках сообщества казанских историков второй половины XX – начала XXI вв. – это всё же преемственность. Историки высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов тесно взаимосвязаны как в научной деятельности, так и в преподавательской. Так выпускники исторического факультета ТГГПУ продолжали обучение в аспирантуре КГУ, института истории им. Ш.Марджани АН РТ (А.Г.Ситдинов,

А.Н.Валиахметов, Ю.А.Железнякова и др.), а ныне, став кандидатами наук, трудятся в одном вузе: А.Г. Ситдилов - зав.кафедрой археологии и этнографии КФУ, А.Н. Валиахметов – доцент кафедры истории России и методики преподавания, Ю.А. Железнякова - доцент КГЭУ. Выпускники аспирантуры ТГГПУ также востребованы другими высшими учебными заведениями: Х.М. Абдуллин, кандидат исторических наук, работает в Институте истории им. Ш.Марджани АН РТ, И.З. Гарафиев, кандидат исторических наук – в КГТУ, кандидаты исторических наук И.В. Корнилова (Утробина), А.А. Уткин – в Набережно-Челнинском пединституте.

Уже традиционными стали совместные конференции исторических факультетов ТГГПУ и КГУ (ныне объединенных в составе Института истории КФУ) к юбилейным датам. С 2001 г. проведены 4 таких конференции: к 120-летию, 125-летию и 130-летию ТГГПУ, к 90-летию исторического факультета ГГПУ, материалы которых изданы.

НАУЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ РОССИИ И КАФЕДРЫ ИСТОРИИ ТАТАРСТАНА²²

Кафедры истории России и истории Татарстана были созданы в соответствии с решением Ученого совета КГПУ от 01.09.98 г. и приказом ректора от 03.09.98 г. Они являются правопреемниками кафедр истории СССР и Отечественной истории, продолжателями их плодотворных традиций в научной, методической, учебно-воспитательной работе на историческом отделении и историческом факультете ТГГПУ. Кафедра отечественной истории была организована в 1918 г. при создании на базе учительского института Казанского государственного педагогического института (октябрь 1918 года). Она входила в состав историко-социального факультета. Кафедра истории СССР в составе исторического факультета была создана в 1934/35 учебном году, когда был воссоздан Казанский государственный педагогический институт (приказ Наркомпроса РСФСР от 19 августа 1934 года о преобразовании Восточно-педагогического института в КГПИ). Кафедра истории СССР была переименована в кафедру отечественной истории в 1992 году после распада СССР. Большую роль в становлении и развитии этих кафедр сыграли видные ученые-историки,

---

²² Статья написана в соавторстве с зав. кафедрой истории Татарстана ТГГПУ профессором Зуфаром Зайниевичем Мифтаховым к 130-летию Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета в 2006 г.: *Синицын О.В. Научные направления и научные исследования кафедры истории России и кафедры истории Татарстана // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. Казань, 2006 -. № 6. - С. 71-78 (в соавторстве с З.З. Мифтаховым).*

талантливые педагоги высшей школы академик В.В. Адоратский (1878-1945), профессора Н.Н. Фирсов (1864-1933), С.А. Пионтковский (1891-1937), Г. Губайдуллин (1887-1937), В.В. Иванов (1939-2004), А.Л. Литвин (род. в 1931 г.), доценты Е.В. Грачев (1902-1976), Е.И. Чернышев (род. в 1893 г.), Е.И. Устюжанин (1902-1968), Н.П. Муньков (1923-2002), И.М. Абдрашитова (1929-1990), К.Р. Сеницына (1932-1997), Р.М. Бикметова (род. в 1926 г.). Они заложили и основные научные направления, которые успешно развиваются современными учеными-историками. Традиционными направлениями НИР профессорско-преподавательского состава этих кафедр являются: разработка отдельных проблем истории Татарстана и татарского народа; краеведческие исследования; историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории; археологические изыскания; научные исследования по методике преподавания истории и общественно-политических дисциплин; разработка и написание учебников и учебных пособий по истории Татарстана для средних общеобразовательных школ и студентов вузов. После ликвидации историко-филологического факультета в Казанском университете начале 20-х годов ряд историков перешли на работу в Казанский пединститут. В их числе был известный ученый Н.Н.Фирсов, который с 1922 года заведует кафедрой истории. Здесь Н.Н.Фирсов одним из первых заложил основы краеведческого направления и научных исследований по истории российского крестьянства. По поручению ЦК Истпарта им была организована секция по сбору материалов для создания истории крестьянского движения в крае. В 1921 году Н.Н.Фирсов занимался в Москве, изучая архивные фонды канцелярии Временного правительства, МВД и временного управления по делам милиции. В результате в 1922 году им была написана работа "Крестьянская революция 1917 года (до октября) и Временное правительство. (Очерк по архивным материалам)". Работая в этом же направлении до 1927 г., он завершил и опубликовал книгу "Крестьянская революция на Руси в XVII веке. Исторический очерк" (М.-Л., 1927). Из большого числа различных публикаций по краеведению выделяется

брошюра Н.Н.Фирсова "Прошлое Татарии. Краткий научно-популярный исторический очерк. (Казань, 1926). В 1920-е годы на кафедре работал профессор Г.Губайдуллин, видный татарский ученый, внесший серьезный вклад в научную разработку отдельных проблем истории края. К их числу относятся такие, как происхождение хазар, история торгового класса приволжских татар, пугачевщина и татары. В 1925 г. он переехал в Самарканд, в университете которого протекала его дальнейшая научная и педагогическая деятельность. В 1920-х – начале 30-х годов на кафедре начали плодотворную деятельность первые выпускники Казанского педагогического института Х.Г.Гимади, Е.В.Грачев, А.Н.Григорьев, Р.Ш.Тагиров и др. Они заложили прочные традиции в изучение истории местного края в периоды феодализма (Х.Г.Гимади), капитализма (Е.И.Чернышев) и в советское время (Р.Ш.Тагиров, Е.В.Грачев). Изучая историю крестьянских движений в Казанской губернии накануне и после отмены крепостного права, Е.И.Чернышев обнаружил в архиве ценнейший документ – речь А.П.Щапова, посвященную памяти крестьян, расстрелянных в апреле 1861 г. в селе Бездна за выступление против крепостных пережитков крестьянской реформы. В дальнейшем крестьянская проблематика стала основной темой его научных изысканий, и Е.И.Чернышев опубликовал серию статей под общим названием "Из истории крестьянских движений в Казанском крае". В 1935 году после окончания аспирантуры в Ленинграде у академика Б.Д.Грекова начал свою деятельность в КГПИ Е.И.Устюжанин, где он проработал 33 года, пройдя путь от старшего преподавателя до доцента, заслуженного деятеля науки республики, заведующего кафедрой истории СССР. В 1941-1942 гг. на объединенной кафедре истории, которую возглавлял доцент М.Д.Бушмакин, работали эвакуированные в Казань крупнейшие советские историки – академики Б.Д.Греков, Е.В.Тарле, член-корр. ПН СССР А.М.Панкратова. Они внесли большой вклад в разработку многих важных вопросов отечественной истории, оказывали бесценную помощь творческому и научному росту историков института, выступая с

публичными лекциями перед казанцами, показали блестящий пример популяризации исторических знаний среди населения. Так, академик Б.Д.Греков выступил с публичной лекцией на тему "Славяне в древности", в которой важное место уделялось вопросу о борьбе Руси за создание своего государства. В 1942 г. им была опубликована книга под одноименным названием. В 1941 – начале 1942 года он подготовил новое издание монографии "Киевская Русь", дополнив ее главой "Военный строй Киевской Руси". В 1942 г. исполнилось 700 лет со дня Ледового побоища. Этому событию также посвящались лекции Б.Д.Грекова. В них раскрывалась картина немецкой агрессии против русских земель и Прибалтики в XII-XIII вв., показывалось значение разгрома крестоносцев. Особое внимание при этом было уделено жизни и деятельности Александра Невского. Б.Д.Греков также опубликовал в "Ученых записках" КГПИ одну из своих статей "О закупах "Русской правды", где нашли отражение разрабатываемые им проблемы Древней Руси. Академик Е.В.Тарле выступил с лекцией "Гитлеровщина и наполеоновская эпоха", в которой, опираясь на факты истории, убедительно доказал неизбежность провала гитлеровских планов "молниеносной войны". На одной из научных конференций он выступил с докладом "Парижский мир 1856 года", представлявшим часть обширного исследования о Крымской войне, позднее удостоенного Государственной премии. В послевоенный период окончательно оформились основные направления в работе кафедры истории СССР. По разным причинам в первые послевоенные годы из института ушли высококвалифицированные преподаватели и уже известные ученые: Х.Г.Гимади был назначен заведующим сектором истории СССР вновь организованного Казанского филиала АН СССР, И.М.Ионенко стал руководителем кафедры истории СССР Казанской высшей партийной школы, а впоследствии одноименной кафедры Казанского государственного университета. В 1947 году кафедру истории СССР в КГПИ возглавил Е.И.Устюжанин, который заведовал ею в течение 20 лет до 1967 года. С его именем и связана организация учебного

процесса и научных исследований на кафедре, укрепление ее традиций. Продолжая исследования Е.И.Чернышева, Е.И.Устюжанин в 1947 г. защитил кандидатскую диссертацию о крестьянском движении в Казанской губернии накануне и после отмены крепостного права. Е.И.Устюжанан одним из первых в советской историографии подробно исследовал историю известных бездненских событий, характеризуя их как "бездненское восстание" (ныне употребляется более обоснованный термин "бездненское волнение"). Выводы казанского ученого-историка о событиях в селе Бездна прочно вошли в историческую литературу. Много сил, энергии и научного поиска отдал Е.И.Устюжанин изучению вопросов коллективизации сельского хозяйства в Татарстане. Он намеривался развернуть этот труд в большое фундаментальное исследование, превратить его в докторскую диссертацию, но болезнь, а затем смерть помешали осуществлению этого замысла. Но опубликованный им материал по этому вопросу продолжает сохранять свою ценность и в наше время с учетом современных достижений исторической науки в этой области. В 1940-60-е гг. на кафедре наряду с прежними опытными кадрами доцентом А.Н.Григорьевым, старшими преподавателями Е.И.Горбачевой, Н.Н.Яснитской, А.И.Черновым, начали свою деятельность молодые преподаватели, выпускники Казанского университета и пединститута. В 1945 г. на кафедру пришел выпускник КГУ Н.П.Муньков, который прошел путь от ассистента до профессора, заведующего кафедрой, проректора по учебной работе, проработав в нашем вузе более полувека. В 1950-х гг. кафедру истории СССР пополнили Р.М.Бикметова (1951 г.), И.М.Абдрашитова (1953 г.), в 1960-х – А.Л.Литвин (1963 г.), В.В.Иванов (1969 г.), К.Р.Синицына (1969 г.). Продолжение и развитие сложившихся научных направлений кафедры непосредственно связано с именем Николая Петровича Мунькова, который возглавил кафедру в 1967 году и заведовал ею 18 лет до 1985 года. Продолжилось многогранное изучение истории и культуры Поволжья, прежде всего – важнейших вопросов истории Татарстана. А.Л.Литвин изучал проблему "Крестьянство Среднего Поволжья

в гражданской войне". На эту тему им была блестяще защищена докторская диссертация. Р.М.Бикметова изучала деятельность органов советской власти в 1920-30-е гг., завершив свою работу защитой кандидатской диссертации. К.Р.Синицына исследовала под руководством Е.И.Устюжанина и защитила кандидатскую диссертацию на тему "Музейное строительство в Татарии в 1917-1967 годах". И.М.Абдрашитова изучала развитие исторической науки в Татарии в 20-30-е годы. Основные исследовательские материалы Н.П.Мунькова, А.Л.Литвина, Р.М.Бикметовой, К.Р.Синицыной, а также ученых других гуманитарных кафедр – Е.Г.Бушканеца, Б.Ф.Султанбекова, Л.Б.Муллиной, Л.Н.Фурера, – опубликованы на страницах сборников научных статей "Из истории Татарии". В 1960-80-е гг. зародилось и плодотворно развивалось новое научное направление кафедры – историографическое. Его основателем по праву следует считать Н.П.Мунькова, который с 1946 г. начал преподавать курс историографии истории СССР на историческом отделении КГПИ. К 150-летию Отечественной войны 1812 г. (1962 г.) Н.П.Муньков опубликовал монографию "М.И.Кутузов – дипломат". В ней впервые была представлена вся многогранная дипломатическая деятельность выдающегося российского полководца в 1792-1813 гг. Это исследование казанского ученого получило высокую положительную оценку на страницах центральных исторических журналов. Ряд статей Н.П.Мунькова содержит историографическое рассмотрение вопросов русской дипломатии и внешней политики дореволюционной и советской России. В 1973 году им опубликовано учебное пособие "Историография истории СССР", представляющее собой изложение развития исторической мысли в России с древнейших времен до середины XIX в. В 1989 г. оно было дополнено методической разработкой по этому же курсу "В.О.Ключевский – выдающийся русский историк второй половины XIX-начала XX вв.". Историография гражданской войны в Поволжье – тема многочисленных научных исследований доктора исторических наук, профессора А.Л.Литвина, работавшего на кафедре в 1960-1970-х гг. В его

трудах масштабно на материалах обширных архивных (в том числе "секретных") источников, историографической литературы как отечественных, так и зарубежных авторов ярко и глубоко научно освещаются многие дискуссионные вопросы истории России, Поволжья, Татарстана и Казани в 1917-1930-х гг. Ю.К.Краснов – автор ряда статей, посвященных М.Н.Покровскому как историку внешней политики России. На эту тему в 1973 году им защищена кандидатская диссертация. С начала 60-х годов кафедра истории СССР стала научно-методическим центром по написанию учебников, пособий и программ по истории Татарстана для школ республики. В 1962 году учащиеся 7-х классов впервые получили учебное пособие по краеведению, написанное при участии Е.И.Устюжанина и И.М.Абдрашитовой, изданное на русском и татарском языках. В 1970 г. кафедрой было подготовлено новое учебное пособие для средней школы "История Татарской АССР", которое к 1975 г. выдержало четыре издания на русском и татарском языках (авторы Е.И.Устюжанин, И.М.Абдрашитова, Н.П.Муньков). А.Л.Литвин явился соавтором учебного пособия для начальной школы – "Рассказы о родном крае", также выдержавшего четыре издания на русском и татарском языках. Эти пособия получили высокую оценку ученых, педагогов и методистов республики. Дополнением к ним стали пособие для учителей "Школьный музей" (1973 г.), авторами которого являются И.М.Абдрашитова и К.Р.Синицына и учебное пособие К.Р.Синицыной "Историческое краеведение" (1983 г.). Они вызвали большой интерес краеведов и музейных работников и оказались востребованными до настоящего времени учительской и научной общественностью. Свидетельством признания заслуг преподавателей кафедры в области краеведческих исследований стало проведение в 2002 году на базе исторического факультета КГПУ республиканской научной конференции (совместно с Национальным музеем Республики Татарстан) "Историческое краеведение в Татарстане. К 70-летию со дня рождения К.Р.Синицыной". Материалы конференции в 2004 году опубликованы в сборнике научных

статей (отв. ред. профессор О.В.Синицын). Активное изучение вопросов методологии исторической науки началось с 1969 г. – после приглашения на кафедру В.В.Иванова (с 1971 г. доктор исторических наук профессор, в 1985-1988 гг. – заведующий кафедрой истории СССР). При кафедре была открыта аспирантура по специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования. В 1970-1980-х гг. аспиранты профессора В.В.Иванова Г.М.Мустафина, А.П.Кулапин, А.Н.Филатов, В.И.Пискарев, Э.А.Салимова, О.В.Синицын защитили кандидатские диссертации по этой специальности. Г.М.Мустафина (заведующая кафедрой истории России в 1998-2004 гг.), О.В.Синицын (заведующий кафедрой истории России с 2004 г.) после окончания аспирантуры работают на кафедре по настоящее время. Э.А.Салимова начала преподавательскую деятельность на кафедре истории СССР, затем продолжила на кафедре отечественной истории, а в настоящее время – доцент кафедры истории Татарстана. С 1991 до 1998 года кафедрой истории СССР, а затем, переименованной кафедрой отечественной истории заведовал профессор З.З.Мифтахов. Кафедра пополнилась новыми кадрами – выпускниками КГУ, кандидатами исторических наук Ю.Н.Ивановым, А.Н.Гребенкиной (Бикташевой), Р.Р.Исхаковой, А.Ш.Асылгараевой (Кабировой). Они продолжили развивать те же научные направления, которые уже сложились в предыдущие годы. З.З.Мифтахов начал разрабатывать проблемы ранней истории татарского народа, становления и развития его государственности. Ю.Н.Иванов, продолжая "крестьянскую" проблематику кафедры, изучал тему "Духовная культура российского крестьянства"; А.Н.Гребенкина сочетала методические разработки в преподавании истории с историографической темой "Жизнь и творчество академика М.В.Нечкиной", в особенности воссозданием казанского периода ее научной биографии; Р.Р.Исхакова, придя на кафедру, занялась исследованием проблемы "Педагогическое образование в Казанской губернии во второй половине XIX в.". Эта тема впоследствии была ею защищена в качестве докторской диссертации. А.Ш.Асылгараева

продолжила исследование проблемы своей кандидатской диссертации "Женщины Татарстана в годы Великой Отечественной войны", опубликовав после перехода в Институт истории АН РТ монографию с одноименным названием. По инициативе З.З.Мифтахова преподавательский состав кафедры взялся за решение очень востребованной научно-методической работы – написание учебников и учебных пособий по истории Татарстана для средних общеобразовательных школ республики. Учебный курс по "Истории Татарстана и татарского народа" с 1992/93 учебного года вводился в учебные планы татарстанских школ как самостоятельный предмет (ранее он велся как факультатив) с 8 по 11 классы, и Министерство образования РТ обратилось с просьбой к кафедре отечественной истории КГПИ подготовить Программу и учебные пособия по этой учебной дисциплине с древнейших времен до наших дней. В 1993 году издательство "Казань" выпустило книгу "История Татарстана и татарского народа. Часть первая" (авторы: З.З.Мифтахов, Д.Ш.Мухамадеева), а в 1995 г. издательство "Магариф" издало учебник для средних общеобразовательных школ, гимназий и лицеев "История Татарстана и татарского народа. Часть 1. (авторы: З.З. Мифтахов, Д.Ш. Мухамадеева). Автором второй части подобного издания стала доцент кафедры отечественной истории К.Р.Синицына, которая уже имела опыт подготовки школьных учебников по истории Татарстана. В 1980-е годы К.Р.Синицына стала соавтором Р.Г.Фахрутдинова и В.В.Кузьмина по написанию нового поколения школьных учебников по истории ТАССР (на русском и татарском языках). Она также являлась автором раздела по истории края учебника для 6 класса русских школ "Культура, литература и история родного края (Казань, 1990. Вып.IV). В 1995 году издательством "Магариф" было выпущено авторское учебное пособие К.Р.Синицыной для средних общеобразовательных школ, гимназий и лицеев "История Татарстана и татарского народа. Часть 2. (вторая половина XVI-XVIII вв.). В 1996 году это учебное пособие вышло на татарском языке, а в 1997 г. вторым изданием на русском языке. В этом же году издательство "Магариф"

направило это учебное пособие на конкурс на лучшее учебное пособие для детей и юношества, проводимый ЮНЕСКО, и среди учебников по региональной истории оно было признано лучшим. В 1998 году издательство "Дом печати" выпустило авторский "Курс лекций по истории татарского народа. Первая часть" профессора З.З.Мифтахова, в 2001 году вышел дополнительный тираж. В 1994/95 уч. году З.З.Мифтаховым и О.В.Синицыным была возобновлена работа аспирантуры при кафедре по специальности 07.00.02 – Отечественная история. Аспирантка З.З.Мифтахова Д.Ш.Мухамадеева (Муфтахутдинова) работала над диссертационным исследованием темы " Политика Российского государства по отношению к мусульманской конфессии (на примере Татарстана XVI-XIX вв.)", защищенной ею в качестве кандидатской диссертации. Три аспиранта О.В.Синицына также защитили кандидатские диссертации: И.В.Утробина (Корнилова) на тему "Высшее педагогическое образование в Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX вв."; А.А.Уткин по теме "Либеральная интеллигенция Казани 1950-60-х годах XIX в." и Н.С.Суходоев на тему "Начальное образование в Казанской губернии во второй половине XIX в.". С 1998 года кафедры истории России (зав. кафедрой доц. Г.М.Мустафина) и истории Татарстана (зав.кафедрой проф. З.З.Мифтахов), продолжили свою преподавательскую и научную деятельность как самостоятельные структуры в составе исторического факультета КГПУ. При этом традиционные направления научных изысканий профессорско-преподавательского состава этих кафедр получили дальнейшее развитие. О.В.Синицын в 1998 году опубликовал монографию "Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России" (10 п.л.), в 2000 году успешно защитил докторскую диссертацию и был утвержден в звании профессора. Им написано значительное количество статей по теоретико-методологическим проблемам исторической науки, которые получили положительный отклик и признание среди специалистов. С 2001 года по настоящее время профессор кафедры истории России О.В.Синицын

член докторского диссертационного Совета по историческим специальностям в Казанском государственном университете. Различные проблемы истории культуры, образования, религии в Татарстане в 1920-1930-е гг. занимают важное место в научных исследованиях, многочисленных публикациях и докладах на научных конференциях международного, всероссийского, регионального и межвузовского уровня доцентов кафедры истории России Т.П.Крашенинниковой и О.Л.Мальшевой. Историографическое научное направление продолжается в исследованиях выпускников исторического факультета и аспирантуры А.М.Столярова и А.Н.Валиахметова. Старший преподаватель кафедры истории России А.М.Столяров (научный руководитель доцент Ю.Н.Иванов) завершил работу над кандидатской диссертацией "История Великого княжества Литовского в отечественной историографии XIX – начала XX вв.", а ассистент кафедры истории России А.Н.Валиахметов завершил аспирантуру при кафедре историографии и источниковедения КГУ и успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему "Чехословацкий корпус в России (1917-1920 гг.): историография". В последние годы на кафедре истории России большое внимание уделяется источниковедческой подготовке студентов, чему в немалой степени способствует архивная учебная практика. В 2003 году доцент Ю.Н.Иванов и ассистент А.Н.Валиахметов опубликовали методическое пособие для студентов "Источниковедение" (науч. ред. доцент Г.М.Мустафина). Под руководством доцента Т.П.Крашенинниковой в 2002 году вышел из печати выпуск сборника студенческих работ "Из истории Казанского государственного педагогического университета". В настоящее время готовится второй выпуск этого издания. Профессорско-преподавательский состав кафедр истории России и истории Татарстана в 1990-х и начале XXI вв. продолжил разработку и издание учебников и учебных пособий для средних школ, учителей, студентов и школьников. В 2000 г. профессор кафедры истории Татарстана И.А.Гафаров издал книгу "От истоков к истине". Содержание этой книги имеет большое значение для

учителей истории общеобразовательных учреждений и преподавателей вузов. В 2002 г. З.З.Мифтахов издал вторую часть "Курса лекций по истории татарского народа: 1225-1552 гг. (объем 37,95 п.л.). В 2002 году вышел из печати еще один учебник по истории Татарстана для средней школы, подготовленный сотрудниками кафедры истории России доцентами Г.М.Мустафиной, Н.П.Муньковым и совместителем Л.М.Свердловой. ("История Татарстана. XIX век" Казань, 2003). В 2004 году этот учебник был издан и на татарском языке. Большую лепту в дело обеспечения учебного процесса научно-методической литературой для студентов внесли доценты кафедры истории Татарстана Э.А.Салимова и Д.Ш.Муфтахутдинова. Э.А.Салимова подготовила и издала такие учебно-методические пособия, как "Практикум по истории Татарстана", "Материалы по истории Татарстана и татарского народа (первая половина XIX века)" (1998 г., в соавторстве). Д.Ш.Муфтахутдинова выпустила методическое пособие "История Поволжья и Приуралья домонгольского периода (XIII-XV вв.)" (2002 г.). Указанные методические пособия, а также русско-татарский словарь доцента Э.А.Салимовой пользуются большим спросом у студентов и способствуют лучшему усвоению учебного материала. Таким образом, благодаря усилиям профессорско-преподавательского состава кафедр истории России и истории Татарстана студенты Казанского государственного педагогического университета обеспечены учебниками, научно-методическими пособиями по таким учебным дисциплинам, как история России и отечественная история, история Татарстана, историография и источниковедение. Кафедры истории России и истории Татарстана продолжали быть инициаторами проведения межвузовских научных конференций на базе КГПУ и издания по их итогам тематических сборников научных статей. В последние годы были подготовлены и изданы два сборника научных статей по проблемам историографии, источниковедения, преподавания истории в вузе и школе: "Историческая наука в Татарстане: исследовательские и педагогические традиции. К 120-летию Казанского государственного педагогического

университета. Материалы межвузовской научной конференции" (Казань, 1996, отв. ред. профессор О.В.Синицын, профессор З.З.Мифтахов); "Преподавание истории в вузе: исторический опыт и современность. К 125-летию Казанского государственного педагогического университета. Материалы межвузовской научной конференции" (Казань, 2002, отв. ред. профессор О.В.Синицын). В разработку проблем теории и методики преподавания истории свой вклад внесли Н.Н.Яснитская, Ю.А.Краснов, Р.М.Бикметова, Е.М.Шувалова, А.Н.Бикташева (Гребенкина). В последние годы успешно и плодотворно исследуется методическое наследие как теоретиков, так и практиков в области исторической науки кандидатом педагогических наук, доцентом кафедры истории России Е.М.Шуваловой, которая активно внедряет его в учебный процесс и педагогическую практику. В заключении нельзя не упомянуть еще об одном направлении, которое можно назвать корпоративным научным направлением института истории АН РТ, кафедр истории России и истории Татарстана. Речь идет об археологических исследованиях. Основателем этого исследовательского направления является доцент П.Н.Старостин, который заведовал кафедрой отечественной истории в 1988-1990 гг., а в настоящее время является ведущим научным сотрудником института истории АН РТ и совместителем кафедры истории Татарстана. Кроме большого количества научных статей по итогам археологических раскопок доцент П.Н. Старостин подготовил и издал в 2001 г. (в соавторстве) "Очерки по археологии Татарстана. Учебное пособие для студентов вузов и учителей истории". Археологические изыскания последних лет (особенно в Казани и Казанском Кремле) также связаны с именами выпускников исторического факультета КГПУ, а ныне совместителей кафедры истории России члена-корреспондента АН РТ, доктора исторических наук, профессора Ф.Ш.Хузина и кандидата исторических наук, доцента А.Г.Ситдикова. Уникальные археологические открытия и научные публикации, связанные, в том числе, с обоснованием 1000-летия г. Казани (2005 г.) снискали им заслуженный авторитет, мировую известность и признание.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие.....	3
Ключевский Василий Осипович.....	4
Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич	
Кареев Николай Иванович.....	30
Виппер Роберт Юрьевич.....	58
Хвостов Михаил Михайлович.....	61
Устюжанин Евгений Иванович.....	79
Могильницкий Борис Георгиевич.....	95
Иванов Владимир Ваильевич	104
Шарифжанов Измаил Ибрагимович.....	114
Гавриличев Валентин Андреевич.....	119
Муньков Николай Петрович.....	129
Ременников Алексей Михайлович.....	146
Синицына Клара Романовна.....	152
Школа историков КГПИ-КГПУ-ТГГПУ: научные практики и образовательная миссия.....	167
Научные направления и научные исследования кафедры истории России и кафедры истории Татарстана.....	177

СИНИЦЫН ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ

РОССИЙСКИЕ ИСТОРИКИ
XX века:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ
ОЧЕРКИ

Научное издание

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «45»
420044, г. Казань, пр. Ямашева, 36, ком.350
тел.: 212-27-83

Заказ № 450 от 19.07.21 г.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 11,75.
Бумага офсет 80 г. Печать ризографическая.
Тираж 125 экз.